

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (39) 2020

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2020

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2 (39) 2020
Август 2020**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 01.08.2020 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,28

Тираж 300 экз.

Заказ № 19964

Отпечатано в типографии «Гуд Принт»

620075, г. Екатеринбург,
пр-кт Ленина, д. 52, корп. 4

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
2 (39) 2020
August 2020**

Published four times a year

Founded by

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on August 1, 2020

Format 70x100^{1/16}

Reference sheet area 15,28

Issues – 300

Order # 19964

Printed by typography «Good Print»

Lenin Ave., 52, bldg. 4

Ekaterinburg, 620075, Russia

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**

www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

**June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties:
23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences**

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 2 (39)

Дискурс политики памяти

Скоробогачкий В.В.

Память и политика в структуре исторического знания 10

Русаков В.М., Русакова О.Ф.Инфраструктура новой политики национальной памяти
на постсоветском пространстве.
К постановке проблемы .....27**Фишман Л.Г.**

Наша не наша Победа.....48

Ковба Д.М., Грибовод Е.Г.Особенности формирования и реализации политики памяти
о Великой Отечественной войне
на постсоветском пространстве .....59**Хопёрская Л.Л.**Молодёжные объединения российских соотечественников в Киргизии
сохраняют память о Великой Отечественной войне .....78**Линченко А.А., Беляева Е.В.**Союзное государство – общая память?
Этические основания исторической политики
России и Беларуси в XXI веке.....97**Мошкин С.В.**

Политика забвения, или что происходит с «красным днём календаря»?..... 112

Поршнева О.С.Исследование политики памяти:
к преодолению методологической дихотомии
(на примере Первой мировой войны) 128

Парадигмы и процессы

Неменко Е.П.

Насилие как абсолютное событие в структуре повседневности
(на примере телесериала «Твин пикс»)..... 142

Виловатых А.В.

Манипулирование социальным поведением
в условиях цифровой среды..... 149

Кисс Э.

Некоторые главы из теории о неожиданной мировой истории.
Часть I 165

2 (39)

Memory Policy Discourse

Skorobogatskiy V.V.

Memory and Politics in the Structure of Historical Science 10

Rusakov V.M., Rusakova O.F. Infrastructure of the New National Memory Politics
in the Post-Soviet Space.

To The Statement of a Problem 27

Fishman L.G.

Our/Not Our Victory 48

Kovba D.M., Gribovod E.G. Features of the Formation and Implementation of the Memory Politics
of the Great Patriotic War

in the Post-Soviet Space 59

Khoperskaya L.L.

Youth Associations of Russian Compatriots in Kyrgyzstan

Retain the Memory of the Great Patriotic War 78

Linchenko A.A., Belyaeva E.V.

Union State – Common Memory?

Ethical Foundations of the Historical Policy

of Russia and Belarus in the 21st Century 97

Moshkin S.V.

Cruising Toward Oblivion: Or What Is Happening To the “Red-Letter Day”? 112

Porshneva O.S.

The Study of the Politics of Memory:

To Overcome the Methodological Dichotomy

(On the Example of the First World War) 128

Paradigms and Processes

Nemenko E.P.

The Violence as an Absolute Event in the Structure of the Everyday
(Case of "Twin Peaks")..... 142

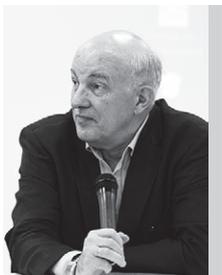
Vilovatykh A.V.

Manipulation of Social Behavior
under the Digitalization of Social Environment 149

Kiss E.

Some Chapters from a Theory about an Unexpected World History.
Part I..... 165

ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Скоробogaцкий Вячеслав Васильевич,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного управления
и политических технологий,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vvs0606@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 05.06.2020

Для цитирования: Скоробogaцкий В.В. Память и политика в структуре исторического знания // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2(39). С. 10–26. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10201

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о причинах огосударствления исторической памяти, возможности ее подмены идеологическими суррогатами под влиянием политического курса. Проблема исторической памяти тесно связана с кругом других вопросов – политика, нациестроительство в новых государствах Восточной Европы, национальная идентичность и соотношение этнического и национального, состояние исторической науки в России. Избранный в статье подход предполагает их рассмотрение в системной взаимосвязи. В статье проводится положение, что проблема обновления исторической науки является узловой и составляет необходимое условие решения всех остальных вопросов. Методологическая возможность системного анализа этой проблематики возникает с введением в научный оборот концепта новой исторической культуры. Она представляет собой инструмент для установления социального согласия посредством отсылки к авторитету прошлого, представленного в форме исторической памяти. Новая историческая культура фиксирует сдвиги в соотношении между политикой, памятью и историческим мышлением, в соответствии с которыми горизонты исторической памяти расширяются, включают скрытые ранее пласты былого, альтернативные миры семейных и личных

© Скоробogaцкий В.В., 2020

«историей». Предпосылкой новой исторической культуры, с точки зрения автора, является концепция исторического разума Х. Ортеги-и-Гассета с базовым понятием человеческой жизни как радикальной реальности, а теоретико-методологической основой – неоинституционализм Д. Норта. К основным результатам исследования можно отнести ряд положений, обладающих признаками новизны. Во-первых, тезис о «расширении» границ прошлого по мере перестройки институционального базиса в ходе развития, открывающем пространства альтернативных миров. В этом свете память представляет время как целое, в единстве модусов прошлого, настоящего и будущего, как включенность нового (альтернативного) опыта в структуры настоящего. Во-вторых, положение о том, что политика есть социальное «априори» исторической науки. В статье выделяются два способа опосредствования связи политики с историей – культура и идеология. В-третьих, это идея о «недостроенности» национальной идентичности в России снизу, вследствие чего так и не сложившееся национальное начало подменяется цивилизационным, историческая память приобретает этатизированный и конъюнктурный характер, а культурная традиция утрачивает жизненную почву и опустошается.

Ключевые слова:

историческая память, политика как социальное «априори» исторической науки, историческое знание, новая историческая культура, радикальная реальность, линейные и нелинейные модели истории, альтернативные миры, цивилизационная и национальная идентичность.

UDC 323+930.1

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10201

MEMORY AND POLITICS IN THE STRUCTURE OF HISTORICAL SCIENCE

Skorobogatskiy Vyacheslav Vasilyevich,

Ural Institute of Management,
Branch of RANEPa,
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Department of Public Administration
and Politics Technology,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vvs0606@gmail.com

Article received on May 11, 2020, accepted on June 5, 2020

To cite this article: Skorobogatskiy, V.V. (2020). Pamyat' i politika v strukture istoricheskogo znaniya [Memory and politics in the structure of historical science]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 10-26. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10201

Abstract

The article surveys the issue of historical memory governmentalization causes and possibility of its replacement by ideological surrogates under the influence of political course. The issue of historical memory is tightly connected with other matters – politics, construction of nation in the new Eastern Europe countries, national identity and ethnical and national correlation, Russian historical science situation. The chosen in the article approach suggests their discussion in the systemic interconnection. It's supposed that historical science renovation is the key problem and it forms the necessary condition of solving other problems. Methodological possibility of this issue systemic analysis arises with the introduction of the new historical culture concept in scientific turnover. It is the instrument for social agreement establishing through the reference to authority of the past represented as a historical memory. New historical culture fixes shift in the politics, memory and historical thinking correlation according to which historical memory horizons are going to broaden and include layers of the past hidden before, alternative universes of family and personal "histories". The precondition of new historical culture, according to the author, is the J. Ortega y Gasset's Historical Reason concept with basic idea of human existence as a radical reality, and theoretic-methodological base – the New Institutionalism by D. North. The main results of the research are certain scientific points with attribution of originality. First of all, the idea of borders of the past "extension" in the process of institutional basis reconstruction during the evolution that opens the space of alternative worlds. In this view memory presents time as something integral, in unity of the past, present and future modus, as an inclusion of new (alternative) experience in structures of the present. Secondly, the idea of politics being a social "apriori" of historical science. The article notes culture and ideology as two ways how to mediate the relations between the politics and history. Thirdly, the idea of national identity in Russia being "uncompleted" from beneath, thus immature national origin is replaced by civilizational one, historical memory becomes governmental and opportunistic and cultural tradition loses its vital ground and devastates itself.

Keywords:

historical memory, politics as a social "apriori" of historical science, historical science, new historical culture, radical reality, linear and nonlinear historical model, alternative worlds, civilizational and national identity.

Введение

Тема памяти получила широкое распространение в связи с обсуждением ряда проблем, которое придала им определенное политическое звучание. В числе таких можно отметить, во-первых, вопросы нациестроительства, актуальные для новообразованных государств, возникших на территории бывшего Советского Союза и социалистической Югославии (Султыгов, 2014). Эти процессы актуализировали проблему этноса и межэтнических отношений, в частности, соотношения гражданского и этнического национализма (Смирнов, 2005; Рогозина, 2012). Во-вторых, это вопросы идентичности, не только национальной,

но и цивилизационной, которые обострились в контексте геополитического сдвига, вызванного крушением биполярной структуры международных отношений и сопутствующего этому крушению «конфликта цивилизаций» (Хантингтон, 2003; Кортунов, 2009; Барабаш, Бордюгов, Котеленец, 2010). И, наконец, в-третьих, получили новое звучание, казалось бы, сугубо академические дискуссии о природе исторического знания и статусе исторической науки в современном российском обществе (Гордон, 2010; Тишков, 2011; Согрин, 2013).

Долгое время размышления в рамках первого, второго и третьего направлений проходили автономно, точнее изолированно друг от друга, и, возможно, именно этим объясняется отсутствие сколько-нибудь значимых результатов в решении данных вопросов. При этом проблема памяти и другие связанные с нею вопросы рассматривались преимущественно в идеологическом ключе, а сам ход их обсуждения подчинялся не столько логике научного поиска, сколько давлению политической конъюнктуры. Не историки, а политики и публицисты оказались на переднем плане обсуждения этих проблем. «На самом деле существует разрыв между популярной и кабинетной историей, и не только разрыв, а крайне нежелательное для общества отчуждение одной от другой» (Тишков, 2011, с. 11). Вполне ожидаемым оказался приговор, который от имени заинтересованных «потребителей» исторического знания вынес В. Третьяков: «утверждаю и настаиваю: ...наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются» (2010, с. 6).

В этом резко заявлении есть большая доля истины. Поэтому предварительным условием теоретического анализа проблемы памяти является уяснение того, что собой представляет историческая наука в современных условиях, насколько ее теоретико-методологический потенциал отвечает профессиональным задачам, а также запросам времени. Разумеется, мы затронем тему исторической науки лишь частично, в той мере, в какой это будет необходимо для ответа на основной вопрос нашей статьи, и в определенном ракурсе. А именно, каково соотношение внутренних (собственно теоретических) и внешних факторов исторического познания, и какова степень влияния внешних факторов на формирование исторического знания, мера их присутствия в его структуре?

Цель нашей статьи – попытка ответить на вопрос: почему наше национальное самосознание по существу лишено органической, изнутри национальной жизни прорастающей исторической памяти, почему оно довольствуется суррогатами, предъявляемыми со стороны не только государства, хотя государства – в первую очередь, но и других субъектов политики, претендующих быть (стать) учителями и водителями народа.

Наука истории в контексте новой исторической культуры

Кажется, что этот вопрос надо было бы обратиться к обществу. Чаадаев был первым, кто подчеркнул то обстоятельство, что в России усилиями Карамзина появилась история государства, но общество не имеет истории, поскольку оно – беспамятно: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. <...> Мы составляем пробел в порядке разумного существования. Я не могу довольно удивиться на эту пустоту, на эту поразительную оторванность нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна

наша непостижимая судьба. Но, есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире» (Чаадаев, 1989, с. 25, 26). Согласно Чаадаеву, отсутствие исторической памяти у общества сопряжено (и не имеет значения, что тут причина, а что – следствие) с низким уровнем цивилизации, во многом заимствованной, поверхностной и не имеющей корней в отечественной почве; с внутренней разобщенностью, социальной и человеческой; с чувством оторванности от европейской семьи, к которой Россия принадлежит по праву происхождения. Именно мысль об отсутствии истории, исторической памяти у общества¹ привлекла внимание редактора «Телескопа» к первому «Письму», побудила его сделать русский перевод и опубликовать в своем журнале.

Непреднамеренным результатом появления на свет «Истории...» Карамзина стал надлом формирующегося национального сознания, вскоре после этого расколовшегося на две партии, западников и славянофилов. В течение последующей истории страны они так и не смогли выйти из состояния разобщенности, найти общий язык и достичь общественного согласия относительно ценностей и целей национального существования, которое называется национальной идеей. Того согласия, которое могло бы составить ментальную опору для существования в России государства современного типа, правового, социального, демократического и федеративного. Государства, которое существует сегодня лишь на словах, декларативно, но не на деле. Как и два века назад, оно окружено плотным облаком культурно-идеологических мифов, среди которых одно их ключевых мест занимает мифологизированный образ прошлого, подменяющий в нашей картине мира – историю.

Чаадаев исходил из положения, что на состояние исторической памяти общества решающее влияние оказывают протекающая история и исторические обстоятельства. Все это так. Но поскольку прошлое для нас – то ли *tabula rasa*, то ли вещь-в-себе, начинать все-таки надо с проблемы исторической науки: каковы ее познавательные возможности, способна ли она пробиться сквозь пелену идеологических построений. Эта последняя задача предполагает способность к рефлексии – критическому взгляду на себя со стороны. Но с одним уточнением – по поводу того, что такое критика. Кантовское понятие критики (критического разума), прижившееся в XIX веке в русской литературе в виде особого отдела (в буквальном, чекистском смысле этого слова), призванного от имени «передового общественного мнения» контролировать и направлять литературный процесс, выискивая ошибки и недоработки у писателей, даже признаваемых гениями, – таковые Белинский находил и у Пушкина, и у Гоголя, – на деле означает мыслящее рассмотрение предмета с помощью понятий, его категориальный анализ. В нашем случае это означает, что история как наука должна быть помещена в некую смысловую рамку вместе с теми феноменами, которые являются, с одной стороны, предметами ее познавательных усилий, а с другой – социальными «априори» мышления историков, обуславливающи-

¹ В одном из «Ответов» Чаадаеву Н.И. Надеждин писал: «Но, братья русские, будем беспристрастны к себе, будем правдивы и искренни! <...> Мы имеем блистательные страницы истории. Но разве это история наша? Разве это история русского народа? Нет! Это история Государства Российского, это история царей русских!» (Чаадаев, 1989, с. 537).

ми не только пределы возможного для исторического разума, но и напрямую влияющими на содержание исторического знания, накладывающими на него глубокие отпечатки.

Выше мы указывали на совокупность таких феноменов, составляющих своеобразную «жизненную среду» исторической науки, по крайней мере в ее современном состоянии, – память, идентичность, политика, национализм и пр. Чтобы собрать воедино в теоретическом пространстве столь разнородную проблематику, включая и саму науку истории (как проблему для себя самой, как предмет самопознания), и тем самым (в качестве неочевидной, попутно решаемой задачи) сформировать смысловую рамку рефлексии, необходимо обратиться к понятию исторической культуры. Что понимается под исторической культурой в современной исторической науке? В ее составе выделяют два горизонта – (1) собственно историческое мышление (включая науку истории) и (2) представления о прошлом, складывающиеся в ходе исторического процесса в коллективной памяти различных этнических и социальных групп. На втором горизонте исторической памяти размещаются памятники устной традиции, документы публичного и частного характера, литературные источники – исторические сочинения, художественные и публицистические произведения (Репина, 2006, с. 9, 13). Во взаимодействии этих двух горизонтов активная роль принадлежит второму, который иногда и называют собственно исторической культурой (Репина, 2006, с. 15). Назначение исторической культуры – обеспечить социальное согласие посредством отсылки к прошлому. Естественно, что образ прошлого не статичен и переживает непрерывные изменения, причины которых – как поворотные события в жизни нации, так и политическая конъюнктура. В любом случае эти образы являются результатом конструирования. *«Коллективная память предстала как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как массовое представление о прошлом на групповом уровне»* (Тишков, 2011, с. 19).

Функциональное использование образа прошлого, его *инструментализация* составляют одну из характерных черт новой исторической культуры (Тишков, 2011, с. 19). Это свидетельствует о своеобразной секуляризации прошлого и вместе с этим – исторической памяти, о десакрализации того, что традиционно считалось «преданием», освящавшим истоки, «корни» народной жизни, уходящие в Космос доисторического существования народа. Еще недавно казавшийся незыблемым, фундаментальным цоколь этнонационального Дома-Космоса (Фрейденберг, 1990, с. 158) пришел в движение, стал переменной величиной, значение которой определяется актуальностями настоящего. Здесь же берет начало и такое «старо-новое» явление, как опрокидывание в прошлое уже не только политических «заданий», но и моральных и юридических норм. Переоценка общепринятых представлений о былом – дело, в общем-то, не новое – происходит сегодня в необычной форме публичного театрализованного действия – «суда истории» (Тишков, 2011, с. 19), вплоть до намерения добиться буквального (юридического) осуждения тех или иных лиц, организаций и их действий из прошлого, что граничит с намерением переиграть случившееся.

С нашей точки зрения, именно концепт новой исторической культуры открывает перспективное теоретико-методологическое русло движения научной мысли. При этом следует избегать соблазна измыслить новые «сущности», по-

явление которых и создает иллюзию новизны – эффект, рождаемый расширением научного словаря. Пример подобного применения нового концепта – работа В. В. Согрина, в которой историческая культура рассматривается как некая предметная реальность. Он расчленяет ее на подвиды – государственно-политическая, народная и научная субкультуры (Согрин, 2013, с. 92) – и из взаимодействия между ними извлекает некоторые выводы. Но выводы эти имеют характер аналитических суждений, посредством которых не производится новое знание, но только детализируется и уточняется уже известное, заложенное в исходных посылах. Введение в оборот понятия исторической культуры будет плодотворным, если мы не будем рассматривать ее как еще одну (дополнительную) «вещь» среди других вещей, как отдельную отрасль общей культуры, как видовое ее подразделение. Есть понятие теплоты, но нет реального феномена теплоты, поскольку в действительности существуют вещи, теплые или холодные. Историческая культура – абстракция, но не квази-вещь вроде «теплоты», а абстракция другого рода. Это функциональная проекция культуры на то, что Х. Ортега-и-Гассет называл радикальной реальностью: «Человеческая жизнь – необыкновенная реальность, о которой прежде всего следует сказать, что она является радикальной реальностью – радикальной в том смысле, что именно с ней соотносятся все другие реальности; все они – действительные или возможные – в ней так или иначе проявляются» (Ортега-и-Гассет, 1990, с. 437). Человеческая жизнь – экран с изображением, в фокусе которого – человек, взятый в кругу обстоятельств его жизни.

Упоминание испанского философа – не дань вежливости. Нам представляется, что модель исторического разума, которую мы находим у Ортеги, является в определенной мере предвосхищением того, что сегодня называют новой исторической культурой. Основной пафос ортегианской концепции истории – в отказе от классической рациональности, которая отталкивалась от элейского понимания бытия как ставшего, себе тождественного и законченного. Основной целью познания в этом случае становится определение «природы» того или иного явления. Искомая «природа» и есть предельная онтологическая (бытийственная) характеристика любого явления или предмета, которые получают определение вещи. Но человек, согласно Ортеге, не вещь, человек есть Я и его обстоятельства (Ортега-и-Гассет, 1990, с. 459). Иными словами, исторический разум, в отличие от классической рациональности, видит в истории становящееся, изменение, принципиальный выход за пределы, стремление к уникальности, всякий раз ограниченное обстоятельствами, как бы мы их не называли – ставшее, бытие, прошлое...

Проецирование культуры на экран радикальной реальности, используя терминологию Ортеги, выявляет еще одну грань истории, существенно меняющую ее образ: история предстает как нелинейное многомерное образование. В рамках двумерной модели исторический процесс имеет вид одно- или многолинейного (распадающегося на протоки и ручейки) русла с развилками и поворотами. Разногласия и споры, как правило, вызывает вопрос о том, когда, в каком пункте и по каким причинам произошел тот или иной поворот (перелом) и можно ли было его предотвратить? В случае нелинейных представлений речь идет о чем-то более сложном – о формировании многомерного образа исторического процесса, включающего в себя *альтернативные миры*. «Имеет смысл говорить не о ли-

ниях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. <...> Переход к более адекватному пониманию социоэволюционных процессов может быть достигнут, на наш взгляд, через отказ как от однолинейных, так и от многолинейных схем социальной эволюции и через последующую разработку ее нелинейных моделей» (Коротаев и др., 2000, с. 75). И существуют эти миры не в сослагательном наклонении («если бы»), а в реальности, параллельно, перпендикулярно и «навстречу» друг другу, если использовать столь привычные для нашего воображения евклидовы инструменты конструирования пространства. В многомерном пространстве, как в космосе, нет избранных направлений-магистралей и привычных меток-указателей (левое-правое, верх-низ, вперед-назад). Радикальная реальность человеческой жизни – фактор, возникший в результате «восстания масс» и под действием политико-правового императива прав и свобод человека. Этот фактор дробит монолит социальной истории – процесса, который протекает «поверх» человеческого «материала» и законы которого действуют статистически, «en masse». Дробит его на «альтернативные тропинки» (Хаттон, 2004, с. 15) человеческих (семейных и индивидуальных) «историй».

Становление исторического разума, другими словами, новой исторической культуры сопровождалось формированием неоинституциональной методологии, представленной в работах Д. Норта (2010; Норт и др., 2011). Ключевое положение Норта – «история имеет значение» (2010, с. 82). В первом приближении кажется, что речь идет об «эффекте колеи», или детерминирующем влиянии прошлого, культурного наследия, задающего ограничения, русло возможного для актуальных действий. Но в этом утверждении есть и другая сторона – мы перестраиваем институциональный базис, на котором пытаемся осуществить некий проект, прорыв в будущее. И эта перестройка включает в себя как существенный момент изменение прошлого.

Изменение прошлого можно рассматривать как углубление знаний и как открытие новых, ранее неизвестных обстоятельств, то есть как нечто, затрагивающее не только область знания, но непосредственно – саму реальность, открывающее в ней уже упомянутые альтернативные тропинки в прошлое, более того, целые пласты прошлого – альтернативные реальности, которые входят в настоящее в виде нового *опыта*, трансформирующего традиции и актуальное содержание культуры. Опыт – не просто прошлое, которое ушло; в опыте и благодаря опыту прошлое присутствует в настоящем, в человеческой жизни. «Жизнь как реальность является абсолютным присутствием: нельзя сказать, что *имеется* нечто, если оно не есть настоящее, актуальное. Поэтому если *имеется* прошлое, то оно *имеется* как настоящее и воздействующее на нас сейчас» (Ортега-и-Гассет, 1990, с. 465).

Обусловленное институциональной перестройкой обновление интеллектуальной оптики способствует раздвижению границ прошлого, росту его присутствия в настоящем и обновлению исторической картины с помощью многомерных моделей. К их числу относится и концепция вероятностной истории С. Переслегина (2010, с. 49), активно осваивающего область будущего, которая еще недавно была в монопольном ведении футурологов и фантастов. Но пока проекты подобного рода остаются в сфере паранаучного знания – с точки зрения «нормальной» науки. Но не надо забывать, что «норма» в науке, как и всякая культурная конвенция, – вещь относительная, условная и временная.

Прошлое и политика: новая постановка старой проблемы

Допущение альтернативных реальностей – отнюдь не попытка переигрывания истории под знаком: а что было бы, если ...? Речь идет о существенном расширении и углублении знания о прошлом. Знание о прошлом – привычное словосочетание, оно с легкостью отождествляется с историческим знанием, по крайней мере ставится во вполне очевидную связь с ним. Но является ли история наукой о прошлом – вопрос совсем не риторический. М. Блок, например, считал эту мысль абсурдной, поскольку относящиеся к прошлому феномены имеют «... между собой лишь то общее, что они несовременны нам. Точно также можно ли представить себе всеобъемлющую науку о вселенной в ее нынешнем состоянии?» (Блок, 1973, с. 17). С его точки зрения, «идол истоков» – заблуждение, основанное на недопустимом смешении преемственной связи с объяснением (Блок, 1973, с. 22).

Знания о прошлом составляют содержание исторической памяти, и в этом отношении векторы исторической науки и исторической памяти противоположны. Историческая наука начинается с настоящего – отсюда исходит запрос, *ради которого* (вопрос «зачем?») очень важен для науки) наука строит объяснение, затрачивая огромные усилия на разработку способов сбора и оценки достоверности данных, «производства» фактов, обновляя методы, принципы и понятия. Внутренняя «кухня» теоретического исследования составляет необходимое условие его возможности вообще. Конечный результат научного исследования – концепция (концепции), и это не то же самое, что «картина» прошлого, рассказ о нем с «правильной точки зрения». Концепции, которые создают ученые, – часть той работы по перестройке институционального базиса, которая (перестройка) сопровождает любой крупный сдвиг в развитии общества, перелом или шаг вперед. Рост здания предполагает укрепление (расширение и углубление) основ, фундамента, на котором стоит настоящее. Потому-то по-настоящему серьезные перемены в исторической науке возможны только в ситуации кардинальных общественных перемен (и, наоборот, можно предположить, что неготовность исторической науки к новому становится одной из, пусть и не главной, но причин срыва возможных изменений в обществе). Движение общества отзывается изменением прошлого, и в этой неразрывности и сцеплении модусов времени, прошлого, настоящего и будущего история (уже не наука, а реальность) обретает плотность и достоверность существующего.

Время – специфическая субстанция истории, та сила, которая вызывает ее пульсирующее движение и целостную связь шагов – этапов, периодов, стадий. Специфическая – значит, не извне приходящая, а в глубине исторического процесса возникающая, в сознании людей, в их жизни. И эта духовная сила – память. «Память означает изначально не способность запоминать. Это слово именуется целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, что сущностно обращено ко всякому чувствованию. Память изначально означает то же самое, что молитва, по-миновению: неотпускаемое, собранное пребывание не только при прошлом, но равным образом и при настоящим, и при том, что может прийти» (Хайдеггер, 2010, с. 160). Слово «молитва» Хайдеггер использует здесь не случайно: память так или иначе имеет сакральный характер, она изначально для человека.

Память представляет нам время во всей его полноте, как актуальность, как целое (Погорельская, 2013, с. 54). Нет памяти – нет истории, остается лишь неосмысленная и непрочувствованная, прожитая, но не пережитая россыпь протекших событий, совершенных поступков, ушедших лиц – нагромождение былого, в котором предстоит разбираться историкам будущих времен – если для такого общества будущее когда-нибудь наступит. Пустынная степь, усеянная курганами, – такой представлялась несостоявшаяся русская история Чаадаеву: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, – вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил нам о прошлом... Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя» (Чаадаев, 1989, с. 20).

Привязанность к настоящему – обстоятельство, определяющее как условия возможности исторической науки, так и границу ее самостоятельности. Именно вследствие привязанности исторического познания к актуальному его неустранимым внешнеэпистемологическим фактором, его социальным априори является политика. Такова природа историознания, и не только советского (Гордон, 2009). Вопрос заключается только в том, какова эта политика, какие цели она преследует. И в первую очередь зависимость истории от политики обусловлена тем, что история возникает и развивается не столько как вид научного познания, сколько как разновидность литературы, предназначенной стать хранилищем и ретранслятором того, что мы называем исторической памятью. Возникая в эпоху античной классики, история шла на смену мифу и становилась на ноги в тесной конкуренции с другим постмифическим образованием – античным театром трагедии. История с самого начала своего возникновения была частью культуры полиса и того, что тогда было политикой – способом регулирования конфликтов и выработки рациональных решений, направленных к общему благу. Долгое время историческая наука оставалась контурно намеченным аспектом сложного переплетения политики и исторической памяти. Недоверие одного из основоположников новоевропейской науки Бэкона к истории не случайно и вполне объяснимо, поскольку историческое знание той эпохи не отвечало духу Наукоучения. Оно, как и в Афинах V века до н. э., было намного ближе к трагическому театру его современника Шекспира с историческими хрониками, охватывавшими три века английской истории, от Иоанна Безземельного до Ричарда III.

В отечественной науке вопрос о связи исторической науки с политикой впервые был поставлен М.Н. Покровским, которому принадлежит крылатая фраза: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». Точности ради надо отметить, что данная фраза несла в себе критический заряд и была обращена к поколению «учителей», к дореволюционным русским историкам – Чичерину, Кавелину, Ключевскому, Чупрову, Петражицкому (Соколов, 1966, с. 28). Но обвинительный уклон у Покровского направлен не против «политизации» истории вообще, но только против «дворянско-буржуазной» точки зрения старой историографии. Для него история – самая политическая наука, она – объяснительная глава в политике. Показательна в этом отношении позиция, с которой он дискутировал с Троцким вопрос о характере русской революции. «Спор о том или ином понимании русской истории превращался таким образом в спор о том

или ином понимании ленинизма... <...> Ибо правильное понимание русской истории может опираться только на понимание ее Лениным» (Покровский, 1967, с. 560). У Покровского история не просто «политична» (в смысле банального заказа на обоснование политического курса), она – «идеологична», ибо только при этом условии она в состоянии правильно понять и исполнить политический заказ «своего» класса, точнее, партии. Историческая наука не способна подвести надлежащее «объяснение» под актуальную политику, отклоняясь от марксистской точки зрения. Положения, неверные с точки зрения *идеологической*, объявлялись Покровским *теоретически* неверными и даже малограмотными. Ленин же для него – носитель абсолютной истины в понимании истории потому, что его работы – образец марксистской идеологии.

Фатальна ли эта зависимость истории от политики? Как и в связи с чем меняется соотношение между ними? С нашей точки зрения, взаимосвязь между политикой и историей опосредствуется двояко – культурой или идеологией. В первом случае влияние политики проявляется в виде установки, которая определяет выбор и утверждение ценностей, являющихся для общества основополагающими, причем не конъюнктурно, а в достаточно длительной исторической перспективе, закрепленными в укладе жизни, строе чувств и мышления людей, поддерживающими сложившийся институциональный порядок. Таковы, например, ценности, связанные с демократией: допуская разнообразие точек зрения, в том числе и идеологических, они определяют принципы и правила, в соответствии с которыми осуществляется свободная конкуренция идей и возможна свобода научного поиска.

Во втором же случае, когда соотношение между политикой и историей опосредствуется идеологически, когда фактически, на деле, отвергаются «иные» точки зрения, не соответствующие идеологическому канону, речь идет о свертывании пространства прав и свобод. «Дефицит» свободы запускает процессы культурной деградации, что отражается как на одной, так и на другой стороне. В русле «нового варварства» (Кара-Мурза, 1995) политика утрачивает созидательный характер, обретает конфликтную направленность, склонность к агрессии и применению насилия и конъюнктурный характер. Историческая наука в свою очередь переживает процесс догматизации и становится инструментом обоснования политического курса со всеми его зигзагами и поворотами. Для такого общества характерна чрезвычайно короткая, неглубокая и выборочная историческая память и картина прошлого, которую переписывают вслед за изменением политической конъюнктуры. Так, в России 1920-х – 30-х годов сменилась историческая культура с присущими ей исторической памятью и строем исторического мышления и познания. Резкие повороты в политике в короткое время разрушили глубинный «костяк» старой исторической памяти – те культурные традиции, которые поддерживали преемственную связь настоящего с отвергаемым теперь прошлым, давним и недавним – и лишили культурной и жизненной почвы тип исторического мышления, которое (мышление) вырабатывалось в петербургской России в течение предшествующих полутора столетий.

Предваряя ответ на главный вопрос нашей статьи о том, почему общество неспособно к порождению исторической памяти и склонно довольствоваться ее идеологическими суррогатами, возвращаюсь к мысли Чаадаева: «...*Есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит*

в нравственном мире» (Чаадаев, 1989, с. 26. Курсив мой – В.В.). Решающей причиной, с его точки зрения, был цивилизационный выбор России – принятие православия у «растленной» Византии, что способствовало напрямую ее отчуждению от Запада, культурной и социальной опустошенности существования (Чаадаев, 1989, с. 26). Характерно, что Пушкин в своем отклике на публикацию первого «Письма» (черновик неотправленного письма от 19 октября 1836 года), категорически отвергая тезис о «нашей исторической ничтожности» и не придавая особого значения конфессиональным различиям *внутри* христианства, поддержал Чаадаева в главном: «Что надо было бы сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России» (Пушкин, 1958, с. 887).

Собственно, этой цитатой можно было бы и завершить статью. Но остается еще один вопрос, актуальный для нашего времени, – вопрос о национальной идентичности. Смысл чаадаевских размышлений об отношениях между Россией и Европой, с нашей точки зрения, гораздо глубже, нежели нападки на православие, которые Пушкин, сознавая всю рискованность их для Чаадаева², пытался нейтрализовать шуткой³. Сама постановка вопроса о национальной идентичности – большой шаг вперед в процессе формирования национального самосознания. Если для Карамзина 1790-х годов («Письма русского путешественника») очевидно, что национальная идентичность – феномен не самодостаточный, что «человеческое» в нашей натуре предшествует «русскости» (Карамзин, 1983, с. 323), то в «Записке о древней и новой России...» он склоняется к иной позиции. Для него специфика России как нации обуславливается самодержавием, опирающимся на церковь и на традиционный уклад жизни народа (Карамзин, 1991, с. 24, 35–36). Данная идея определила концептуальное ядро его «Истории...»⁴, что и вызвало, скорее всего, столь резкую реакцию Чаадаева.

Карамзинская идея самодержавия, развитая впоследствии идеологом николаевского царствования С.С. Уваровым (кстати, одним из участников «Арзамаса», кружка литераторов-карамзинистов в послевоенном Царском Селе), представляет собой модель идентичности, в которой цивилизационное начало поглощает национальное, как государство в России поглощало нацию. С николаевских времен термин «нация», введенный в русский политический язык в эпоху Петра I и характеризовавший Россию как полноправного политического игрока на общеевропейской сцене, в кругу других наций, выводится из оборота.

² «Но боюсь, как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили» (Пушкин, 1958, с. 873).

³ «Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё» (Пушкин, 1958, с. 872). В черновике: «Оно не принадлежит хорошему обществу» (с. 886).

⁴ Пушкин выразил это отношение в своем стиле, эпиграммой: «В его «Истории» изысканность, простота / Докажут нам без всякого пристрастья / Необходимость самовластья / И прелести кнута».

Присвоив себе статус цивилизации, особой и стоящей в ряду других цивилизаций, наряду с Западом и Востоком, став всепоглощающей силой в пространстве духовной жизни (шире – культуры вообще) страны, государство взяло под контроль, этатизировало частную жизнь со всеми ее закоулками. И если европейские начала еще сохранялись в русской культуре (а на иных началах она не могла бы существовать), то потому, что государство оставалось, как писал Пушкин, единственным европейцем в стране: необходимость иметь сильную армию требовала европейского Просвещения, промышленности – того, что сегодня называется научно-техническим прогрессом и чего обеспечить собственными силами при таком положении вещей мы были не в состоянии ни тогда, ни сегодня.

С этого же времени отношение к Западу приобрело устойчиво двойственный характер. Появление культурно-политических ориентаций «западников» и «славянофилов», их непрерывающаяся с течением времени дискуссия – свидетельство того, что причины подобного отношения к Западу имеют внутренний характер и не связаны напрямую с теми или иными действиями Запада по отношению к России. Поиск этих причин – дело достаточное сложное. Представляется, что большое значение имеет характер культурного диалога, который предполагает взаимодействие сторон на трех уровнях – вещей, идей и ценностей. Первые два уровня активно осваивались русскими людьми в течение XVIII века, охотно поступившими в школу Просвещения и добившимися в ней неплохих успехов, свидетельством чему стали Петербург, флот и армия, университет, литература, театр, музыка, живопись, по-европейски образованный, пусть и немногочисленный, класс и многое другое. Но на глубинном уровне ценностей во многом сохранялось отчуждение от Запада, корни которого уходили в политические и конфессиональные конфликты, связанные с борьбой за «киевско-русское наследство» с Польшей и Ватиканом, начиная середины XV века.

Вот это обстоятельство – отчуждение от Запада на уровне глубинных ценностей – и ухватил Чаадаев, возлагая ответственность за это на православие. Но действительным «виновником» такого отчуждения было государство и выращенное им, воспитанное на этике служения Отечеству, образованное общество. Главный итог государственного воспитания подвел Пушкин: циничное презрение образованного общества к мысли и достоинству человека. Сложился тип человека-холопа, не просто отвергающего принципы справедливости, права, морали и истины, без которых невозможно личное Я, но осознанно использующего их демонстративное отсутствие в целях достижения успеха. Этот итог – человеческий тип с деформированным личным началом. Отсюда нравственная инфантильность, перерастающая в неспособность к решительному поступку, что стало чертой характера у так называемых «лишних людей», выведенных русской литературой. И еще – закоренелая неприязнь к этике Канта со стороны русской интеллигенции.

Нравственная незрелость общества, компенсируемая в советское время *сознательностью*, – одна из причин, препятствовавших становлению нации в России. Нация – не только продукт деятельности государства, это еще и нравственное существо, действия которого подлежат моральной оценке точно так же, как и действия отдельной личности. Отсюда и «недостроенный» снизу характер национальной идентичности, неукорененной в социальной и куль-

турной реальности русской жизни. Советский человек был воплощением этой цивилизационной идентичности, заменявшей у русскоязычного населения СССР отсутствующую национальную идентичность, стал ее суррогатом. Уравнение «советское = русское» сменилось другим, в котором «советское» уступило место «российскому», но сам характер идентичности при этом остался прежним.

Заключение

«Недостроенный» характер национальной идентичности, с нашей точки зрения, обуславливает доминирование государства в области исторической памяти и воспроизводство существенных сторон идеологического подхода в современной исторической науке. И проявляется это последнее не только в сохранении культуры партийности (Гордон, 2009) в научном сообществе историков, но еще и в том, что затрагивает напрямую как принципиальные установки, так и теоретико-методологический инструментарий исторического знания. У нас фактически отсутствуют семейные «предания». Редко кто из современных россиян знает имя-отчество прадедов, не говоря уже об их «историях». Из таких «преданий» и «историй» и складывается гражданская память, память общества, прорастающая «снизу» и укрепляющая культурную традицию. В этом заключается одна из причин того, что для исторической науки по-прежнему «закрыты» пласты альтернативной истории. Историческая наука так и не стала гуманитарной дисциплиной. Она все еще сохраняет характер социальной («социализированной») истории даже тогда, когда описывает не социальные процессы, а, например, культуру общества того или иного периода или дает портреты исторических персонажей. И, соответственно, социальное конструирование реальности (Бергер, Лукман, 1995, с. 9–10), осуществляемое посредством когнитивного «материала», подвергнувшегося этатизации и идеологической обработке, способствует строительству государства-коLOSSа, государства-Левиафана – так же, как население древнего Египта из поколения в поколение воздвигало пирамиды, хранившие мертвое, неизбывное прошлое.

Список литературы

1. Барабаш, В. В., Бордюгов, Г. А., Котеленец, Е. А. (2010). *Образы России в мире. Курс лекций*. М.: Ассоциация исследователей российского общества.
2. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: «Медиум».
3. Блок, М. (1973). *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука.
4. Гордон, А. В. (2009). Культура партийности и опыт советского историознания. *Россия и современный мир*, 3, 160–180.
5. Карамзин, Н. М. (1983). *Письма русского путешественника*. М.: Советская Россия.
6. Карамзин, Н. М. (1991). *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении*. М.: Наука.
7. Кара-Мурза, А. А. (1995). «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН.

8. Коротаев, А.В., Крадин, Н.Н., Линша, В.А. (2000). Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.
9. Кортунов, С.В. (2009). *Национальная идентичность: Постижение смысла*. М.: Аспект Пресс.
10. Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.
11. Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара.
12. Ортега-и-Гассет, Х., (1997). История как система. *Избранные труды* (с. 437–479). М.: Изд-во «Весь мир».
13. Переслегин, С. (2010). *Возвращение к звездам: Фантастика и эволюция*. М.: АСТ, АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica.
14. Погорельская, Е.Ю. (2013). О значении памяти для целостного представления о человеке. *Вопросы политологии и социологии*, 1(4), 52–56.
15. Покровский, М.Н. (1967). О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России. В Покровский М.Н., *Избранные произведения в 4 книгах. Книга 3. Русская история в самом сжатом очерке* (с. 559–579). М.: Мысль.
16. Пушкин, А.С. (1958) *Полное собрание сочинений в десяти томах. Второе издание. Том десятый. Письма (1815–1837)*. М.: Изд-во АН СССР.
17. Репина, Л.П. (Ред.). (2006). *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. М.: Кругъ.
18. Рогозина, О. (2012). Этнический и гражданский национализм: соотношение и взаимосвязи. *Вестник Российской нации*, 4–5, 177–184.
19. Смирнов, А.Н. (2005). Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики. *Политические исследования*, 4, 30–52.
20. Согрин, В.В. (2013). Три исторические субкультуры постсоветской России. *Общественные науки и современность*, 3, 91–104.
21. Соколов, О.Д. (1966). Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского. В Покровский М.Н., *Избранные произведения в 4 книгах. Книга 1. Русская история с древнейших времен (тома I и II)* (с. 5–71). М.: Мысль.
22. Султыгов, А.-Х. (2014). К вопросу о генезисе советского народа и реконструкции российской нации. *Вестник Российской нации*, 6, 47–109.
23. Тишков, В.А. (2011). *Новая историческая культура*. М.: Издательство Московского психолого-социального института.
24. Третьяков, В. (2010, 25 ноября). СССР как научная проблема. *Известия*.
25. Уайт Х. (2002). *Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
26. Фрейденберг, О.М. (1990). Утопия. *Вопросы философии*, 5, 148–167.
27. Хайдеггер, М. (2010). *Что зовется мышлением?* М.: Академический проект.
28. Хантингтон, С. (2003). *Конфликт цивилизаций*. М.: Издательство АСТ.
29. Хаттон П. (2004). *История как искусство памяти*. СПб.: Изд-во «Владимир Даль».
30. Чаадаев, П.Я. (1989). *Сочинения*. М.: Изд-во «Правда».

References

1. Barabash, V.V., Bordyugov, G.A., & Kotelenets, E.A. (2010). *Obrazy Rossiji v mire. Kurs leksij* [The image of Russia in the World. Lecture course]. M.: Assotsiatsija issledovatelej rossijsckogo obschestva.
2. Berger P., & Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noje konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge]. M.: "Medium".
3. Bloch, M. (1973). *Apologija istorii, ili Remeslo istorika* [The historian's craft]. M.: Nauka.
4. Chaadaev, P. Ya. (1989). *Sochineniya* [Write composition]. M.: Pravda.
5. Freidenberg, O.M. (1990). Utopiya [Utopia]. *Voprosy filosofii*, 5, 148–167.
6. Gordon, A. V. (2009). Cul'tura partijnosti i opyt sovetskogo istorioznaniya [Culture of party spirit and experience of Soviet historical knowledge]. *Rossija i sovremennyy mir*, 3, 160–180.
7. Heidegger, M. (2010). *Chto zovetsya myshlenijem?* [What is called thinking]. M.: Akademicheskij project.
8. Huntington, S. (2003). *Konflikt tsivilizatsij* [The clash of civilizations]. M.: Izdatel'stvo AST.
9. Hutton, P. (2004). *Istorija kak iskusstvo pamjati* [History as an art of memory]. SPb.: Izdatel'stvo "Vladimir Dal".
10. Karamzin, N.M. (1983). *Pis'ma russkgo puteshestvennika* [Letters of Russian traveler]. M.: Sovetskaja Rossija.
11. Karamzin, N.M. (1991). *Zapiska o drevnej i novej Rossiji v ejo politicheskom i grazhdanskom otnoshenii* [Memoir of ancient and modern Russia in its political and civil ways]. M.: Nauka.
12. Kara-Murza, A.A. (1995). "Novoje varvarstvo" kak problema rossijskoj zivilizatsii ["New barbarism" as the problem of Russian civilization]. M.: IPh RAoS.
13. Korotaev, A.V., Kradin, N.N., & Lynsha, V.A. (2000). Al'ternativy social'noj evolutsii (vvodnyje zamechanija) [Alternatives of social evolution (opening notes)]. *Al'ternativnyje puti tsivilizatsii* (pp. 24–83). M.: Logos.
14. Kortunov, S. V. (2009). *Natsional'naja identichnost': Postizhenije smysla* [National identity: Understanding the meaning]. M.: Aspekt Press.
15. North, D. (2010). *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the process of economic change]. M.: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly ekonomiki.
16. North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Nasilije i sotsial'nyje porjadki. Kontseptual'nyje ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
17. Ortega y Gasset, J. (1997). *Istorija kak sistema. Izbrannyje trudy* [History as a system. Selected works] (pp. 437–479). M.: Izdatel'stvo "Ves' Mir".
18. Pereslegin, S. (2010). *Vozvraschenije k zvezdam: Fantastika i evologija* [Returning to the stars: Fantastic and evology]. V.: AST, AST MOSKVA; SPb.: Terra Fantastica.
19. Pogorel'skaja, E. Y. (2013). O znachenii pamjati dlja tselostnogo predstavlenija o cheloveke [On the meaning of memory for the integral view

on human]. *Voprosy politologii i sotsiologii*, 1(4), 52–56.

20. Pokrovskij, M. N. (1967). O ruskom feodalizme, proishozhedenii i haraktere absolutizma v Rossii [On Russian feudalism, origin and nature of absolute monarchy in Russia]. In Pokrovskij, M. N., *Izbrannyje proizvedenija v 4 knigah. Kniga 3. Russkaja istorija v samom szhatom ocherke* [Selected works in 4 volumes. Volume 3. Russian history in the most brief essay] (pp. 559–579). M.: Mysl'.

21. Pushkin, A. S. (1958). *Polnoje sobranije sochinenij v desjati tomah. Vtoroje izdanije. Tom desjatyj. Pis'ma (1815–1837)* [The complete works in 10 volumes. Volume 10. Letters (1815–1837)]. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

22. Repina, L. P. (2006). *Istorija i pamjat': istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: European historic culture before the beginning of Modern history]. M.: Krug.

23. Rogozina, O. (2012). Etnicheskij i grazhdanskij natsionalizm: sootnoshenije i vzaimosvjazi [Ethnic and civil nationalism: correlation and interrelation]. *Vestnik Rossijskoj natsii*, 4–5, 177–184.

24. Smirnov, A. N. (2005). Etnichnost' i kul'turnyj pluralizm v kontekste gosudarstvennoj politiki [Ethnicity and cultural pluralism in the context of public policy]. *Politicheskije issledovanija*, 4, 30–52.

25. Sogrin, V. V. (2013). Tri istoricheskije subkul'tury postsovetskoj Rossii [Three historical subcultures of post-Soviet Russia]. *Obschestvennyje nauki i sovremennost'*, 3, 91–104.

26. Sokolov, O. D. (1966). Razvitije istoricheskikh vzglyadov M. N. Pokrovskogo [Evolution of M. N. Pokrovsky's historic views]. In Pokrovskij M. N., *Izbrannyje proizvedenija d 4 knigah. Kniga 1. Russkaja istorija s drevnejshih vremen (toma I i II)* (pp. 5–71). M.: Mysl'.

27. Sulygov, A.-H. (2014). K voprosu o genezise sovetskogo naroda i rekonstrukcii rossijskoj natsii [On the issue of Soviet people genesis and Russian nation reconstruction]. *Vestnik Rossijskoj natsii*, 6, 47–109.

28. Tishkov, V. A. (2011). *Novaja istoricheskaja kul'tura* [New historic culture]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-sotsial'nogo instituta.

29. Tretjakov, V. (2010, November 25). *SSSR kak nauchnaja problema* [USSR as a scientific issue]. *Izvestija*.

30. White, H. (2002). *Metaistorija. Istoricheskije voobrazhenije v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

ИНФРАСТРУКТУРА НОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2020, принята к публикации 02.06.2020

Для цитирования: Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18-6-68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

© Русаков В.М., Русакова О.Ф., 2020

Аннотация

Статья посвящена проблеме описания и анализа последовательно и систематически выстраиваемой инфраструктуры конструируемой политики памяти независимых государств на постсоветском пространстве – институтам, центрам, музеям, общественным объединениям, средствам массовой информации и т. п., провозглашающим «возвращение к исторической правде», формированию «подлинной исторической памяти» народов бывшего СССР.

Анализ показывает, что политика памяти давно перестала быть только феноменом общественного сознания, политической теории: как всякая политика, т. е. отношения по поводу общественной власти, она опирается на разнообразные властные ресурсы: материально-вещественные, институциональные, идеологические. Более того, в современных условиях продвижения и использования технологий «мягкой силы», политика памяти мобилизует беспрецедентные ресурсы, в особенности связанные с медиатизацией политики для достижения поставленных политических целей.

Главными целями новой политики памяти являются: ревизия сложившихся в политической науке интерпретаций недавнего прошлого и, прежде всего, причин и характера Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), Второй мировой и Великой Отечественной войн (1941–1945 гг.) и ее итога – Победы (1945); антикоммунистическая и антисоветская ревизия итогов социально-политических, экономических и культурных преобразований Советского государства с целью объявления всего советского периода отечественной истории «преступным»; пересмотр системы международных отношений РФ как правопреемницы СССР с тем, чтобы «обосновать» правомерность требования к РФ различных «компенсаций»; подрыв социально-политического единства российского общества и дискредитация российского государства в международном масштабе.

Впервые поставлена задача систематически описать элементы инфраструктуры новой политики памяти: разнообразные институты (институты национальной памяти, музеи советской «оккупации», ветеранские организации профашистских коллаборационистов, молодежные нацистские организации и т. п.), политико-правовые акты, коммемориальные практики («борьба с памятниками», переименование мест и улиц, подготовка и издание учебной и пропагандистской литературы и т. п.).

В статье делается вывод о том, что новая политика памяти – это не момент идейно-теоретических споров, а полноформатная реализация современной концепции *soft power*, преследующая цель решительного ослабления России как конкурента, последующего полного подчинения, а в перспективе – ее расчленения и уничтожения. Новая политика памяти именно своей инфраструктурой показывает, что псевдонаучные теории и пропагандистские акции под лозунгами «возвращения к исторической правде» не имеют ничего общего с научным познанием и восстановлением исторической истины. Более того, она выполняет крайне опасную роль провокатора и подстрекателя различного политического экстремизма, подрыва и слома системы международной безопасности и мирового правопорядка, разжигает ненависть между народами, сеет шовинизм и расизм. Инфраструктура новой политики памяти имеет свою социальную базу, в том числе – в России.

Ключевые слова:

Историческая политика, новая политика памяти, инфраструктура политики памяти, национальная идентичность, история народов СССР.

UDC 323

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10202

INFRASTRUCTURE OF THE NEW NATIONAL MEMORY POLITICS IN THE POST-SOVIET SPACE. TO THE STATEMENT OF A PROBLEM

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Department of political sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Article received on April 13, 2020, accepted on June 2, 2020

To cite this article: Rusakov, V.M., Rusakova, O.F. (2020). Infrastruktura novoj politiki nacional'noj pamyati na postsovetskom prostranstve. K postanovke problemy [Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the statement of a problem]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202

Abstract

The article is devoted to the problem of describing and analyzing the consistently and systematically constructed infrastructure of the constructed new memory politics of independent States in the post-Soviet space – institutions, centers, museums, public

associations, mass media, etc., proclaiming a “return to historical truth”, the formation of “true historical memory” of the peoples of the former USSR.

The analysis shows that the politics of memory has long ceased to be just a phenomenon of public consciousness, political theory: like all politics, i. e. relations about public power, it is based on a variety of power resources: material, institutional, and ideological. Moreover, in modern conditions of promotion and use of “soft power” technologies, memory politics mobilizes unprecedented resources, especially those related to the mediatization of politics, to achieve the set political goals.

The main goals of the new memory politics are: revision of the interpretations of the recent past that have developed in political science and, above all, the causes and nature of the great October socialist revolution, the Russian Civil war (1918–1922), the Second World war and the great Patriotic war (1941–1945) and its outcome – the Victory (1945); anti-Communist and anti-Soviet revision of the results of socio-political, economic and cultural transformations of the Soviet state in order to declare the entire Soviet period of national history “criminal”; revision of the system of international relations of the Russian Federation as the successor of the USSR in order to “justify” the legitimacy of the demand for various “compensations” to the Russian Federation; undermining the socio-political unity of Russian society and discrediting the Russian state on an international scale for its weakening, and in the future – dismemberment and destruction.

For the first time, elements of infrastructure of the new memory politics are systematically described: various institutions (institutes of national memory, museums of the Soviet “occupation”, veteran organizations of Pro-fascist collaborators, youth Nazi organizations, etc.), political-lawful acts, commemorial practices (“fighting with monuments”, renaming localities and streets, preparing and publishing educational and propaganda literature etc.).

The article concludes that the new politics of memory is not a moment of ideological and theoretical disputes, but a full-scale implementation of the modern concept of soft power, which aims to decisively weaken Russia as a competitor, then completely subdue it, and in the future – its dismemberment and destruction. The new politics of memory shows by its infrastructure that pseudo-scientific theories and propaganda actions under the slogans of “returning to historical truth” have nothing to do with scientific knowledge and restoration of historical truth. Moreover, it plays an extremely dangerous role as a provocateur and instigator of various political extremism, undermining and breaking the system of international security and international law, inciting hatred between peoples, and sowing chauvinism and racism. The infrastructure of a new memory politics has its own social base, including in Russia.

Keywords:

Historical politics, new memory politics, infrastructure of memory politics, national identity, history of the peoples of the USSR.

Постановка проблемы

Постоянная апелляция к «открытиям» и «разоблачениям», «срыванию покровов тайны и секретности» в отношении фактов советской истории, столь характерная для многих современных идеологических и медийных кампаний,

создаёт впечатление простой погони за сенсациями на грани эпатажа. Однако взгляд на разоблачительные кампании по истории советского периода, представляемый их в качестве результата деятельности определенных организаций и учреждений, заинтересованных в осуществлении данных кампаний, заставляет говорить о складывании целой системы, которую с полным правом можно назвать *инфраструктурой* политики памяти новых независимых государств на постсоветском пространстве. Данная инфраструктура отвечает задачам конструирования совершенно новой национальной памяти народов этих государств. Она должна стать органической составной частью столь же новой социально-политической идентичности.

Для Российской Федерации, как законной правопреемницы СССР, это имеет принципиальное значение, так как данная инфраструктура выступает носителем не только идеологии, но и политики взаимоотношений народов, формирования союзов и исполнения обязательств государств (в том числе – по международному праву). Принципиально важным в понимании проблемы сущности и характера созданной на постсоветском пространстве инфраструктуры политики памяти является то, что она выпукло подчеркивает три момента: во-первых, идейно-теоретические «изыскания» являются лишь *идеологическим прикрытием* вполне материальных политических притязаний, которые имеют мало общего с исторической наукой; во-вторых, ее центральной прагматической задачей является перестроение массового сознания в направлении забвения советского прошлого; в-третьих, она выполняет политический заказ новой властной элиты, готовой к радикальной смене прежнего вектора цивилизационного развития страны.

Объектом исследования выступают складывающиеся системы разнообразных *государственных и общественных организаций и учреждений, средств массовой информации, объединенных единством целей и задач конструирования новейшей национальной памяти как составной части современной национальной идентичности*, что позволяет говорить о системной инфраструктуре как орудии политики исторической памяти, проводимой национальными государствами на постсоветском пространстве. Кроме того, необходимыми элементами такой инфраструктуры выступают *законодательные и подзаконные акты*, призванные легитимировать новую политику исторической памяти, *кадры специалистов и исполнителей, разнообразные акции и продукты переосмысления знаково-символических пространств*.

Предметом исследования является состав и деятельность данной инфраструктуры по конструированию и внедрению новой национальной исторической памяти в идеологию и политику государств, в массовое сознание их граждан, что оказывает воздействие на современные международные отношения.

Суть и основные компоненты инфраструктуры политики памяти

Политика памяти лишь на первых порах очаровывала неопитов и адептов своими призывами – «возвращение к исторической правде», «восстановление исторической справедливости», «каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории. Возникали фигуры исследователей, экспертов, множились конференции, симпозиумы, работали двусторонние и многосторонние комис-

сии (Бегер, 2010). При поддержке зарубежных фондов проводились конференции, конкурсы школьных учебников и т. п. Центральным пунктом этого энтузиазма была идея всемирного отказа истории (и историков) от притязаний на непогрешимость, от желания создать обязательно вдохновляющий национальный миф. Но очень скоро была замечена тенденция к монополизации этих процессов государствами (Дубин, 2008).

Политика памяти именно как *политика* довольно быстро оказалась в центре внимания постсоветских исследований (Дюков, 2010, с. 133–148). Сразу обнаружилось, что политика памяти, как всякая политическая деятельность по поводу отношения к власти, для своего повседневного существования нуждается в наращивании разнообразных ресурсов – идеологических, пропагандистских, материально-финансовых, институционально-организационных, массмедийных, символических.

При исследовании ресурсной базы политики памяти выявляется тесная связь конструируемой историками и экспертами новой «национальной исторической памяти» с определенным родом деятельностью *органов государственной власти* (Дубин, 2008). Парламенты постсоветских государств постоянно принимают законы об увековечивании памяти о том или ином событии национальной истории или об ответственности за «фальсификацию», а то и прямо – за «отрицание» того или иного исторического события (Миллер, Ефременко, 2020, с. 232–249). Правительства создают межгосударственные комиссии (Бегер, 2010), региональные органы власти и органы местного самоуправления учреждают «топонимические» комиссии по поводу переименования улиц, населенных пунктов. Еще более фундаментально государство осуществляет полномасштабный контроль за дискурсами, институтами и коммемориальными практиками, направляющими в определенное русло политику национальной памяти (Украинский институт национальной памяти, Музей оккупаций (Таллин), Музей советской оккупации (Тбилиси) и т. п.). Особенный размах получают государственные акты, провозглашающие «войны памяти» (Бордюгов, 2011, с. 36–42).

Нельзя обойти вниманием деятельность различных общественных организаций, объединений и движений, заявивших о своих целях и задачах в сфере реализации новой политики памяти. Данные акторы при поддержке национальной государственной власти и зарубежных спонсоров мобилизуют значительные общественные силы для поддержки идеологических установок новой национальной политики памяти, обеспечивая участие заметного количества населения в пропагандистских акциях памяти («коммеморациях»), являющихся составным компонентом формирования новой национальной идентичности (памятные даты репрессий, чествования новых «героев» и т. п.).

Столь же необходимо назвать такой компонент инфраструктуры политики памяти, как её *медиа сферу*, включающую традиционные и электронные медиаресурсы, а также производимые ими медиадискурсы и медианарративы. Медиатизация политики вообще является сегодня весьма распространенным трендом. Но для политического производства продуктов новой национальной памяти, для их закрепления в массовом сознании данный процесс жизненно важен еще и потому, что он позволяет напрямую направлять весь свой манипулятивный потенциал на формирование и преобразование массового мышления, воображения и эмоционального впечатления, минуя сколько-нибудь серьезную

рационально-научную рефлексию (Русакова, Русаков, 2019). Более того, вне медиасферы вся мифология новой национальной политики памяти, скорее всего, так и не вышла бы за рамки *science fiction*, оказавшись в одном ряду с «новой хронологией» Фоменко, «черной книгой» уфологии, литературы и фильмов в духе *ancient aliens*.

В настоящее время медиадискурсы новой политики памяти стремятся занять доминирующее положение в системе означивания и интерпретации свершившихся событий, устанавливают особые медиа-режимы, отфильтровывающие «опасную» для существующей власти информацию, формируют господствующие нарративы объяснения прошлого.

Стоит обратить особое внимание на то, что, несмотря на неизбежную специфику условий жизнедеятельности каждого постсоветского государства, складывающаяся инфраструктура политики памяти имеет несомненные черты общности. Наиболее наглядно это проявляется в изменении характера международной политики (новейшие ориентации которой не останавливаются даже перед нанесением себе очевидного социально-экономического и политического ущерба). Кроме того, важно указать, кто является основным *социальным источником* (социальной базой) проводимой на постсоветском пространстве политики памяти. Таковым, по нашему мнению, выступает компрадорская *олигархическая буржуазия*, в основе капиталов которой лежит (весьма небесспорно присвоенная) часть бывшей советской общенародной собственности. Именно для её защиты и укрепления данный социальный слой готов формировать новые образы прошлого, создавать новые исторические мифы, конструировать новые тренды своей цивилизационной ориентации вплоть до полного отказа от исторических завоеваний и побед советской власти (Шишкин, 2011).

Таким образом, под инфраструктурой политики национальной памяти мы понимаем систему национальных институтов и мемориальных практик, их многообразную ресурсную базу, включая медиаресурсы, чьё функционирование направлено на формирование массовых общественных представлений о легитимности существующей власти национальной по форме, но буржуазно-компрадорской и олигархической по своей сути. Именно отсюда берут своё начало распространяемые новой властью идеи антикоммунизма и антисоветизма. Отсюда – и ненависть к идеалам солидарности трудящихся, готовность идти на соглашения с мировой неолиберальной элитой по поводу признания «преступлений советского тоталитарного режима».

Государственные организации. Политико-правовое обоснование новой национальной политики памяти

Ведущая роль в процессах реализации политики памяти принадлежит государству и, прежде всего, – государственному политико-правовому её обеспечению. Основоположниками и первопроходцами в данной области стали французы со своими «мемориальными законами», а затем эстафету подхватила Польша: Польский Институт национальной памяти был создан на основании закона, принятого Комиссией по расследованию преступлений против польского народа от 18 декабря 1998 г (Институт национальной памяти ..., 1998). В целом ряде постсоветских государств эту работу «расширили» и углубили» (Положение

об Украинском институте национальной памяти ..., 2014). Так, в 2015-м году Верховная Рада Украины приняла закон, осуждающий коммунистический и нацистский тоталитарные режимы, запрещающий их пропаганду и символику. Одной из главных позиций закона является признание коммунистического режима 1917–1991 гг. на Украине преступным, проводившим политику государственного террора. Верховная Рада приняла закон о правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке, признающий таковыми все организации, боровшиеся в XX столетии за независимость Украины, в том числе – Украинскую повстанческую армию (УПА). Украинские ветераны ОУН-УПА еще при президенте В. Ющенко были признаны воюющей стороной и борцами за независимость Украины. Более того, были названы и конкретные «герои» Украины, например, Роман Шухевич (являлся заместителем командира в спецподразделении «Нахтигаль», сформированного и обученного Абвером для действий в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800»), с мая 1943 ставший руководителем ОУН. В 2010 г. было присвоено почетное звание Герой Украины Степану Бандере. Высший административный суд Украины эти решения отменил (2011).

Свой вклад в правовое оформление данной политики принялись активно вносить муниципальные власти Украины и органы местного самоуправления. Процесс формирования «новой национальной памяти» неизбежно вылился в борьбу с памятниками и в переименование улиц: «Власти Киева решили стряхнуть со столичных улиц «пыль истории», переименовав их на новый лад. Члены комиссии Киевсовета по вопросам переименований решили из улицы Фрунзе сделать Кирилловскую, а площадь Дзержинского переименовать в Лыбидскую. И это не предел. Как сообщил после заседания журналистам ее председатель Алексей Резников, на следующем заседании будут рассмотрены предложения о переименовании еще 8 улиц и площадей. В конце сентября председатель комиссии Киевсовета по вопросам культуры Игорь Луценко предложил переименовать 26 столичных улиц и лишить их названий, связанных с историей дореволюционной России и СССР» (Прощай, история ..., 2014).

Законодательная власть Украины открыла широкий простор для творчества исполнительной власти. Яркий тому пример – широкомасштабная по размаху и ресурсному обеспечению пропагандистская кампания «Голодомор» (Русакова, Русаков, 2019, с. 18–22). Служба безопасности Украины (СБУ) возбудила уголовное дело о Голодоморе 1932–1933 годов, ссылаясь на то, что «искусственно созданный большевистским режимом голод» привел к массовому уничтожению гражданского населения Украины. Дело о Голодоморе положило начало развертыванию интенсивной репрессивной работы в стране (Портнов, 2014).

Подобные процессы стали повседневной практикой почти на всем постсоветском пространстве. Так, согласно Алексею Волосевичу, «В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжается избавление от наименований, оставшихся от советского прошлого, а ныне признанных не соответствующими канонам национальной чистоты. В отличие от первых лет независимости, сегодня этот процесс протекает уже не столь бурно, но, тем не менее, с каждым годом всё ошутимее изменяет топонимическую карту столицы» (Волосевич, 2008). Очевидна идейно-политическая направленность этих процессов: демонстративная смена названий ни в коей мере не является восстановлением первоначальных истори-

ческих топонимов, утраченных в годы советской власти. «В общей сложности, – резюмирует автор, – с момента объявления независимости и до начала 2005 года в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это быть увековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало». В итоге целенаправленная дискриминационная политика в отношении советского прошлого и представителей нетитульного населения страны обернулась для Узбекистана массовым исходом образованных и квалифицированных кадров, надолго упущенными историческими возможностями борцов за «возрождение подлинной исторической памяти». Но это сегодня мало кого волнует (Волосевич, 2008).

Аналогичным образом усилиями государственной власти проходило переименование знаково-символических пространств в Таджикистане и Казахстане. Правительственное информационное агентство «Ховар» отмечает: «Целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа» (В Таджикистане переименовали ..., 2016). Государственные органы власти Казахстана форсируют в стране те же процессы. Телеканал «Алматы» сообщает: «Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы. Новые названия получат 170 улиц, 50 из которых на сегодняшний день дублируются» (Косенов, 2014).

В России политическая элита также занялась созданием определенной инфраструктуры для проведения новой политики исторической памяти: «15 августа 2015 года премьер-министр Дмитрий Медведев подписал правительственное распоряжение за № 1561-р «О Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В обиход оно вошло под простым и «скромным» названием «о десталинизации и десоветизации» (Шишкин, 2011). Однако, как следует из многочисленных социологических опросов и исследований, в том числе весьма репрезентативных, «ни «десталинизацию», ни «десоветизацию» наши сограждане не воспринимают, не поддерживают и жестко, абсолютным, кричащим большинством в 90 % тому и другому противостоят» (Павленко, 2016).

В постсоветской России при участии высокопоставленных представителей власти в своё время были установлены памятники Колчаку, Врангелю, Каппелю и другим белым генералам. Была открыта памятная доска генералу Маннергейму в Санкт-Петербурге, коллаборационистам Краснову и Кононову. В Уфе в честь Заки Валиди (участника создания Туркестанского легиона, легиона «Идель-Урал», «Азербайджанского легиона» и боевой группы «Крым») были названы улицы, а также университет и гимназия; демонстративно была переименована ул. М. Фрунзе, невзирая на то, что Фрунзе героически сражался с белогвардейцами и басмачеством.

Российские власти не менее рьяно, чем их украинские, таджикские и другие единомышленники в области создания новой политики памяти, принялись за преобразование советской топонимики. «Тема захоронения покоящегося в Мавзолее Ленина, поднятая на Межрегиональном форуме ОНФ, всколыхнула тему избавления от советского наследия, по-прежнему болезненную для боль-

шинства россиян. До сих пор с прошлым боролись в основном топонимически: переименовывая города и улицы, или возвращая им старые дореволюционные названия. И всякий раз не обходилось без жарких споров» – пишет портал Лента.ру (Битва за Сталинград ..., 2016). Действительно, гневные филиппики по поводу украинского «ленинопада», направляемые из российских правительственных СМИ, выглядят по меньшей мере лицемерно на фоне практики стыдливого заколачивания фанерой мавзолея В.И. Ленина на Красной площади (Волк, 2016). Нынешняя российская власть в своей коммеморативной политике достигла абсурдного апогея, когда для того, чтобы вычеркнуть из памяти своего народа Великую Октябрьскую социалистическую революцию, изобрела новый государственный праздник – парад в честь «годовщины парада войск, уходивших на фронт 7 ноября 1941 года».

Пределы готовности отказаться от смысловых моментов и прежних нарративов, касающихся истории Отечества советского периода, сегодня лишь приоткрываются: «В 2010 году Государственная Дума, по сути, поставила СССР в один ряд с фашистской Германией, когда приняла заявление «О Катынской трагедии и её жертвах», в котором признала, что массовый расстрел польских граждан в Катыни был произведён согласно прямому указанию Сталина и других советских руководителей и является преступлением сталинского режима. Через два года ЕСПЧ классифицировал трагедию в Катыни как военное преступление. В итоге Польша, которую Советский Союз освободил от фашистских захватчиков, вдруг оказалась на ступеньку выше СССР, поскольку последний предстал в роли агрессора, уподобленный фашистскому режиму Гитлера. И сделано это было не Западом, а российской властью (Кравченко, 2017). Перипетии борьбы за действительную историю отображены в заседании «круглого стола», состоявшемся в Государственной Думе РФ (Илюхин, 2010). Что же касается хорошо документированного польскими историками преступления – уничтожения 80 тыс. красноармейцев, попавших в плен в Польше в 1920 году – это «европейской демократической стране» в вину никто не поставил.

Государственное, политико-правовое творчество имеет вполне практическое применение: в Эстонии существовала специальная комиссия для расследования «репрессивной политики оккупационного режима» (завершила работу в 2004 году). Латвия потребовала от России 185 млрд. евро – именно в такую сумму, якобы, обошлось стране её вхождение в состав советского государства. Эдмунд Станкевич, возглавлявший в тот период латвийскую комиссию, договорился до того, что назвал построенные в советское время в Латвии типовые жилые дома некрасивыми и уродующими исконный латвийский ландшафт. Латвийский парламент в 1998 году принял особую разъясняющую декларацию «О латышских легионерах во второй мировой войне», в которой указал, что все латышские эсэсовцы, как добровольцы, так и мобилизованные, были намерены лишь защитить Латвию от сталинского режима. И особо подчёркивалось, что латышские эсэсовцы ни в коем случае не воевали против западных стран, но только и исключительно против Советского Союза, из чего авторы документа делают практические выводы: «Поэтому обязанностью латвийского правительства является: 1) требовать от оккупировавших государств и их правопреемников, чтобы они согласно нормам международного права возместили гражданам Латвии, членам их семей и их наследникам убытки, понесенные

в связи с противозаконной мобилизацией в армии оккупировавших государств; 2) заботиться о предотвращении попрания чести и достоинства латышских солдат в Латвии и за рубежом» (Декларация о латышских легионерах ..., 1998).

Активно включились в состав инфраструктуры современной политики памяти и государственные организации других ветвей власти – исполнительной и судебно-репрессивной. Делаются попытки прямого конвертирования новых исторических идей и практик в различные формы государственно-политического преследования, к примеру, в виде люстраций и т. п. (Портнов, 2014). Наиболее активно этим занялись организации в бывших социалистических странах Восточной Европы: Чехия (Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма); Словакия (Институт национальной памяти); Венгрия (Институт истории венгерской революции 1956 года); Румыния (Институт по расследованию коммунистических преступлений в Румынии), Германия (Федеральный уполномоченный по Архивам Штази).

Вклад общественных организаций и СМИ в новую политику национальной памяти

Инфраструктура политики национальной памяти стала формироваться по нескольким направлениям, в том числе – путем развертывания многочисленных общественных организаций, широкого использования СМИ, с широким применением информационных технологий. Создаются соответствующие фонды: в России – Фонд «Возвращение» (2006), который занимается переименованиями топонимов в российских населенных пунктах на дореволюционные; молодежная организация «Декоммунизация» (2017), которая выступает с требованиями запрета советской символики, возвращения собственности пострадавшим от советского режима и др. В 1992 году антисоветское издательство «Посев» (НТС) смогло наладить свою работу в России – в Москве и других городах, получив лицензию в Министерстве печати и информации Российской Федерации на деятельность своего филиала в России. Оно провозглашает уже знакомые принципы одинаковой неприемлемости фашизма и коммунизма.

Помимо государственных институций за дело создания новой национальной истории Украины взялись разнообразные образовательные центры за рубежом: «Положенная в основу современных учебников истории для средних и высших учебных заведений Украины «национальная схема» методологии истории отработывалась на протяжении десятилетий в Великобритании, США, Канаде. Украинский центр Гарварда работает, например, с 1973 года (три кафедры и институт), фонд кафедр украиноведения на момент создания Центра составлял 1,8 млрд. долларов... Центры украинистики и сегодня радуют своих почитателей... Только что в Интернете появилось сообщение о переиздании Канадским институтом украинских исследований в Эдмонтоне сборника трудов под редакцией авторитетных историков Андреаса Капеллера, Зенона Когута и Марка фон Хагена с красноречивым названием «Культура, нация и идентичность: украинско-российское столкновение» (1600–1945). Первое издание вышло в свет в 2003 году. Название книги содержит многозначительный термин «encounter», что в переводе с английского языка означает не только столкновение или стычку, но и неожиданную встречу, даже – свидание» (Бялый, 2014).

Как видим, вся эта система исторических мифов строилась при чрезвычайно активном участии националистической эмиграции. Уже в 1990 г. в Киеве прошел первый конгресс «Международной ассоциации украинистики», на котором сотни зарубежных гостей объясняли «оторванным от мира» украинцам истинные вехи «великой украинской истории». Под доминирующим эмигрантским «учёно-профессорским» влиянием система новых исторических – подчеркнуто антисоветских и антироссийских – мифов приобретала в массовом политическом, научном, учебном обиходе «незалежной» Украины как бы авторитетный и неоспоримый характер. И решительно отрывала украинскую социальную, политическую, культурную, экономическую историю от общей российско-имперской и советской истории, описывая жизнь наших родственных народов как многовековой непримиримый конфликт. Именно так Богдан Хмельницкий стал «национал-предателем», Петр Первый – «палачом украинского народа», а Иван Мазепа – великим дальновидным политиком. И именно так началась героизация украинских сподвижников гитлеровского нацизма. Особенно быстро этот процесс шел на Западной Украине, где уже в 1990 г. – отметим, еще до развала СССР (!) – было снесено несколько памятников Ленину и воздвигнуты памятные знаки лидерам и организаторам ОУН и УПА Е. Коновальцу, С. Бандере, Р. Шухевичу, Я. Стецько. Процесс переписывания истории, который развернулся на Украине еще до ее формальной независимости, сопровождался массовым «десантированием» в республику эмигрантской радикально-националистической элиты, которая быстро объединялась с «идеологически родственной» местной элитой, а далее незамедлительно и активно включалась в украинский политический процесс. Уже к 1993 г. на Украине возникло более десятка радикально-националистических партий и движений с корнями в Организации украинских националистов» (Бялый, 2014).

Материально-финансовые ресурсы политики памяти

Политика памяти – это не только споры историков на конференциях и конгрессах по «возвращению к исторической правде». Это реальные политические акции, направленные не только на манипулирование массовым сознанием, но и на проведение систематических и разовых акций, требующих значительной финансовой подпитки. Требование Минюста РФ указать зарубежные источники финансирования деятельности множества НКО показывают обширный круг иностранных организаций, занимающихся подобным финансированием. Поражает, прежде всего, беспрецедентное участие правительств зарубежных государств (министерств, посольств, консульств) в финансировании деятельности «демократических институтов» в России: представить что-либо подобное со стороны российских посольств и консульств невозможно. Во-вторых, не меньше впечатляет спектр направлений деятельности (от «защиты лосося», «женщин Дона» до «прав коренных народов» и пр.): им до всего есть дело, но с одной оговоркой – России защита подобных интересов в других странах категорически запрещена.

В каких проектах и политических акциях оставили след эти многочисленные благотворители-грантодатели? Минюст РФ: «Некоммерческая организация, за исключением политической партии, признается участвующей в политической

деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях» (Минюст об НКО, 2018). Всего по состоянию на 27 апреля 2018 года в реестре побывала 171 НКО. Сейчас в списке находятся более 70 организаций.

В марте 2015 года секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев на совещании в Петрозаводске по вопросам обустройства госграницы констатировал рост влияния финских националистов на Россию через неправительственные организации Карелии. «На фоне роста антироссийской риторики со стороны стран Запада отмечается активизация националистических и реваншистских общественно-политических организаций Финляндии. Возрастает их воздействие через ряд отечественных НПО на население Карелии», – заявил Секретарь Совбеза РФ (Патрушев, 2015). На гранты зарубежных НКО проводятся стажировки школьников и студентов в зарубежных университетах, после чего ожидаемо появляются публичные «доклады» школьников, в которых выражается горячее сочувствие... не жертвам агрессии, а агрессорам Второй мировой войны.

Еще на конференции «Украина в Вашингтоне 2013», которая прошла 13 декабря 2013 года, зам. госсекретаря США В. Нуланд публично признавалась, что за прошедшее время власти США предоставили «на развитие демократии на Украине» 5 миллиардов (!) долларов. Солидными бюджетами обладают уже перечисленные «институты национальной памяти», музеи «советской оккупации».

Обеспечение политических акций. Переформатирование исторической памяти народов. Войны с памятниками

Основными идеями, получившими разнообразное медийное и даже наукообразное оформление в поле политики памяти, стали:

- разрыв с советским периодом своей истории, проводимый с разной степенью последовательности;
- фальсификация причин и характера Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны в России, Второй мировой и Великой Отечественной войн, Победы в ней;
- фальсификация истории советского периода развития республик бывшего СССР;
- конструирование новейшей национальной мифологии.

Внешними проявлениями радикальных перемен, заявляемых политикой памяти и осуществляемых ее инфраструктурой, являются сносы памятников революционерам, воинам Великой Отечественной войны, перекалфицированным в «террористов» и «окупантов» (Война с памятниками ..., 2017), переименования улиц и площадей, возведение памятников и установление мемориальных знаков лидерам белогвардейцев и пособникам немецких фашистов, особенно из числа местных националистов.

Россия не осталась в стороне: еще в 1991 г. был снесен памятник Ф. Э. Дзержинскому. Среди самых одиозных акций, постоянно проводимых

государственной властью России, – регулярное драпирование мавзолея Ленина, что особенно цинично выглядит в День Победы 9 мая, к подножию которого 24 июня 1945 года были брошены знамена разгромленных фашистских дивизий.

От практик центральной власти не отстают и региональные, а также местные. Администрации Ханты-Мансийска, Омска, Пермского края, Иркутска и многие других субъектов под предлогом «примирения» некогда враждовавших сил – «красных» и «белых» – упрямо проводят героизацию ненавистных народу лидеров белогвардейского движения, так называемых «спасителей отечества», призвавших на помощь вражеские армии 14 государств! По странам СНГ и бывшего «социалистического блока» прокатилась целая волна борьбы с памятниками советским воинам-освободителям от фашизма, с памятниками крупным советским деятелям. В 1991 году снесли памятник В. И. Ленину (работы скульптора С. Меркурова) в Ереване. В столице независимого Азербайджана Баку снесли памятники С. М. Кирову и 26 Бакинским комиссарам, старательно уничтожая историческую память о том, кем и как формировалось современное азербайджанское государство. В марте 2015 года в городе Ангрене Ташкентской области Узбекистана демонтировали обелиск, установленный в память местным жителям, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. В августе 2016 года латвийская организация «Ястребы Даугавы» бывших латвийских легионеров СС добилась сноса памятника советским морякам в городе Лимбажи (Война с памятниками ..., 2017).

Новая историческая память нации – новая международная политика

Нельзя упускать из виду, что историческая политика вовсе не ограничивается «национализацией» исторической памяти своего народа. Независимые национальные государства на постсоветском пространстве в результате разработки новой исторической памяти неизбежно стали радикально пересматривать свою международную политику (Миллер, Ефременко, 2020, с. 96–120). Здесь любопытен ряд направлений.

Стремление непременно влиться в число *«цивилизованных стран»*, которое носит отчетливо выраженный антироссийский характер, поскольку условием такого вхождения считается радикальный разрыв с советским периодом своей истории и с Россией как правопреемницей СССР. Правда, тезис разработчиков и пропагандистов новой исторической памяти о том, что Россия оказывается в «международной изоляции», что ее действия осуждает «большинство цивилизованных стран» невольно напоминает неприятный исторический прецедент: когда антисоветское «большинство цивилизованных стран» Европы (и Запада в целом) не только пошло на сговор с гитлеровской Германией (Мюнхен, 1938), но и сделали все от них зависящее, чтобы усилить СССР по созданию *системы коллективной безопасности в Европе* потерпели крах (Историография «Мюнхенского сговора» ..., 2018). Именно этим объясняется настойчивое антиисторическое выпячивание пресловутого «пакта Молотова-Риббентропа» (1939) как, якобы, настоящей причины развязывания Второй мировой войны, что является настоящей ревизией истории (Accord conclu à Munich ..., 2015).

Идея объединения либерализма и фашизма, их общности давно известна. И выдвинута она не критиками, а сторонниками либеральной идеологии. 1932 год – время прихода НСДАП к власти в Германии. Находившийся под впечатлением фашистского проекта Герберт Уэллс призывал: «Прогрессивисты должны стать либеральными фашистами и просвещенными нацистами». Уэллсовский идеал этого времени – «Тоталитарное государство под управлением могущественной группы благожелательных экспертов-либералов». Идеолог нелиберализма Людвиг фон Мизес вполне откровенно писал: «Нельзя отрицать, что фашизм и близкие ему движения, стремящиеся к установлению диктатуры, преисполнены лучших намерений и что их вмешательство в данный момент спасло европейскую цивилизацию. Эта заслуга фашизма останется в истории навечно» (Мизес, 2007).

Политика новой исторической памяти в России, адепты которой договариваются до того, чтобы на государственном уровне заклеить советский период российской государственности как исключительно преступный, прокладывает путь всевозможным европейским резолюциям, приравнивающим сталинизм к гитлеризму, а коммунизм к национал-социализму. После этого закономерен следующий этап – всемирное покаяние и возложение на себя ответственности за развязывание Второй мировой войны, всевозможные оккупации и геноциды. И, наконец (чего так жаждут наши «западные партнеры») – оплата всех многочисленных счетов и отказ от суверенитета. Таким образом, ни о каком «возвращении к исторической правде» не может быть и речи: идет ожесточенная идеологическая борьба – составная часть политической.

Заклучение

1. Политика новой исторической памяти не имеет ничего общего с *исторической наукой*, не является каким-то продвижением исторической науки вперед, к новым достижениям. Академический антураж, напускное наукообразие – мимикрия под инструментарий научного исторического исследования – необходимы для политики исторической памяти только для того, чтобы достаточно надежно скрыть от массового сознания (на которое она, собственно, и рассчитана) ее идейно-политическое ядро. В политике «исторической памяти» безраздельно господствует именно *политика*, связанная с защитой вполне *корыстных интересов определенных социальных групп*. Эти социальные группы представлены современными *неолиберальными политическими режимами*, заинтересованными в обосновании своего безраздельного политического и экономического господства. Политика исторической памяти является орудием предъявления и обоснования целого комплекса идеологических, политических, экономических и территориальных претензий прежде всего к Российской Федерации как правопреемнице СССР (признать ответственность за развязывание Второй мировой войны, компенсировать экономический ущерб за «оккупации», вернуть «утраченные» территории, перед всем миром покаяться за «преступления сталинизма» и в перспективе – прекратить существование в качестве суверенного государства).

2. Новая политика исторической памяти является ничем иным, как одним из инструментов современной «*мягкой силы*», когда по ряду причин достижение вышеуказанных целей военным, силовым путем оказывается невозможным.

Социальной базой такой политики выступает так называемая современная «неолиберальная элита», которая на самом деле никакого отношения к либерализму (тем более – классической идеологии и политике освобождения) не имеет, поскольку уже с конца XIX века является последовательной защитницей транснационального финансового капитала. Она последовательно создает разветвленную инфраструктуру политики исторической памяти как орудия осуществления своих интересов.

3. Создаваемая инфраструктура и сама новая политика исторической памяти глубоко *враждебны коренным интересам народов* бывшего СССР. Только этим можно объяснить постоянные провалы данной политики при проведении различных акций (опросы общественного мнения, переименования, юбилеи власовцев, бандеровцев и нацистов). Однако этим опасности не исчерпываются: новая политика исторической памяти враждебна *интересам мирового сообщества*, поскольку обосновывает слом существующего крайне хрупкого политического миропорядка (на основе ялтинско-потсдамских соглашений) и ведет дело к переделу всей системы международных отношений для обеспечения безоговорочного господства транснационального финансового капитала во главе с монополиями США, стирая всякие границы между военными и невоенными средствами достижения поставленных целей (Ларина, 2015). Старая истина о том, что империализм неизбежно ведет к локальным и региональным войнам, не останавливаясь даже перед угрозой Третьей мировой, подтверждается весьма наглядно.

4. Так называемая «приватизация» национальной исторической памяти несет миру угрозу *обострения межнациональных противоречий*. Настоящий людоедский характер демонстрирует миру защита бандеровщины, проповедующей зоологическую ненависть по отношению к братским народам и презрение к другим народам.

5. Инфраструктуре политики исторической памяти всемерно придаются разнообразные признаки «респектабельности», «солидности», «научности» и т. п. Однако постоянное скатывание к пропаганде, антисоветизму и русофобии – особенно при организации «музеев» и «экспозиций», проведении юбилеев и других акций – выдают ее истинное предназначение в качестве *орудия если не межнациональной ненависти*, то, как минимум, *национальной ограниченности* (стоит только обозреть гротескные варианты «национальной истории», предлагаемые ныне в школьных курсах в странах на постсоветском пространстве).

Список литературы

1. Бегер, Виктор. (2010). *О пахарях на «поле истории»*. Каждая страна имеет право на «национализацию» своей истории? Взято с <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>
2. *Битва за Сталинград. Самые спорные попытки переименования улиц и городов в России* (2016). Взято с <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>
3. Бордюгов, Г. А. (2011). *«Войны памяти» на постсоветском пространстве*. М: АИРО-XXI.
4. Бялый, Юрий. (2014). *Радикальный украинский национализм –*

концептуально-идеологический реванш. Взято с <http://rossaprimavera.ru/article/radikalnyu-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetskiy-konceptualno-ideologicheskiiy-revansh>

5. *Война с памятниками: как в разных странах сносят советские монументы* (2017). Взято с <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d>

6. Волк, В. В. (2016). *Для кого перекрашивают символ Победы – мавзолеем Ленина?* Взято с <http://rusrand.ru/replika/dlya-kogo-perekrashivayut-simvol-pobedy-mavzoley-lenina>

7. Волосевич, Алексей. (2008). *Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц.* Взято с <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

8. *В Таджикистане переименовали последний город с русским названием Чкаловск* (2016). Взято с <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>

9. *Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне* (1998). Взято с <https://www.nacionalaarpvieniba.lv/valodas>

10. Дубин, Борис. (2008). *Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. Отечественные записки, 4(43).* Взято с <http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-ovoynne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletiiy>

11. Дюков, А. Р. (2010). *Историческая политика или историческая память Международная жизнь, 1, 133–148.*

12. Илюхин, В. И. (Отв. за вып.). (2010). *Тайны Катынской трагедии. Материалы «Круглого стола», проведенного в Государственной Думе ФС РФ 19 апреля 2010 г.* Взято с https://royallib.com/book/kollektiv_avtorov/tayni_katinskoy_tragedii_materiali_kruglogo_stola_po_teme_katinskaya_tragediya_pравovie_i_politicheskie_aspekti_provedyonnogo_19_aprelya_2010_goda_v_gosudarstvennoy_dume_federalnogo_sobraniya_rossiyskoy_federatsii.html

13. *Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа (ИНП)* (1998). Взято с <http://www.ipn.gov.pl/>

14. *Историография «Мюнхенского сговора» 1938 года.* Взято с <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html>

15. Косенов, Алдияр. (2014, 14 апреля). *Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы.* Взято с https://tengrinenews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/

16. Кравченко, Л. И. (2017). *Ревизия победы.* Взято с <http://rusrand.ru/analytics/reviziya-pobedy>

17. Ларина, Елена. (2015). *Военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Видимая часть айсберга.* Взято с <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>

18. Мизес Л. (2007). *Либерализм.* Челябинск: Социум. Взято с <http://iknigi.net/avtor-lyudvig-mizes/56433-liberalizm-lyudvig-mizes/read/page-5.html>

19. Миллер, А., Липман, М. (Ред.). (2012). *Историческая политика в XXI веке: Сборник статей.* М.: Новое литературное обозрение.

20. Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (Ред.). (2020). *Политика памяти*

в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

21. Минюст об НКО (2018). Взято с: <https://minjust.ru/ru/node/124298>
22. Музей оккупации Латвии (Рига) (без даты). Взято с <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/>
23. Музей оккупаций (Таллин) (без даты). Взято с <https://www.vabamu.ee/>
24. Музей советской оккупации (Киев) (без даты). Взято с <https://web.archive.org/web/20070708083757/http://memorial.kiev.ua/expo/>
25. Музей советской оккупации (Тбилиси) (без даты). Взято с: http://museum.ge/?lang_id=ENG
26. Павленко, Владимир. (2016). «Белая» «элита» «креаторов» – против абсолютно большинства. Взято с <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>
27. Патрушев, Н. (2015). Страны Запада проявляют интерес к приграничному сотрудничеству с Россией. Взято с <https://tass.ru/politika/1840160>
28. Положение об Украинском институте национальной памяти. Постановление от 12 ноября 2014 г. № 684. (Украина). Взято с <https://constitutions.ru/?p=20739>
29. Портнов, Андрей. (2014). Люстрация и институты национальной памяти: опыт посткоммунистической Европы. Взято с <http://argumentua.com/stati/lyustratsiya-i-instituty-natsionalnoi-pamyati-opyt-postkommunisticheskoi-evropy>
30. Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей (2014, 6 ноября). Взято с <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>
31. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27.
32. Шишкин, И. (2011). Фальсификация истории и интересы российской элиты. Взято с <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTpq>
33. *Accord conclu à Munich, le 29 septembre 1938, entre l'Allemagne, le Royaume-Uni, la France et l'Italie* (2015). Retrieved from <https://reseauinternational.net/accords-de-munich-le-dessous-des-cartes/#7ZKZqUgfUVuIofJC.99>

References

1. *Accord conclu à Munich, le 29 septembre 1938, entre l'Allemagne, le Royaume-Uni, la France et l'Italie* (2015). Retrieved from <https://reseauinternational.net/accords-de-munich-le-dessous-des-cartes/#7ZKZqUgfUVuIofJC.99>
2. Beger, Viktor. (2010). *O paharyah na «pole istorii»*. *Kazhdaya strana imeet pravo na «nacionalizaciyu» svoej istorii?* [About plowmen on «a history field»]. Retrieved from <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=19857>
3. *Bitva za Stalingrad. Samye spornye popytki pereimenovaniya ulic i gorodov v Rossii* [Fight for Stalingrad. The most disputable attempts of renaming of streets and cities in Russia] (2016). Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>
4. Bordyugov, G. A. (2011). «*Vojny pamyati*» na postsovetskom

prostranstve. [«Memory wars» on the post-Soviet territory]. M: AIRO-XXI.

5. Byalyj, Yuriy. (2014). *Radikal'nyj ukrainskij nacionalizm – konceptual'no-ideologicheskij revansh* [Radical Ukrainian nationalism – a conceptually-ideological revenge]. Retrieved from <http://rossaprimavera.ru/article/radikalnyy-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetkiy-konceptualno-ideologicheskij-revansh>

6. *Deklaraciya o latyshskih legionerah vo Vtoroj mirovoj vojne* [The Declaration on the Latvian legionaries in the Second World War] (1998). Retrieved from <https://www.nacionalaapvieniba.lv/valodas>

7. Dubin, Boris. (2008). Pamyat', vojna, pamyat' o vojne. Konstruirovaniye proshlogo v social'noj praktike poslednih desyatiletij [Memory, war, memory of war. Past designing in social practice of last decades]. *Otechestvennyye zapiski*, 4(43). Retrieved from [http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij](http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-vojne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij)

8. Dyukov, A. R. (2010). Istoricheskaya politika ili istoricheskaya pamyat' [The historical policy or historical memory the international life]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1, 133–148.

9. Ilyuhin, V.I. (Otv. za vyp.). (2010). *Tajny Katynskoj tragedii. Materialy «Kruglogo stola», provedyonnogo v Gosudarstvennoj Dume FS RF 19 aprelya 2010 g.* [Secrets of Katynsky tragedy. Materials of “the Round table”, spent to State Duma FS of the Russian Federation on April, 19th, 2010]. Retrieved from https://royallib.com/book/kollektiv_avtorov_tayni_katynskoy_tragedii_materiali_kruglogo_stola_po_teme_katynskaya_tragediya_pravovie_i_politicheskie_aspekti_provedyonnogo_19_aprelya_2010_goda_v_gosudarstvennoj_dume_federalnogo_sobraniya_rossiyskoy_federatsii.html

10. *Institut nacional'noj pamyati – Komissiya po rassledovaniyu prestuplenij protiv pol'skogo naroda (INP)* [Institute of national memory – the Commission on investigation of crimes against the Polish people] (1998). Retrieved from: <http://www.ipn.gov.pl/>

11. *Istoriografiya «Myunhenskogo sgovora» 1938 g.* [The historiography of “the Munich arrangement” 1938] (2018). Retrieved from <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglashenie-1938-goda/istoriografiya-myunkhenskogo-sgovora-1938-goda.html>

12. Kosenov, Aldiyar. (2014, April 14). *Okolo 170 millionov tenge ujdet na pereimenovanie ulic v Almaty* [About 170 million tenge will leave on renaming of streets into Almaty]. Retrieved from https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/

13. Kravchenko, L.I. (2017). *Reviziya pobedy* [Victory audit]. Retrieved from <http://rusrand.ru/analytics/reviziya-pobedy>

14. Larina, Elena. (2015). *Voенно-razvedyvatel'no-finansovyj kompleks SSHA. Vidimaya chast' ajsberga* [The military intelligence financial complex of the USA. A visible part of an iceberg]. Retrieved from <http://www.regnum.ru/news/polit/1914526.html#ixzz3XCW5K7SL>

15. Miller, A., & Lipman, M. (Eds.). (2012). *Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej* [The historical policy in the XXI-st century: The collection of articles]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

16. Miller, A. I., & Efremenko, D. V. (Eds.). (2020). *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy:*

kollektivnaya monografiya [A policy of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe. Actors, institutes, narratives: the collective monograph]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

17. *Minyust ob NKO* [Ministry of Justice about NCO] (2018). Retrieved from: <https://minjust.ru/ru/node/124298> A takzhe: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.asp>

18. Mizes, L. (2007). *Liberalizm* [Liberalism]. Chelyabinsk: Socium. Retrieved from <http://iknigi.net/avtor-lyudvig-mizes/56433-liberalizm-lyudvig-mizes/read/page-5.html>

19. *Muzej okkupacii Latvii (Riga)* [The Museum of occupation of Latvia (Riga)] (n. d.). Retrieved from: <http://okupacijasmuzejs.lv/ru/>

20. *Muzej okkupacij (Tallin)* [The Museum of occupations (Tallinn)] (n. d.). Retrieved from: <https://www.vabamu.ee/>

21. *Muzej sovetsoj okkupacii (Kiev)* [The Museum Soviet occupations (Kiev)] (n. d.). Retrieved from: <https://web.archive.org/web/20070708083757/http://memorial.kiev.ua/expo/>

22. *Muzej sovetsoj okkupacii (Tbilisi)* [The Museum Soviet occupations (Tbilisi)] (n. d.). Retrieved from: http://museum.ge/?lang_id=ENG

23. Patrushev, N. (2015). *Strany Zapada proyavlyayut interes k prigranichnomu sotrudnichestvu s Rossiej* [West countries show interest to frontier cooperation with Russia]. Retrieved from <https://tass.ru/politika/1840160>

24. Pavlenko, Vladimir. (2016). “*Belaya*” “*elita*” “*kreatorov*” – *protiv absoljutnogo bol'shinstva* [“White” “elite” of “creators” – against overwhelming majority]. Retrieved from <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>

25. *Polozhenie ob Ukrainskom institute nacional'noj pamyati. Postanovlenie ot 12 noyabrya 2014 g. № 684* [Regulations on the Ukrainian Institute of national memory. Resolution of November 12, 2014, No. 684]. (Ukraine). Retrieved from <https://constitutions.ru/?p=20739>

26. Portnov, Andrej. (2014). *Lyustratsiya i instituty nacional'noj pamyati: opyt postkommunisticheskoy Evropy* [Lustration and institutes of national memory: experience of post communist Europe]. Retrieved from <http://argumentua.com/stati/lyustratsiya-i-instituty-natsionalnoi-pamyati-opyt-postkommunisticheskoi-evropy>

27. *Proshchaj, istoriya: v Kieve zanyalis' pereimenovaniem ulic i ploshchadej* [Farewell, history: in Kiev were engaged in renaming of streets and the areas] (2014, November 6). Retrieved from <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>

28. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati. [Posttruth discourse as media technology of a policy of postmemory]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 2(35), 10–27.

29. Shishkin, I. (2011). *Fal'sifikatsiya istorii i interesy rossijskoj e'lity* [Falsification of the history and interests of the Russian elite]. Retrieved from <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTpq>

Vojna s pamyatnikami: kak v raznyh stranah snosyat sovetkie monumenty [War with monuments: as in the different countries take down the Soviet monuments] (2017). Retrieved from <https://www.rbc.ru/photoreport/26/07/2017/597733189a79471ff533720d>

30. Volk, V.V. (2016). *Dlya kogo perekrashivayut simvol Pobedy – mavzolej*

Lenina? [For whom recolor the Victory symbol – Lenin’s mausoleum?]. Retrieved from <http://rusrand.ru/replika/dlya-kogo-perekrashivayut-simvol-pobedy-mavzoley-lenina>

31. Volosevich, Aleksej. (2008). *Gimn nacionalizmu. Za poslednie semnadcat’ let v Tashkente pereimenovana polovina ulic* [A hymn to nationalism. For last seventeen years in Tashkent half of streets renamed]. Retrieved from <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>

32. *V Tadjikistane pereimenovali poslednij gorod s rusским nazvaniem Chkalovsk* [In Tajikistan have renamed last city with the Russian name Chkalovsk] (2016). Retrieved from <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>

НАША НЕ НАША ПОБЕДА*

Фишман Леонид Гершевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.01.2020, принята к публикации 02.04.2020

Для цитирования: Фишман Л.Г. Наша не наша Победа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 48–58. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203

Аннотация

Статья посвящена проблематике, которая связана с усилиями, с одной стороны, принизить значение Победы 1945 года, а с другой – официально придавать ей значение, сопоставимое с тем, которое она имела в советский период. Автор пытается ответить на вопрос: могут ли претензии на сохранение праздником 9 мая символического статуса, сопоставимого с советским, быть убедительно обоснованы с тех мировоззренческих позиций, которые в последние десятилетия разделялись правящей элитой и поддерживающими ее идеологами? В статье обосновывается, что как современная Россия, так и ее бывшие соседи по социалистическому лагерю находятся в сходном процессе построения «буржуазной» национальной идентичности. И стратегии, использующиеся при этом, очень близки. Поэтому проблема заключается не только в том, что оппоненты и конкуренты врут и фальсифицируют историю великой Победы. Она также и в том, что делают они это на идейных основаниях, близких тем, которые разделяют наши официальные или полуофициальные лица. С точки зрения разделяемого ими мировоззрения, Россия объективно является такой же империей, как другие. Поэтому не стоит ожидать, что этой России и ее Победе будут оказывать такие же почести, которые оказывали Победе советской.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

© Фишман Л.Г., 2020

Преследование «исторической Россией» своих геополитических, экономических и прочих интересов не может выглядеть как благодетельное историческое деяние мироустроительного масштаба, за которое прочие народы должны быть ей вечно благодарны.

Ключевые слова:

День Победы, национальная идентичность, советский строй, капитализм, социализм, фальсификация истории.

UDC 17+32

DOI 10.24411/1817-9568-2020-10203

OUR/NOT OUR VICTORY

Fishman Leonid Gershevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Chief Researcher, Professor of RAS,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Article received on January 27, 2020, accepted on April 2, 2020

To cite this article: Fishman, L.G. (2020). *Nasha ne nasha Pobeda [Our/not our Victory]. Scientific Journal "Discourse-P", 2(39), 48–58. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10203*

Abstract

The article is devoted to the problems associated with the efforts, on the one hand, to diminish the significance of the 1945 Victory, and on the other, to officially give it a value comparable to that which it had in the Soviet period. The author is trying to answer the question: could claims to preserve symbolic status of the 9 of May holiday comparable to the Soviet one be convincingly substantiated from the worldview that in the recent decades have been shared by the ruling elite and ideologists supporting it? The article substantiates that both modern Russia and its former neighbors in the socialist camp are in a similar process of building a “bourgeois” national identity. And the strategies used are very similar. Therefore, the problem is not only in the fact that opponents and competitors lie and falsify the history of the great Victory, but is also in that they do it on ideological grounds close to those shared by our officials or semi-officials. From the point of the worldview they share, Russia is objectively the same empire as the others. Therefore, one should not expect that this Russia and its Victory will get the same honors as the Soviet Victory. The pursuit by “historical Russia” of its geopolitical, economic

and other interests cannot look like a beneficent historical act of a world-scale scale, for which other peoples should be forever grateful.

Keywords:

Victory Day, national identity, Soviet system, capitalism, socialism, falsification of history.

Введение

Эта статья посвящена проблематике, символическое, моральное, идеологическое значение которой для сохранения общественного согласия и национально-культурной идентичности россиян трудно преувеличить. Данная проблематика постоянно возникает по мере приближения очередной юбилейной даты, и связана с усилиями, с одной стороны, принизить значение Победы 1945 года, а с другой – официально придавать ей значение, сопоставимое с тем, которое она имела в советский период¹. Но могут ли официальные претензии на сохранение праздником 9 мая такого же высокого статуса быть убедительно и непротиворечиво обоснованы с точки зрения мировоззрения, взглядов на историю и современность, которые в последние десятилетия разделялись правящей элитой и поддерживающими ее идеологами?

Тема принижения значения Победы постоянно возникает по мере приближения очередной юбилейной даты. Представителей нашей политической элиты возмущает то, что представители ряда зарубежных стран не проявляют энтузиазма в праздновании этой даты, отказываются посещать парады в Москве, а то и прямо указывают, что победитель не намного лучше побежденного. Все это воспринимается как проявление черной неблагодарности по отношению к подвигу предков (это особенно касается ряда ближайших наших соседей), а также как шаги, сделанные в ущерб исторической истине в угоду мимолетной политической конъюнктуре. Например, недавно в польском сейме осудили высказывания, в которых российские власти «пытаются возложить на Польшу ответственность за начало Второй мировой войны», обвинив последние во лжи и фальсификации истории (Сейм Польши уравнил ответственность Германии и России за начало войны). На что официальный представитель МИД РФ Мария Захарова немедленно откликнулась: «Такое впечатление, что, как и во времена инквизиции, наука объявлена польским Сеймом ересью, а сторонники исторических фактов обвинены им в колдовстве. Вот так идеология побеждает правду», – заявила она, напомнив, что правда зафиксирована Нюрнбергским трибуналом. Она добавила, что если польский Сейм сомневается в решениях трибунала, то надо об этом заявить. В таком случае это будет считаться попыткой пересмотра итогов Второй мировой войны (Захарова обвинила Варшаву в попытке

---

¹ В частности, Арсланова Е. Б. отмечает, что День Победы – фактически единственный праздник, унаследованный нынешней Россией от советской; что, несмотря на относительное понижение его статуса сравнительно с советским периодом, он все же намного превосходит статус других государственных праздников (Арсланова, 2011, с. 13).

пересмотреть ... , 2020). И в таком же духе постоянно высказывается ряд патриотических блогеров, в разной степени симпатизирующих советскому прошлому или, по крайней мере, его некоторым достижениям. Время от времени доходит дело до призывов наказывать за «фальсификацию истории», за «неуважительное отношение», за «публичные высказывания и утверждения, направленные на умаление участия СССР во Второй мировой войне, искажение или отрицание достижений во Второй мировой войне, а также призывы к пересмотру Второй мировой войны, относительно степени участия в ней СССР» (Локотецкая, 2015).

Целью настоящей статьи является показать следующее: несмотря на то, что позиция уравнивателей нацизма и коммунизма заслуживает всяческого осуждения, сегодняшним «патриотам» следовало бы поумерить свое возмущение по описанным выше поводам. Сегодняшняя Россия, ее элита и идеологическая обслуга последней имеют, на наш взгляд, весьма опосредованное отношение к одержанной 75 лет назад Победе. Ровно такое же отношение они имеют к образовавшемуся благодаря Победе новому глобальному соотношению сил, придававших этой Победе столь высокий статус.

Победа 1945 года: жертва за человечество или искупление грехов?

Из чего в Советской России складывался высокий статус Победы 1945 года? Он был обусловлен не тем нередко повторявшимся в истории фактом, что коалиция одних государств разбила коалицию других, при том, что первая не без оснований полагала себя воплощением Добра, а ее противников – Зла. Главная причина заключалась в другом: СССР позиционировал себя как первое в мире социалистическое государство, открывшее прочим народам дорогу к светлому будущему. Именно поэтому против него и был направлен основной удар мировой реакции, воплотившийся в германском национал-социализме. Победа СССР была победой новой исторической общности, советского народа, осуществленной в союзе со всеми прогрессивными силами человечества. Она была в буквальном смысле судьбоносной, так как закрепляла изменение направления движения мировой истории. Жертва, которую принес советский народ на алтарь Победы, была больше, чем жертвы в обычных войнах – это, если угодно, был аналог искупительной жертвы Христа, принесенной за все человечество. Поэтому советский народ предстал как бы коллективным Христом, спасшим мир². После этого советский народ-праведник, несмотря на то, что сам недавно пережил великие бедствия и нужду, помогал другим народам идти к светлому будущему, зачастую в ущерб себе, не рассчитывая на выгоды.

Но почему советский народ оказался способен на этот титанический подвиг мирской святости? Потому что свой главный подвиг обращения на истинный путь он совершил гораздо раньше, встав на путь построения социализма. Поэтому Победа 1945 года, при всем ее значении, была не единственной и даже не главной. Как справедливо замечает А. Рубцов, «в СССР День Победы всегда был во второй шеренге, чуть позади 1 мая и 7 ноября с их мощными де-

² Формально же мироустроительное значение Победы 1945 года было институционализировано в создании ООН и конституировании биполярного мира, в то время как нынешняя российская внешнеполитическая риторика ориентирована на достижение многополярности.

монстрациями и парадами. Символика Великой Победы держалась несколько в тени главных идеологических символов Социализма и Революции... Победа в Великой Отечественной войне была в этом плане вторичной и далеко не единственной» (Рубцов, 2019). И все же эта Победа была главным доказательством правильности избранного пути, своего рода аналогом религиозного зримого свидетельства об избранности для «спасения».

В постсоветской системе координат все выглядит существенным образом иначе. Формально сегодня нет выше и значимей праздника Победы, что отчасти продолжает тенденцию последних советских десятилетий. Ближе к крушению СССР значение Победы действительно росло. Но у этого роста был потолок в виде общей парадигмы коммунистической идеологии, которая, правда, в целом придавала гораздо более возвышенный смысл советской истории, чем нынешняя идеология может придать истории российской. Внутри этой парадигмы значение Победы пусть и не превосходило значение Октябрьской революции, но все равно было выше, чем значение Победы в постсоветской идеологической парадигме современной России. Сейчас же Победа, несмотря на то, что она осталась самым значимым праздником среди российских, не имеет прежнего значения: она находится, в, если так можно выразиться, сильно понижающей ее статус идеологической парадигме.

Начиная с эпохи Ельцина, на официальном уровне было признано, что социализм был ошибкой, а история СССР – уклонением от магистрали мирового развития. Советский строй считался разновидностью чуть ли не восточного деспотизма, а Советский Союз – очередной инкарнацией Российской империи, возглавляемой «отцом отечества» Сталиным и закономерно распавшейся, как и прочие империи. В союзе с другими империями и свободолюбивыми народами эта империя победила такую же империю. Сама же советская империя, если обладала каким-то достоинством, так тем, что она могла мобилизовать ресурсы еще более эффективным, ввиду своей бесчеловечности, образом, чем ее противник. Один бесчеловечный монстр, слухи о прогрессивности которого оказались сильно преувеличены, побил другого, совсем уж реакционного – в этом проявилась своего рода хитрость мирового духа.

Да, побежденная империя была ужасна, но, в общем, не в первый раз цивилизованные и не совсем цивилизованные народы осадили тевтонских варваров. Так что, по большому счету, ничего особенного в качественном смысле не случилось. В итоге победил тот, кому было предопределено победить еще по итогам Первой мировой войны – либерализм тогда, как его советский конкурент, в итоге самоликвидировался. «Волки от испуга скушали друг друга» – и вот он, «конец истории». К тому же, как неоднократно утверждалось, не будь советского коммунизма, вполне возможно, не появился бы на свет и национал-социализм. Ведь исключительно из боязни социалистической революции добропорядочные европейские бюргеры бросились в объятия фашистских режимов, так что за побежденным фашизмом даже есть какая-то своя правда и тень благого намерения. Так что и эта заслуга СССР перед человечеством выглядит сомнительной.

Об искупительной жертве все еще можно говорить, однако это уже не жертва во имя всего человечества, а – в искупление своих собственных грехов. Ибо что такое революция 1917 года и последовавшие за нею годы перед Второй мировой войной с точки зрения Православной церкви? Сплошные неправда, зло,

человеческие страдания, поругание веры. «Но Господь смыл эту неправду и это зло кровью нашей, кровью отцов наших, как то было не единожды в истории рода человеческого. И потому мы должны проникнуться особым пониманием искупительного значения Великой Отечественной войны – это и есть религиозное понимание» (Скрынников, без даты).

Заслуги и неблагодарность

Важной частью официального дискурса являются утверждения относительно «неблагодарности» соседних стран и народов за то добро, которое было некогда сделано им Россией. Например, И. Полонский, пишет, что сегодня во многих странах мира Россию целенаправленно демонизируют. Понятно, продолжает он, когда негативный образ нашей страны создается в таких государствах, как Великобритания или США. «Но как быть со многими странами Азии и Африки, Восточной Европы, с основной частью республик, возникших на постсоветском пространстве? Даже в таких вроде как дружественных государствах, как Казахстан или Кыргызстан, российское и советское прошлое критикуют, а порой и перевирают, стараясь затереть те заслуги, которые были у нашей страны перед народами республик» (Полонский, 2019). И далее идет длинный перечень тех самых заслуг, перемежаемый рассказом о трудностях, которые переживают народы, «отвернувшиеся от России». Заканчивается статья восклицанием по поводу Украины: «Но насколько оказалось зомбированным само население страны, значительная часть которого поддерживает существующую власть, выступает за разрыв с Россией, даже рвет личные отношения с собственными родственниками, проживающими в России!»

Объективности ради следует заметить, что в начале 1990-х распад СССР и в России, вообще-то, воспринимался не без энтузиазма по поводу отсутствия необходимости «кормить республики». Процесс «отворачивания» народов друг от друга был во многом взаимным. Но дело даже не в этом. Официальная позиция нынешнего режима заключается в утверждении преемственности между дореволюционной, советской и нынешней Россией. Это всегда одна и та же «историческая Россия», преследующая, что бы там ни происходило, свои геополитические, экономические, словом, «национальные» интересы. Монархия, социализм, нынешний республиканизм – все это лишь маски. Но воспринимаемая таким образом Россия, в отличие от России советской, принципиально не отличается от прочих государств, грызущихся друг с другом как хищники за кусок добычи и никогда не делающих ничего по доброте душевной и в ущерб себе. Это ведь только советская Россия с ее идеалистами-большевиками пыталась построить новый мир, в котором более передовые народы бескорыстно помогают отсталым, увлекая их за собой в светлое будущее. Иными словами, если совершалась когда-то коммунистическая попытка «сломать колесо», то предпринявшие ее реальные люди в не меньшей степени заблуждались насчет своих истинных намерений, чем фэнтезийная Дейнерис Таргариен. Да и не заблуждались они, конечно же, а только притворялись, будучи такими же прагматиками, как и нынешние правители России. Поэтому если злорадство со стороны новой России по отношению к «отвернувшимся» от нее странам и выглядит органично, то обиды и упреки в черной неблагодарности не слишком уместны.

Точно так же не стоит удивляться и возмущаться тому, что наши соседи конструируют свою вновь обретенную идентичность по милитаристским и несколько архаично-националистическим рецептам. Эти рецепты сходны с теми, которые применяются нами в собственном отечестве.

Изобретение национальной идентичности: Россия и «фальсификаторы»

Из уст нынешнего официоза часто раздаются речи о необходимости «патриотизма» и истощенности либерализма (Петрова, Штыкина, 2019). Но даже если либерализм, равно как и связанные с ним способы обретения национальной идентичности, истощили себя, то нынешняя Россия продолжает оставаться в рамках либерализма, национализма и буржуазного строя. В то время как в России все еще прибегают к откровенно воинственной риторике и символике, подобной той, которая была необходима для поддержания национального единства до и во время Второй мировой войны, в Европе дело уже обстоит иначе. Память европейцев о войне – это, в первую очередь, память о страшной трагедии, унесшей жизни десятков миллионов людей. Главный урок, усвоенный из этой войны – «больше никогда не бряцать оружием, не воевать, по крайней мере на территории Европы». Тут, конечно, есть определенное ханжество, вспомним хотя бы Ирак. Однако тем не менее, на территории Европы любое начало боевых действий воспринимается очень нервно именно из-за памяти о Второй мировой войне. «В этой части эта память действительно актуальна, во всех остальных – это общая антропологическая солидарность с людьми, которые погибли» (Смысл и бессмыслица дня Победы, 2015). Соответственно, милитарная и «патриотическая» риторика и символика в духе «можем повторить» больше не играет заметной роли в формировании национальной идентичности европейцев, исключая ряд бывших советских республик. Их политическая культура сходна с российской в том смысле, что и для них участие во Второй мировой войне, равно как и необходимость дистанцирования от советского периода истории, приобретают ключевое значение для формирования национальной идентичности. В отечественной публицистической и научной литературе это нередко описывается с соответствующей расстановкой акцентов:

«После распада СССР в 1991 году фальсификация итогов Второй мировой войны стала тем фундаментом, на котором строят свою национальную идентичность некоторые бывшие социалистические страны и советские республики. Разница в подходах здесь напрямую связана с различной ролью этих стран и народов во Второй мировой войне» (Попытки фальсификации истории ..., 2019).

Или:

«Прозападные политические силы в бывших республиках СССР – Украине, Молдавии, странах Балтии, Грузии, Узбекистане и других ныне независимых государствах стремятся похоронить память народов этих стран о том, как они в составе Союза ССР воевали против гитлеризма, стереть память о существовании единого сообщества советских народов как одного из важнейших факторов победы. Формируются дикие представления о «самостоятельном вкладе» бывших советских республик в «победу Объединённых Наций во Второй мировой войне», отрицается совместная борьба народов СССР с нацистским агрессором,

в общественное сознание внедряется поток лжи о борьбе «титულных этносов» той или иной бывшей советской республики за «национальное освобождение от большевистского режима» (Орлов, 2018, с. 95).

Ключевым понятием в высказываниях такого рода (при всей их справедливости) является вовсе не «фальсификация», а «строительство национальной идентичности». Речь здесь не идет о том, что советская идеология пролетарского интернационализма и коммунистической перспективы является образцом объективности. Но если политические элиты России отказались от нее, то надо отдавать себе отчет в том, ради чего, и не пытаться совместить несовместимое. Как удачно выразился С. Каспэ, «реабилитация советского прямо пропорциональна дезавуированию российского: чем выше красный стяг, тем ниже триколор» (Каспэ, 2009, с. 62). И если мы все-таки выбрали триколор, то выбрали и стратегию построения «национальной идентичности», принципиально не отличающуюся от той, которой следуют другие «бывшие советские республики». Разница заключается лишь в скорости продвижения по избранному пути (в России, к примеру, не так откровенно избавляются от памятников Ленину или меняют названия улиц), а также в том, что символические ресурсы для такого строительства у нас разные.

Тем не менее, мы идем по одной дороге с нашими бывшими соседями по социалистическому лагерю. Общим местом сегодня стало представление, что идентичность того, что называется «буржуазной нацией», как бы ни выглядело это в некоторых случаях отвратительным, изобретательным, конструируется и вообразается «из того, что было» (Андерсон, 2001; Хобсбаум, 2000). И всегда неотъемлемой частью этого процесса является искажение определенных фактов прошлого, тенденциозная их интерпретация, а то и откровенное, как выразился Э. Ренан, их забывание (Ренан, 1882). В качестве символического ресурса некоторые бывшие советские республики имеют участие определенной доли своего населения во Второй Мировой войне на стороне тогдашней «оси Зла». Однако и это – подходящий материал для строительства «буржуазной нации»: всегда можно представить дело так, будто участие в войне на стороне Гитлера было морально небезупречным, но неизбежным выбором в борьбе за национальное самоопределение. В конце концов, и нидерландские гезы когда-то кричали «Лучше султан, чем Папа!». Нарратив маленьких народов, «невинно попавших меж двух тоталитарных жерновов», тут противопоставляется отечественному нарративу преследования национальных интересов. Последнее само по себе ни хорошо, ни плохо, но обижаться на то, что соседи воспринимают все деяния исторической России именно таким образом по меньшей мере странно.

Потому что, напомним, с отказом от советского строя и идеологии пролетарского интернационализма, от перспективы слияния всех народов в мировом коммунизме, современная Россия превращается в новую империю (в данный момент эволюционирующую в «национальное государство»). В своё время в союзе с другими империями и национальными государствами она победила совсем уж преступный Третий Рейх. Однако многомиллионные жертвы, которые были принесены в советский период, являлись в значительной степени жертвами во имя соблюдения имперских геополитических интересов могучего Советского Союза. Ибо под покровом СССР с его утопическими идеями выступает все та же имперски ориентированная историческая Россия, в отношении которой нынешняя посткоммунистическая страна соблюдает «историческую преемственность».

При этом удивительно ожидать, что вот этой России и её Победе будут оказывать такие же почести, которые оказывали Победе советской. Если от собственных граждан приходится время от времени слышать, что празднуемый ныне День Победы это «день победы над Днём Победы», поскольку от Победы 1945-го года почти ничего не осталось – ни многих советских завоеваний, ни государства-победителя. Не осталось даже народа-победителя: у него отобрали не только ответственность, но также имя, и даже его историю» (Краснов, без даты). Так что же говорить о не слишком доброжелательно настроенных зарубежных партнерах? Не менее удивительно полагать (или делать вид), что преследование Россией своих геополитических, экономических и прочих интересов будет всерьез восприниматься как благодеяние исторического мироустроительного масштаба, за которое прочие народы должны быть ей вечно благодарны.

Заключение

Словом, проблема заключается не только в том, что оппоненты и конкуренты фальсифицируют историю великой Победы. Она также и в том, что делают они это нередко на тех же идейных основаниях, что и весьма ответственные представители нашего политического истеблишмента, в связи с чем противостоять этому значительно сложнее. Нельзя, не погрешив против истины, уравнивать нацизм и коммунизм, равно как и множество других вещей, но значительно проще уравнивать российского «ура-патриотического» пропагандиста с таким же пропагандистом, но уже с другой стороны. Следовательно, претензия первого на моральное превосходство может показаться не столь уж основательной, как ему бы хотелось, вне зависимости от степени правдивости выдвигаемых им аргументов.

Потому и критика наличия определенных элементов фальшивости, натянутости в праздновании Дня Победы, а также звучащие с каждым годом призывы умерить пафос, никуда не исчезнут. Они всего лишь продиктованы необходимостью привести в соответствие форму и содержание. Современная Россия не может себе позволить чрезмерно пафосного празднования Победы, потому что это не её Победа. Но она продолжает праздновать свою Победу, поскольку, по иронии истории, главным символическим ресурсом для построения российской «буржуазной» национальной идентичности оказалась, в первую очередь, победа в войне, одержанная под знаменами советской идеологии, весьма чуждой для нынешней политической элиты.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
2. Арсланова (Михайленко), Е.Б. (2011). Великая Победа 1945 года как основополагающий ритуал России (в контексте национальной идентичности). *Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры*, 1(86), 13–25.
3. Захарова обвинила Варшаву в попытке пересмотреть итоги Второй

мировой войны (2020, 09 января). Взято с <https://iz.ru/962605/2020-01-09/zakharova-obvinila-varshavu-v-ropuytke-peresmotret-itogi-vtoroi-mirovoi-voiny>

4. Каспэ, С. (2009). Постсоветские нации в саду расходящихся тропок. *Россия в глобальной политике*, 7(6), 154–163.

5. Краснов, П. (без даты). *Фальшивый День Победы*. Взято с <http://www.rusproject.org/node/1545>

6. Локотецкая М. (2015, 28 мая). *Наказания за публичное умаление роли СССР во Второй мировой войне не будет*. Взято с <https://www.bfm.ru/news/294071>

7. Орлов, В.В. (2018). Проблемы информационно-психологического обеспечения защиты победы СССР во второй мировой и Великой Отечественной войне. *Коммуникология: электронный научный журнал*, 3(2), 87–98.

8. Петрова, Ю., Штыкина, А. (2019, 27 июня). *Путин объявил конец эпохи либерализма перед саммитом G20*. Взято с <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>

9. Полонский, И. (2019, 24 мая). *Жизнь без России. Что происходит со странами, отвернувшимися от Москвы*. Взято с <https://topwar.ru/158204-zhizn-bez-rossii-chto-proishodit-so-stranami-reshivshimi-ot-nas-otkazatsja.html>

10. Попытки фальсификации истории Второй мировой войны. Из книги: Платошкин Н.Н. *Большая война в Европе: от августа 1914–го до начала Холодной войны* (2019, 04 октября). Взято с <https://zen.yandex.ru/media/kmbook/ropuytki-falsifikacii-istorii-vtoroi-mirovoi-voiny-5d972559d5bbc300adf36a76>

11. Ренан, Э. (1882). *Что такое нация?* Взято с http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml

12. Рубцов А. (2019). *Со слезами на глазах*. Взято с <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/09/80460-so-slezami-na-glazah>

13. *Сейм Польши уравнил ответственность Германии и России за начало войны*. (2020, 9 января). Взято с <https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-za-nachalo-voiny>

14. Скрынников, А. (без даты). *Великая Отечественная война – Божие наказание?* Взято с <https://www.pravmir.ru/vopros-otvet/velikaya-otechestvennaya-vojna-bozhie-nakazanie/>

15. *Смысл и бессмыслица Дня Победы* (2015, 09 мая). Взято с <https://www.svoboda.org/a/27001060.html>

16. Хобсбаум, Э. (2000). Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, 1, 47–62.

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah I rasprostranении nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. М.: «KANON-press-С», «Kuchkovo pole».

2. Arslanova (Mikhaylenko), E.B. (2011). *Velikaya Pobeda 1945 goda kak osnovopolagayushchij ritual Rossii (v kontekste nacional'noj identichnosti)* [The Great Victory of 1945 as the fundamental ritual of Russia (in the context of national identity)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki I kul'tury*, 1(86), 13–25.

3. Hobsbaum, E. (2000). *Изобретение традиций* [Invention of traditions]. *Vestnik*

Evrazii, 1, 47–62.

4. Kasje, S. (2009). Postsovetskie natsii v sadu raskhodyashchihsiya tropok [Post-Soviet nations in the garden of diverging paths]. *Rossiya v global'noj politike*, 7(6), 154–163.

5. Krasnov, P. (n. d.). *Fal'shivyy Den' Pobedy* [Fake Victory Day]. Retrieved from <http://www.rusproject.org/node/1545>

6. Lokoteckaya, M. (2015, May 28). *Nakazaniya za publichnoe umalenie roli SSSR vo Vtoroj mirovoj vojne ne budet* [There will be no punishment for publicly diminishing the role of the USSR in World War II]. Retrieved from <https://www.bfm.ru/news/294071>

7. Orlov V. V. (2018). Problemy informacionno-psihologicheskogo obespecheniya zashchity pobedy SSSR vo vtoroj mirovoj I Velikoj Otechestvennoj vojne [The problems of informational and psychological support for protecting the victory of the USSR in the Second World War and the Great Patriotic War]. *Kommunikologiya: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 3(2), 87–98.

8. Petrova, Yu., & Shtykina, A. (2019, June 27). *Putin ob'yavil konec epohi liberalizma pered sammitom G20* [Putin announced the end of the era of liberalism before the G20 summit]. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/06/27/805261-putin>

9. Polonskij, I. (2019, May 24). *Zhizn' bez Rossii. Chto proiskhodit so stranami, otvernuvshimisya ot Moskvy* [Life without Russia. What happens to countries that have turned away from Moscow]. Retrieved from <https://topwar.ru/158204-zhizn-bez-rossii-chto-proishodit-so-stranami-reshivshimi-ot-nas-otkazatsja.html>

10. *Popytki fal'sifikatsii istorii Vtoroj mirovoj vojny. Iz knigi Platoshkin N. N. Bol'shaya voyna v Evrope: ot avgusta 1914-go do nachala Holodnoy vojni* [Attempts to falsify the history of World War II. From the book: Platoshkin N. N. The Big war in Europe: from August 1914 till the beginning of the Cold War] (2019, October 4). Retrieved from <https://zen.yandex.ru/media/kmbook/popytki-falsifikatsii-istorii-vtoroi-mirovoi-voiny-5d972559d5bbc300adf36a76>

11. Renan, E. (1882). *Chto takoe natsiya?* [What is a nation?]. Retrieved from http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml

12. Rubcov, A. (2019). *So slezami na glazah* [With tears in his eyes]. Retrieved from <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/09/80460-so-slezami-na-glazah>

13. *Sejm Pol'shi uravnyal otvetstvennost' Germanii i SSSR za nachalo vojny* [Seim of Poland equalized the responsibility of Germany and the USSR for the outbreak of war] (2020, January 9). Retrieved from <https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-za-nachalo-voiny>

14. Skrynnikov, A. (n. d.). *Velikaya Otechestvennaya vojna – Bozhie nakazanie?* [The Great Patriotic War – God's punishment?]. Retrieved from <https://www.pravmir.ru/vopros-otvet/velikaya-otechestvennaya-vojna-bozhie-nakazanie/>

15. *Smysl i bessmyslie Dnya Pobedy* [The meaning and nonsense of Victory Day] (2015, May 9). Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/27001060.html>

16. *Zaharova obvinila Varshavu v popytke peresmotret' itogi Vtoroj mirovoj vojny* [Zakharova has accused Warsaw of attempt to reconsider Second World War results] (2020, January 9). Retrieved from <https://iz.ru/962605/2020-01-09/zakharova-obvinila-varshavu-v-popytke-peresmotret-itogi-vtoroi-mirovoi-voiny>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2020, принята к публикации 06.06.2020

Для цитирования: Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 59–77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

© Ковба Д.М., Грибовод Е.Г., 2020

Аннотация

В статье проводится анализ коммеморативных практик о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве на примере Республики Беларусь и Республики Казахстан. Целью работы является выявление особенностей конструирования национальных стратегий политики памяти о войне в указанных странах. Для решения поставленной цели применяются методы сравнительного и системного анализа. Разработано авторское определение коммеморативной практики как деятельности, осуществляемой посредством публичных воспоминаний (а также их селекции или предания забвению) значимых событий, дат, образов или акторов прошлого с учетом современного социально-политического контекста и текущих потребностей общественности и властных структур. Сделан вывод о том, что одной из особенностей формирования национальной политики памяти на постсоветском пространстве становится репрезентация образа войны в соответствии с национальными приоритетами. Великая Отечественная война является частью советского прошлого, коллективной и исторической памяти народов стран СНГ, однако коммеморативные практики формируются с помощью персонализации исторической памяти как стратегического нарратива. Центральным нарративом, демонстрирующим роль Беларуси в войне, является «партизанская республика», тогда как в Казахстане эту функцию выполняет представление о республике как об «арсенале фронта». Общей константой для данных республик в формировании национальных политик памяти о войне, как в советский, так и постсоветский периоды, является обращение к героическим победам советских солдат, партизан, мужеству и стойкости тружеников тыла. Ревитализация коммеморативных практик о Великой Отечественной войне через оптику культурной травмы имеет фрагментарный характер, фиксируется и исследуется как составной элемент истории стран, а также в совокупности с другими трагическими событиями. На современном этапе развития постсоветских государств одной из важных тенденций является цифровая трансформация социальных процессов, поэтому страны стремятся сохранить и транслировать коммеморативные практики о войне с помощью цифровых технологий.

Ключевые слова:

политика памяти, память о войне, коммеморация, Великая Отечественная война, Белоруссия, Казахстан.

FEATURES OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE MEMORY POLITICS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE POST-SOVIET SPACE

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Researcher, Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Article received on May 11, 2020, accepted on June 6, 2020

To cite this article: Kovba, D.M., Gribovod, E.G. (2020). Osobennosti formirovaniya i realizacii politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetском prostranstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 59-77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204

Abstract

The article analyzes the commemorative practices of the Great Patriotic War in the post-Soviet space on the example of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The aim of the work is to identify the design features of national strategies for the politics of memory of the war in these countries. To solve this goal, methods of comparative and system analysis are used. An author's definition of commemorative practice as an activity carried out through public memories (as well as their selection or oblivion) of significant events, dates, images or actors of the past is developed, taking into account the current socio-political context and the current needs of the public and government structures. It is concluded that one of the features of the formation of the policy of national memory in the post-Soviet space is the representation of the image of war in accordance with national priorities. The Great Patriotic War is part of the Soviet past, the collective

and historical memory of the peoples of the CIS countries, however commemorative practices are formed by personalizing historical memory as a strategic narrative. The central narrative demonstrating the role of Belarus in the war is the “partisan republic”, while in Kazakhstan this function is performed by the idea of the republic as a “arsenal of the front”. A common constant for these republics in the formation of the policy of national memory of the war, both in the Soviet and post-Soviet periods, is the appeal to the heroic victories of Soviet soldiers, partisans, courage and perseverance of rear workers. The revitalization of commemorative practices about the Great Patriotic War through the optics of cultural trauma has a fragmented character, is recorded and investigated as an integral element of the history of countries, as well as in conjunction with other tragic events. At the present stage of development of post-Soviet states, one of the important trends is the digital transformation of social processes, which is why countries seek to preserve and broadcast commemorative practices about the war with the help of digital technologies.

Keywords:

memory politics, memory of the war, commemoration, World War II, Belarus, Kazakhstan.

Введение

Актуальность научной проблемы

Одним из важных событий в 2020 году, как для постсоветского пространства, так и для Российской Федерации, является празднование 75-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию в этом году, в связи с юбилейной датой во многих странах прошли выставки, концерты, салюты и другие мероприятия, ряд из которых был проведен в дистанционном (виртуальном) формате. Таким образом, одной из тенденций, характерной для политики национальной памяти в постсоветских странах на современном этапе, становится смещение в сторону медиатизированных (Грибовод, 2018) и виртуальных форм и инструментов репрезентации и рекоммеморации исторического и культурного наследия стран и народов.

Формирование национальной политики памяти – противоречивый и неоднозначный процесс для политической элиты и страны в целом, поскольку способствует текущему самоопределению народа, а также расширению «мягкой силы» (Ковба, 2017) и символического капитала страны. В связи с этим, проблематика политики национальной памяти, а также различные виды памяти (культурная, социальная, травматичная, коллективная и др.) активно изучаются в академической науке.

Степень исследованности проблемы

Исследованию коммеморативных практик посвящены работы как зарубежных (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, А. Мегилл, П. Хаттон, Л. Мори, Л. Мильорати, П. Нора), так и отечественных исследователей. Среди последних следует упо-

мянуть О.Ю. Малинову, которая рассматривает коммеморацию как важный элемент символической политики государства (Малинова, 2018), и М.Л. Шуб, работы которой посвящены анализу практик коммеморации как культурных феноменов, а также изучению их воспитательного и образовательного потенциала (Шуб, 2016). Несмотря на проработанный методологический инструментарий политики памяти, фиксируются новые дискурсы в указанной проблемной области. К ним, в частности, относится «постпамять» как новая дискурсивная форма трансляции исторической памяти и конструирования образа прошлого с помощью медиатехнологий (Русакова, Русаков, 2019).

Изучению политики памяти в Республике Беларусь посвящены труды И.В. Котлярова (2018), И.В. Грибан и Н.Н. Баранова (2019), А. Задора (2015), В.В. Герасимчик (2019), Н.В. Проказиной (2015). Отдельно стоит упомянуть книгу «Беларусь – альтернативное видение нации, памяти и космополитизма» (Lewis, 2019), а также сборник «Война и память в России, Украине и Белоруссии», внесший большой вклад в текущие междисциплинарные дебаты о политике памяти (в том числе о Второй мировой войне) в Восточной Европе (Fedor et al., 2017).

Проблематика политики памяти в Республике Казахстан отражает разные социально-политические и культурные аспекты истории страны: мемориальные комплексы, локальные практики и «сакральная география» (Медеуова, Сандыбаева, 2018); практики репрезентации и сохранения памяти о Великой Отечественной войне (Жаркынбаева, 2017); участие казахов в партизанских отрядах, в Движении Сопротивления во Франции, Германии и других европейских странах в годы II мировой войны (Mendikulova et al., 2019) и др.

Данное исследование опирается как на указанные выше источники, так и на предыдущие наработки авторов (Грибовод и др., 2018).

Цель статьи – выявить особенности конструирования и репрезентации политики национальной памяти о Великой Отечественной войне на примере Республик Беларусь и Казахстан.

Методика и методология исследования

Осмысление проблематики национальной политики памяти о Великой Отечественной войне проведено с опорой на теоретико-методологический инструментарий отечественных и зарубежных исследователей, в первую очередь из Республики Беларусь и Республики Казахстан. Применены методы сравнительного и системного анализа для выявления особенностей коммеморативных практик о войне, характерных для этих двух постсоветских стран. Вторичный анализ данных социологического опроса позволил верифицировать выбор Беларуси и Казахстана среди стран постсоветского пространства в качестве субъекта исследования политики памяти о войне.

Смысловое содержание понятия «коммеморативная практика»

Политика памяти формируется с помощью институтов, акторов и может рассматриваться на разных уровнях как память семьи, рода, страны, нации и др. Масштаб, инструментарий и объем у каждой формы памяти различен. Однако

стоит подчеркнуть, что политику памяти аккумулирует, сохраняет и репрезентует именно государство и властные институты. Как ранее отмечалось, национальная политика памяти рассматривается как «властный и символический ресурс, используемый для конструирования гражданской идентичности населения и позиционирования в системе международных отношений» (Грибовод и др., 2018, с. 124). Подробнее остановимся на одном из базовых элементов политики национальной памяти, а именно на практиках реализации политики памяти, таких как коммеморации.

Смысловое содержание понятия *коммеморации* (дословно – «памятный», «мемориальный») достаточно размыто. Разнятся сущностные характеристики коммеморации, выделяемые различными исследователями: так, А. Мегилл делает акцент на ее интеграционной функции, удовлетворяющей внутреннее желание сообщества подтвердить чувство своего единства; П. Хаттон на первый план выдвигает идею выделения определенных событий, личностей и идей прошлого, которые избираются властью для хранения в памяти; Л. Мори и Л. Мильорати говорят о цикличности как об основной характеристике попыток слияния с прошлым (Шуб, 2016, с. 81).

Н.И. Чуркина пишет, что в настоящее время многие авторы рассматривают коммеморации как часть государственной политики, направленной на объединение нации, построение общегражданской идентичности (Чуркина, 2016, с. 38). Тем не менее, в зависимости от источника происхождения, их можно разделить на официальные (инициированные государством), народные (инициатива исходит «снизу»), а также смешанные. Совсем не обязательно они поддерживаются всеми членами общества (т.е. бывают дискуссионными и консенсусными). М.Л. Шуб приводит достаточно объемную классификацию практик коммеморации. В качестве оснований классификации она выделяет длительность существования (краткосрочные, долгосрочные), хронологию (ретроориентированные и актуализированные (из недавнего прошлого)), происхождение (заимствованные и аутентичные), посыл (позитивный, негативный, смешанный) и др. (Шуб, 2018, с. 18).

Под *коммеморативной практикой* будем понимать деятельность, осуществляемую посредством публичных воспоминаний (а также их селекции или предания забвению) значимых событий, дат, образов или акторов прошлого с учетом современного социально-политического контекста и текущих потребностей общественности и властных структур.

О.Ю. Малинова пишет, что публичные «воспоминания» прошедших событий зачастую подчинены календарной логике. Праздники, которые были учреждены в честь важнейших исторических событий, являются ежегодным публичным напоминанием о них. Самые устойчивые из них обрастают рядом ритуалов (возложение цветов, салюты, поднятие флага, зажжение огня и др.). Подобные ритуалы способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на граждан, участвующих в них (Малинова, 2018, с. 44–45). Таким образом, коммеморативные практики исторических событий и сложившаяся вокруг них социально-культурная инфраструктура представляют удобный для анализа политики памяти кейс.

При анализе коммеморативных практик стоит выделить важный компонент национальной политики памяти – «историческую травму», то есть трав-

матические, болезненные воспоминания о событиях прошлого как отдельного актора, так и общности (семьи, народа и др.). Как отмечают исследователи, «травма» – это «способ связи, посредством которого прошлое продолжает существовать» (Аникин, Головашина, 2017, с. 79). Кроме того, они выделяют две парадигмы в изучении культурной травмы: психологическую, согласно которой пережитый травматический опыт актором не осознается, но оказывает воздействие на поведение и мироощущение, и социологическую, в рамках которой «травматический дискурс» ретранслируется на следующие поколения за счет механизмов и форм передачи данного дискурса, например, с помощью СМИ (Аникин, Головашина, 2017, с. 83). Однако отметим, что не только военные события, но и техногенные, экологические, политические и социальные катаклизмы и форс-мажорные события могут стать источником коллективной травмы. Травматическая память становится важным элементом при формировании национальной политики памяти стран на постсоветском пространстве после распада СССР, когда наступил период поиска идентичности и сплочения граждан.

Реализация политики памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь и в Республике Казахстан

Рассмотрим подробнее особенности политик национальной памяти о Великой Отечественной войне, сложившихся в Республике Беларусь и Республике Казахстан. Данные примеры выбраны не случайно. Во-первых, обе советские республики приняли активное участие в этой войне. Белоруссия была оккупирована, однако в мировой историографии признается большой вклад белорусских партизанских отрядов. Казахстан не только поставлял на фронт зерно и свинец, из которого производили пули, но и посылал людей в воинские формирования, собранные, преимущественно, по принципу смешанного национального состава (за годы войны общее количество казахских призывников составило 1870 тыс. чел.) (Подпрятков, 2010, с. 191). Во-вторых, именно эти государства признаются, по данным опросов общественного мнения, наиболее близкими и дружественными современной России среди всех государств, входивших в состав СССР. В мае 2019 г. 1500 респондентов старше 18 лет ответили, что наилучшие отношения у россиян сложились с белорусами и казахами (диаграмма 1).

До Второй мировой войны самосознание и опыт Западной и Восточной частей Беларуси различался. Война деформировала демографию республики: большая часть еврейского населения погибла во время Холокоста, а послевоенные перемещения населения значительным образом сократили польское меньшинство (Rudling, 2017, с. 71). Война нанесла серьезный урон: Беларусь потеряла более 4 млн. человек, было уничтожено 209 городов и 9200 деревень (Грибан, Баранов, 2019, с. 40). Многие белорусы восприняли возвращение Советов как подлинное освобождение.

В послевоенный период историческая память в Белорусской ССР была, в основном, сосредоточена на повествовании о героическом сопротивлении немецко-фашистским захватчикам в годы Великой Отечественной войны. В Минске, Хатыни и Бресте были построены большие мемориальные комплексы. Культ войны приобрел большое значение с 1960-х годов.

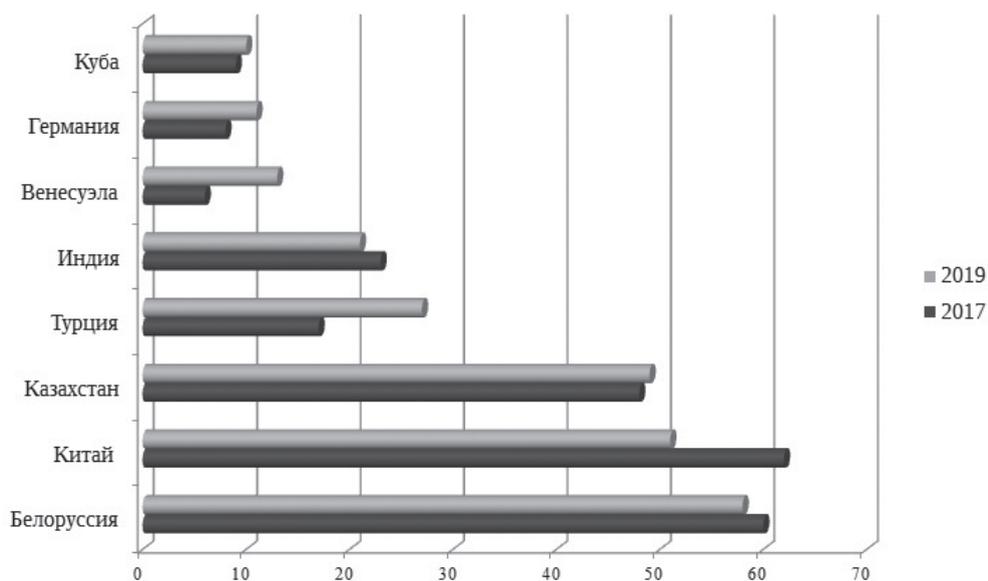

Диаграмма 1 – Дружественные страны, по мнению россиян (источник: Дружественные и недружественные страны, 2019)

Исследователи утверждают, что характерной чертой исторической памяти советского периода является *фактор запаздывания*: послевоенные годы были временем подозрения руководства страны в отношении тех, кто сдался немцам, действовал в условиях оккупации или отступал. Потребовались десятилетия, чтобы многие нынешние знаковые исторические деятели и события получили официальное признание со стороны советского режима, включая защитников Брестской крепости (Marples, 2012, p. 439).

В 1991 г. 82,7% белорусов проголосовали за сохранение СССР (Fedor et al., 2017, p. 20). На первых выборах после распада Советского Союза А. Лукашенко был избран президентом страны. Белорусский лидер поддерживал версию советского исторического нарратива, в частности, касающегося Великой Отечественной войны, сделав его краеугольным камнем государственной идеологии. Таким образом, *использование истории было направлено на то, чтобы укрепить легитимность режима, представить его в качестве хранителя наследия Великой Победы*. В этот период декларировались дружественные отношения с Россией, подчеркивалась общая историческая память двух государств, не поощрялось пробуждение национального самосознания.

Примерно с 2002 г. политика А. Лукашенко начала трансформироваться. Ностальгия по советскому периоду стала исчезать. Развитие Республики, особенно в плане экономики, было представлено в СМИ как уникальный белорусский путь, в котором не следует полагаться на посторонних – будь то РФ или Европейский Союз (Marples, 2012, с. 441). Тем не менее, отношение к войне как главному событию в исторической памяти не изменилось. На официальном уровне признается, что белорусская «партизанская республика» не только внесла

вклад в общую победу, но и решительным образом ей способствовала, являясь основным бенефициаром героического сопротивления военного времени (Fedor et al., 2017, p. 21).

В то же время сложные формы взаимодействия между государством и гражданскими активистами привели к освещению ранее не актуализированных повествований – таких как война в Афганистане, битва под Оршей, Холокост и других. По мнению исследователей, несмотря на рост количества нарративов, режим памяти не меняется: он остается торжествующим, оформленным в терминах героизма и мученичества, а не скорби и жертв (Fedor et al., 2017, p. 22).

Если на Украине антисоветские действия бандеровцев с готовностью выдвигаются в качестве альтернативных повествований, то в Беларуси коллаборационистское движение было слабым и дискредитированным в послевоенные годы. Попытки отделения белорусской идентичности от советских нарративов обычно сосредоточены на преступлениях сталинизма и изолированы от событий Второй мировой войны и Великой Победы.

Отдельные инициативы, направленные на популяризацию альтернативных версий истории, выдвигаются неправительственными организациями и независимыми интеллектуальными журналами, например, таким, как журнал ARCHE (Rudling, 2017, p. 84). Исследователи утверждают, что для защиты иных исторических версий необходимо обладать альтернативными социальными ресурсами. Лица, проводящие исследования в учреждениях, расположенных за пределами страны (например, в Европейском университете, Белорусском институте стратегических исследований в Вильнюсе), могут себе позволить расхождение с официальной историей войны (Задора, 2015, с. 122–123). Такую же возможность имеют члены Рады Белорусской Народной Республики – т. н., «правительства в изгнании» или «правительства без страны». Они поддержали «Пражскую декларацию о европейской совести и коммунизме» (3 июня 2008 г., Прага), в которой предлагается признать 23 августа (день подписания пакта Молотова-Риббентропа) днем памяти жертв нацистского и коммунистического тоталитарных режимов (Rudling, 2017, p. 82). В целом же, можно сказать, что антисоветская военная мифология не является частью публичного дискурса в Белоруссии, и вряд ли войдет в него в ближайшее время.

Связанные с Великой Отечественной войны практики политики памяти (комеморации), вместе с сопутствующей им социокультурной инфраструктурой, являются достаточно укоренившимися и массовыми. Празднование Дня Победы 9 мая было установлено Указом Президента Республики Беларусь № 157 от 26 марта 1998 года (О государственных праздниках ..., 1998). Торжества, как правило, являются достаточно масштабными, и сопровождаются парадом, траурными мероприятиями, народными гуляниями, показом документальных и художественных фильмов о войне по национальному телевидению. В 2020 г., несмотря на то, что из-за пандемии COVID-19 практически во всех бывших постсоветских странах праздничные мероприятия, связанные с Днем Победы, были перенесены, руководство Республики Беларусь не отказалось от проведения парада Победы (Среди стран СНГ ..., 2020). Часть мероприятий проводилась в online-режиме.

В 2015 г. в Белоруссии был запущен патриотический проект «Цветы Великой Победы». Композиция, состоящая из красно-зеленой ленточки и цветка

яблони (рисунок 1), по сути, заменила георгиевскую ленту. Исследователи полагают, что данный акт можно считать проявлением «изоляционистской меморализации»: если власти Украины в 2015 г. приняли западный символ (цветок мака), то в Беларуси был выбран новый, семантически нейтральный смысл, который одновременно дистанцируется и от российских, и от западных (ориентированных на жертв) нарративов (Fedor et al., 2017, p. 21).

Рисунок 1 – «Цветы Великой Победы»

Национальным праздником является еще одна связанная с войной дата – 3 июля (освобождение Минска в 1944 г. от нацистских оккупантов). Именно 3 июля, согласно результатам референдума 1995 года, стало Днем независимости Республики Беларусь (Marples, 2012, p. 441).

В 2000-х годах была проведена дорогостоящая реконструкция памятников советской эпохи – таких, как мемориальный комплекс «Хатынь» (открыт в 1969 г., реконструирован в 2006 г.). Данный комплекс расположен примерно в 20 км от Минска на месте деревни Хатынь, разрушенной в годы Второй мировой войны. Он стал символом исторической памяти о зверствах нацистов и важным событием в истории страны, память о котором поддерживается в коллективном сознании белорусов (Rudling, 2012, p. 45). Музей Великой Отечественной войны в Минске (открыт еще во время войны, обновление экспозиции произошло в 2014 г.) признается одним из лучших музеев о войне на постсоветском пространстве (Marples, 2012, с. 445). Акцент экспозиций сделан на вкладе Беларуси в разгром нацистов и освобождение Европы от вражеских захватчиков.

В 2005 г. по инициативе Благотворительного фонда помощи воинам-интернационалистам «Память Афгана» был создан историко-культурный комплекс «Линия Сталина». Он посвящен обороне Минска накануне войны 1941 г. Много пространства отведено военной технике, арсенал которой не ограничивается рамками Второй мировой войны, но включает более поздние модели, использовавшиеся, например, во время войны в Афганистане. Исследователи утверждают, что этот комплекс объединяет такие темы, как защита Родины, победа СССР и героический труд народа. Негласным посылом является то, что победа во Второй мировой войне стала возможна благодаря сталинскому руко-

водству. Утверждается, что данный комплекс направлен, в том числе, на легитимацию сегодняшнего политического режима Республики Беларусь (Askermann, 2017, p. 240).

Еще одним инструментом политики памяти являются образовательные программы в школах и вузах. Анализ белорусских учебников истории позволяет выявить основные концепции, связанные со Второй мировой войной. Так, составной и решающей частью этих учебников являются разнообразные по тематике сюжеты, посвященные периоду Великой Отечественной войны. Отмечается, что война со стороны Германии носила захватнический характер, тогда как для СССР это была «справедливая война за свободу и независимость...». Говорится следующее: на начальном этапе руководством СССР был допущен ряд просчетов, приведший к большим потерям; фундамент для победы начал закладываться в 1941 г. в Беларуси; Беларусь внесла большой вклад в Победу, благодаря деятельности партизанских отрядов; операция по освобождению страны «Багратион» является одной из крупнейших в ходе Второй мировой войны (Грибан, Баранов, 2019, с. 44). Исследователи указывают, что в современных белорусских учебниках их авторы стараются освещать сложные и дискуссионные темы, такие как коллаборационизм, поражение Советского Союза на начальных этапах войны (Грибан, Баранов, 2019, с. 46), что наличие единой учебной программы и отсутствие альтернативных учебников позволяют противостоять современным тенденциям фальсификации истории (Герасимчик, 2019, с. 83).

Таким образом, Великая Отечественная война является одним из ключевых событий истории Беларуси и важным компонентом политики национальной памяти. Этот тезис подтверждают и соцопросы: в 2013 г. 89,5% граждан страны согласились с тем, что «стоит сохранять связь государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны» (Проказина, 2015, с. 204). Директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров пишет, что на вопрос «Какие чувства вы испытываете в связи с Победой нашей страны над фашистской Германией, освобождением Беларуси от фашистов?» 95,8% респондентов упоминают чувство благодарности участникам войны и гордость за страну (2018, с. 12).

Политика памяти о Великой Отечественной войне в Республике Казахстан начала формироваться в советский период и продолжает оставаться важным компонентом современной коммеморативной практики страны, несмотря на некоторое снижение интереса в официальном дискурсе. Согласно данным Института истории государства, из республики на фронт было отправлено почти 70% мужчин в возрасте от 18 до 50 лет («Бессмертный полк» проходит онлайн в Казахстане, 2020). Кроме того, 40% от общего числа заявлений с просьбой добровольно отправить на фронт были от женщин (Жаркынбаева, 2017, с. 105). Как отмечает С.А. Асанова, тематика Великой отечественной войны была наиболее востребованной в советский период в историографии Казахстана, однако имела преимущественно пропагандистский и агитационный посыл. Трудности военного времени замалчивались и носили фрагментарный характер; репрезентация событий происходила в «парадно-победоносном тоне», свойственном советскому публичному дискурсу (Асанова 2019, с. 283). В постсоветский период, как отмечают исследователи (Асанова, 2019; Mendikulova et al., 2019

и др.), политика памяти о Великой Отечественной войне в большей степени, чем ранее формируется вокруг отдельных проблем и тем, касающихся истории войны и тыла, а также роли и вклада народа республики в победе над фашизмом.

Как и в Беларуси, в Республике Казахстан мемориальные и скульптурные комплексы, места памяти посвящены участию и подвигам населения стран в Великой Отечественной войне. К определенным юбилейным датам в различных городах были возведены мемориалы и скульптурные комплексы. Например, к 30-летию победы в Великой Отечественной войне мемориальный комплекс «Мемориал Славы» в парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев в городе Алма-Ате (Медеуова, 2020). В 2015 году в Астане был открыт памятник генерал-майору И. В. Панфилову, который возглавлял 316 стрелковую дивизию, сформированную в 1941 году в Алма-атинской области (Бисенгалиев, 2015). К. Медеуова подчеркивает роль мемориальных комплексов и мемориалов как важных элементов «ревитализации культурной памяти в постсоветском Казахстане», и определяет их как «объединенных одной идеей архитектурных, скульптурных, ландшафтных объектов, выступающих символическим воплощением коллективной культурной памяти, а также формой апроприации советских практик памяти» (Медеуова, 2020).

Образ войны как ресурс национальной идентичности ретранслируется политикой памяти Республики Казахстан с помощью актуализации определенных сюжетов и персоналий. Так, в работах казахстанских исследователей, посвященных Великой Отечественной войне, подчеркивается роль Народного Героя Казахстана лейтенанта Р. Кошкарбаева из 674-го стрелкового полка, который вместе рядовым Г. Булатовым установил Знамя Победы на Рейхстаге; Героев Советского Союза Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой, а также многих других людей, доблестно защищавших Родину. Память о подвигах «замечательных дочерей казахского народа» Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой запечатлена в художественных и скульптурных произведениях, в названиях улиц, школ, музеев, парков в городах республики. Стоит подчеркнуть, что роль казахских женщин неоднократно подчеркивается в победе над врагом, как на фронте, так и в тылу (Жаркынбаева, 2017, с. 105–107).

Тематическое ядро национальной политики памяти Казахстана состоит из нескольких дискурсивных единиц, которые объединяют разные тематические блоки. Во-первых, республика – это «арсенал фронта», поскольку обеспечивала армию военной продукцией и товарами первой необходимости. Одной из тем, сформировавших политику памяти о войне в Казахстане, является история тыла, повседневная жизнь городов в военное время, в которые переносили стратегически важные производства, госпитали, отправляли эвакуированных. На основе архивных материалов раскрываются особенности жизни и работы в тылу в Алма-Ате (Жаркынбаева и др., 2020). Во-вторых, – это подвиги и вклад казахов в победу над фашизмом. Стоит отметить грантовую поддержку, оказываемую государственными структурами Республики Казахстан для формирования историографии страны о войне, например: фундаментальные научно-исследовательские проекты «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов» (Mendikulova et al., 2019), «Фронт/тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана и России» (Жаркынбаева, 2018).

Одной из тенденций, характерных для репрезентации современной политики памяти о войне, становится процесс цифровизации коммеморативных практик. В 2015 году, в преддверии 70-летия годовщины Победы в Великой Отечественной войне, была представлена инфографика «Суточная норма питания военнослужащих Красной армии», а также реализован проект «История одной фотографии» на веб-портале «История Казахстана» (Жаркынбаева, 2017, с. 108–109). В 2020 году накануне праздника Дня Победы в Республике Казахстан была организована дистанционная акция «История моей семьи в истории моей страны», в рамках которой можно было разместить под хеш-тэгом #Помнимгордимсячтим фотографии из семейного архива родственников, которые защищали Родину от врагов, как в тылу, так и на фронте (Смакова, 2020).

Таким образом, в современной политике памяти Республик Беларусь и Казахстан Великая Отечественная война остается важным событием, вокруг которого сформировался ряд коммеморативных практик. Данное событие используется для воспитания патриотизма на примерах мужества, стойкости и героизма, скрепления дружбы между постсоветским странами и народами, становится ценностно-культурным мостом для разных поколений. Для данных стран репрезентация коммемораций о войне, восстановление памяти о забытых национальных героях, создание и поддержание мест памяти становится информационно-стратегическим ресурсом и инструментом противостояния фальсификациям истории, фейкам и альтернативным версиям. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне рассматривается как укрепление национальной историографии страны и поддержание единства в многонациональных государствах постсоветского пространства.

Заключение

После распада СССР в 1991 г. бывшие союзные республики начали сложный процесс строительства новых государств и поиска суверенитета. В то время как некоторые исторические события (такие как Октябрьская революция) постепенно стали уходить в прошлое, другие (в особенности, Великая Отечественная война) остались в коллективной памяти, массовой культуре и официальном публичном дискурсе. Великая Отечественная война является частью советского прошлого, коллективной и исторической памятью народа постсоветских стран, поэтому память о войне служила знаковым и утешительным символом преемственности в неопределенные переходные времена. Более того, многие страны-участницы нередко использовали этот опыт в качестве основы для построения национальной памяти.

Для Республики Беларусь Победа в Великой Отечественной войне является важным историческим событием, выступающим основой для построения национальной идентичности, фактором легитимации политического режима и обеспечения единства общества. Для белорусской политики памяти характерен акцент на героических темах, таких как подвиги времен партизанской войны.

Одной из приоритетных задач политики памяти Республики Казахстан становится восстановление памяти о национальных героях Великой Отечественной войны и их подвигах. В качестве инструментов репрезентации политики памяти о войне в Республике Казахстан применяются различные формы материального

и виртуального запечатления: мемориальные и скульптурные комплексы (например, мемориальный комплекс «Победа», памятник Касыму Кайсенову – народному герою Республики Казахстан, писателю и ветерану ВОВ в Усть-Каменогорске), книги памяти, выставки, названия улиц и др. Признается, что многие граждане Казахской ССР, работая в тылу, внесли большой вклад в победу над фашизмом.

Можно заключить, что и в Беларуси, и в Казахстане особое внимание уделяется сохранению в исторической и коллективной памяти народа событий Великой Отечественной войны. Война рассматривается как часть общей советской истории, связанной с героизмом солдат и боевым братством. В обеих республиках делается акцент на вкладе граждан каждой из них в общую Победу. Празднования Дня Победы 9 мая, парад, салют, акция «Бессмертный полк» остаются эмоционально окрашенными, весьма значимыми коммеморативными практиками для исследуемых стран.

Одной из особенностей политики памяти на постсоветском пространстве становится формирование образа войны в соответствии с национальными приоритетами и текущей политической обстановкой. Великая Отечественная война является важной частью единого советского прошлого и исторической памяти, поэтому политическая элита стран СНГ адаптирует и интегрирует коммеморативные практики о войне в культурный, символический капитал своих стран с учетом национальной специфики. Несмотря на трагические события военного времени, тяготы тыла, трудности послевоенного периода, политика памяти о Великой Отечественной войне в Республиках Беларусь и Казахстан опирается не только на концепт о травматической памяти, а апеллирует к героическим подвигам, силе духа, к мужеству и отваге советских людей.

Список литературы

1. Аникин, Д. А., Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 425, 78–84. doi: 10.17223/15617793/425/10
2. Асанова, С. А. (2019). Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая*, 5(2), 280–295. doi: 10.31551/2410–2725–2019–5–2–280–295
3. «Бессмертный полк» проходит онлайн в Казахстане (2020, 09 мая). Взято 21 мая 2020, с <http://today.kz/news/kazakhstan/2020-05-09/797471-bessmertnyij-polk-prohodit-onlajn-v-kazahstane/>
4. Бисенгалиев, Б. (2015, 7 мая). *Памятник генералу Панфилову открыт в Астане*. Взято 22 мая 2020, с <https://www.inastana.kz/news/819398/pamatnik-generalu-panfilovu-otkryt-v-astane>
5. Герасимчик, В. В. (2019). Освещение Великой Отечественной и Второй мировой войн в учебниках «Всемирная история» и «История Беларуси» в 10-м классе учреждений общего среднего образования. *Белорусский исторический обзор*, 2(2), 83–110.

6. Грибан, И. В., Баранов, Н. Н. (2019). Научить помнить: Великая Отечественная война в образовательном пространстве Республики Беларусь. *Преподаватель XXI век, 1*, 38–50.

7. Грибовод, Е. Г. (2018). Медиатизация политики национальной памяти в современном цифровом обществе. В П. П. Трескова (Ред.), *Информационная школа молодого ученого: Сб. науч. тр. по итогам VI Информационная школа молодого ученого (03–07 сентября 2018 г., Екатеринбург)* (с. 42–47). Екатеринбург: ЦНБ УрО РАН. doi: 10.32460/ishmu-2018-6-0005

8. Грибовод, Е. Г., Ковба, Д. М., Моисеенко, Я. Ю. (2018). Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 123–132. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

9. *Дружественные и недружественные страны, ФОМ (фонд общественного мнения)* (2019, 06 Мая). Взято 10 апреля 2020, с <https://fom.ru/Mir/14201>

10. Жаркынбаева, Р. С. (2017). Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект). *Женщина в российском обществе, 1*(82), 103–116. doi: 10.21064/WinRS.2017.1.10

11. Жаркынбаева, Р. С., Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. (2020). Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Аты). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения, 25*(1), 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8

12. Задора, А. (2015). Вторая мировая война и преемственность советских традиций для идентичности, политической, правовой и социальной системы Беларуси. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований, 1*(6), 119–123.

13. Ковба, Д. М. (2017). Основные подходы к исследованию «мягкой силы» в отечественной политической науке. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(26), 143–148.

14. Котляров, И. В. (2018). Беларусь на пути в лучшее будущее (социологические тренды). *Социологический альманах, 9*, 9–14.

15. Малинова, О. Ю. (2018). Политика памяти как область символической политики. В А. Миллер, Д. Евременко (Отв. ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр.* (с. 27–53). М. – СПб: Нестор-История.

16. Медеуова, К. (2020). Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане. *Новое литературное обозрение, 161*(1). Взято 20 мая 2020, с https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/

17. Медеуова, К. А., Сандыбаева, У. М. (2018). Сакральная география в Казахстане: коммеморативная политика государства и локальные практики в публичных пространствах. *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая, 4*(3), 438–447. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-438-447

18. *О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. (№ 157)*. (без даты). Взято 15 апреля 2020, с <http://bseu.by/russian/general/>

uvr/ukaz-157-26.03.1998.pdf

19. Подпратов, Н. В. (2010). Участие представителей нерусских народов Советского Союза в боевых действиях Второй мировой войны в противоборствующих армиях: сравнительный анализ. *Известия Алтайского государственного университета*, 4–3(68), 190–193.

20. Проказина, Н. В. (2015). Историческая память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России. *Социологический Альманах*, 6, 202–209.

21. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатеchnология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

22. Смакова, А. (2020, 18 апреля). *В Казахстане запустили акцию в честь 75-летия Победы*. Взято 22 мая 2020, с <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-zapustili-akciyu-v-chest-75-letiya-pobedy-.html>

23. *Среди стран СНГ только Белоруссия и Туркмения не отказались от проведения парада Победы* (2020, 3 мая). Взято 20 мая 2020, с <https://www.fontanka.ru/2020/05/03/69240379/>

24. Чуркина, Н. И. (2016). Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 6, 37–44.

25. Шуб, М. Л. (2016). Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал. *Педагогические науки*, 3(36), 80–87.

26. Шуб, М. Л. (2018). Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве [Дис. ... д-ра культурологии, Челябинск: ЧГИК]. http://chgik.ru/sites/default/files/news/files/dissovet01_shub_avtoref_0.pdf

27. Ackermann, F. (2017). Successors to the Great Victory: Afghan Veterans in Post-Soviet Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 211–255). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-66523-8_8

28. Fedor, J. et al. (Eds.). (2017). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8>

29. Lewis, S. (2019). *Belarus – Alternative Visions Nation, Memory and Cosmopolitanism*. Routledge.

30. Marples, D. R. (2012). History, Memory, and the Second World War in Belarus. *Australian Journal of Politics & History*, 58(3), 437–448. doi: 10.1111/j.1467-8497.2012.01646.x

31. Mendikulova, G., Nadezhuk, E., & Akatayeva, A. (2019, Spring). New Documents on Kazakhs in the European Resistance Movements during World War II. *Journal of Modern Turkish History (CTAD)*, 15(29), 205–226. Retrieved May 18, 2019, from http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/08-mendikulova.pdf

32. Rudling, P. A. (2017). «Unhappy Is the Person Who Has No Motherland»: National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 71–105). Palgrave Macmillan.

References

1. Ackermann, F. (2017). Successors to the Great Victory: Afghan Veterans in Post-Soviet Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus, 211–255. In: J. Fedor et al. (Eds.). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 211–255). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-66523-8_8
2. Anikin, D.A., & Golovashina, O.V. (2017). Travmy kul'turnoj pamyati: konceptual'nyj analiz i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 425, 78–84. doi: 10.17223/15617793/425/10
3. Asanova, S.A. (2019). Ob osnovnyh faktorah povedencheskoj motivacii voinov kazahskih nacional'nyh vojskovykh formirovanij v gody vojny (1941–1945) [On the major behavioral motivation factors of the kazakh national military formations' soldiers during the war (1941–1945)]. *Улкен Алтай элери – Mir Bol'shogo Altaya*, 5(2), 280–295. doi: 10.31551/2410-2725-2019-5-2-280-295
4. “Bessmertnyj polk” prohodit onlajn v Kazahstane [Immortal Regiment takes place online in Kazakhstan] (2020, May 09). Retrieved May 21, 2020, from <http://today.kz/news/kazahstan/2020-05-09/797471-bessmertnyij-polk-prohodit-onlajn-v-kazahstane>
5. Bisengaliev, B. (2015, May 7). *Pamyatnik generalu Panfilovu otkryt v Astane* [Monument to General Panfilov unveiled in Astana]. Retrieved May 22, 2020 from <https://www.inastana.kz/news/819398/pamatnik-generalu-panfilovu-otkryt-v-astane>
6. Churkina, N.I. (2016). Kommemorativnye praktiki v rossijskom obrazovanii kak metod istoriko-pedagogicheskikh issledovanij [Commemorative practices in Russian education as a method of historical and pedagogical research]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 6, 37–44.
7. *Druzhestvennye i nedruzhestvennye strany, FOM (fond obshchestvennogo mneniya)* [Friendly and unfriendly countries, POF (Public Opinion Foundation)]. (2019, May 6). Retrieved April 10, 2020, from <https://fom.ru/Mir/14201>
8. Fedor, J. et al. (Eds.). (2017). *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66523-8>
9. Gerasimchik, V.V. (2019). Osveshchenie Velikoj Otechestvennoj i Vtoroj mirovoj vojny v uchebnikah «Vsemirnaya istoriya» i «Istoriya Belarusi» v 10-m klasse obshchego srednego obrazovaniya [Coverage of the Great Patriotic and World War II in the textbooks “World History” and “History of Belarus” in the 10th grade of general secondary education]. *Belorusskij istoricheskij obzor*, 2(2), 83–110.
10. Griban, I.V., & Baranov, N.N. (2019). Nauchit' pomnit': Velikaya Otechestvennaya vojna v obrazovatel'nom prostranstve Respubliki Belarus' [Teach to remember: The Great Patriotic War in the educational space of the Republic of Belarus]. *Prepodavatel' XXI vek*, 1, 38–50.
11. Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki nacional'noj pamyati v sovremennom cifrovom obshchestve [Mediation of the politics of national memory in the modern digital society]. In P.P. Treskova (Ed.), *Informacionnaya shkola molodogo uchenogo: Sb. nauch. tr. po itogam VI Informacionnaya shkola molodogo uchenogo (03–07 sentyabrya 2018 g., Ekaterinburg)* (pp. 42–47). Ekaterinburg: CNB

Uro Ran. doi: 10.32460/ishmu-2018-6-0005

12. Gribovod, E. G., Kovba, D. M., & Moiseenko, Y. Y. (2018). Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty [National memory policy in modern Russia: main trends and tools]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 2(31), 123–132. doi: 10.17506/dipi.2018.31.2.123132

13. Kotlyarov, I. V. (2018). Belarus' na puti v luchshee budushchee (sociologicheskie trendy) [Belarus on the way to a better future (sociological trends)]. *Sociologicheskij al'manah*, 9, 9–14.

14. Kovba, D. M. (2017). Osnovnye podhody k issledovaniyu «myagkoj sily» v otechestvennoj politicheskoj nauke [The main approaches to the study of soft power in the domestic political science]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 1(26), 143–148.

15. Lewis, S. (2019). *Belarus – Alternative Visions Nation, Memory and Cosmopolitanism*. Routledge.

16. Malinova, O. Y. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In A. Miller, & D. Evremenko (Ed.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr.* (pp. 27–53). Moscow – St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

17. Marples, D. R. (2012). History, Memory, and the Second World War in Belarus. *Australian Journal of Politics & History*, 58(3), 437–448. doi: 10.1111/j.1467–8497.2012.01646.x

18. Medeuova, K. A. (2020). Zatyannuvshayasya «sovetskost'» i transformacii kollektivnoj pamyati: sovetskie i postsovetskie memorial'nye kompleksy v Kazahstane [Protracted “Sovietness” and the Transformation of Collective Memory: Soviet and Post-Soviet Memorial Complexes in Kazakhstan]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 161(1). Retrieved May 20, 2020, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/

19. Medeuova, K. A., & Sandybayeva, U. M. (2018). Sakral'naya geografiya v Kazahstane: kommemorativnaya politika gosudarstva i lokal'nye praktiki v publicnyh prostranstvah [Sacred geography in Kazakhstan: commemorative policy of the state and local practices in public spaces]. *Улкен Алтай әлемі – Mir Bol'shogo Altaya*, 4(3), 438–447. doi: 10.31551/2410-2725-2018-4-3-438-447

20. Mendikulova, G., Nadezhuk, E., & Akatayeva, A. (2019, Spring). New Documents on Kazakhs in the European Resistance Movements during World War II. *Journal of Modern Turkish History (CTAD)*, 15(29), 205–226. Retrieved May 18, 2019, from http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/08-mendikulova.pdf

21. *O gosudarstvennyh prazdnikah, prazdnichnyh dnyah i pamyatnyh datah v Respublike Belarus': ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' ot 26 marta 1998 g. (№ 157)* [On public holidays, holidays and memorable dates in the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus of March 26, 1998 (No. 157)]. Retrieved April 15, 2020, from <http://bseu.by/russian/general/uvr/ukaz-157-26.03.1998.pdf>

22. Podpryatov, N. V. (2010). Uchastie predstavitelej nerusskih narodov Sovetskogo Soyuza v boevyh dejstviyah Vtoroj mirovoj vojny v protivoborstvuyushchih armiyah: sravnitel'nyj analiz [The participation of representatives of non-Russian peoples of the Soviet Union in the operations of World War II in the opposing armies: a comparative analysis]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4–3(68), 190–193.

23. Prokazina, N.V. (2015). Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v obshchestvennom soznanii zhitel'ej Belarusi i Rossii [The historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia]. *Sociologicheskij Al'manah*, 6, 202–209.

24. Rudling, P.A. (2017). «Unhappy Is the Person Who Has No Motherland»: National Ideology and History Writing in Lukashenka's Belarus. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. In: J. Fedor et al. (Eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (pp. 71–105). Palgrave Macmillan.

25. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati [Post-truth discourse as a media technology of the politics of post-memory]. *Scientific journal "Diskurs-Pi"*, 2(35), 10–27. doi: 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

26. Shub, M.L. (2016). Covremennye kommеморативnye praktiki: obrazovatel'nyj i vospitatel'nyj potencial [Modern commemorative practices: educational and educational potential]. *Pedagogicheskie nauki*, 3(36), 80–87.

27. Shub, M.L. (2018). Obraz proshlogo kak fenomen kul'tury: konceptualizaciya i formy reprezentacii v sovremennom sociokul'turnom prostranstve [The image of the past as a cultural phenomenon: conceptualization and forms of representation in the modern sociocultural space]. [Doctoral dissertation, Chelyabinsk State Institute of Culture]. http://chgik.ru/sites/default/files/news/files/dissoveto1_shub_avtoref_0.pdf

28. Smakova, A. (2020, April 18). V Kazahstane zapustili akciju v chest' 75-letiya Pobedy [In Kazakhstan launched an action in honor of the 75th anniversary of Victory]. Retrieved May 22, 2020, from <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-zapustili-akciju-v-chest-75-letiya-pobedy-.html>

29. Sredi stran SNG tol'ko Belorussiya i Turkmeniya ne otkazalis' ot provedeniya parada Pobedy [Among the CIS countries, only Belarus and Turkmenistan did not refuse to hold the Victory Parade] (2020, May 3). Retrieved May 20, 2020, from <https://www.fontanka.ru/2020/05/03/69240379/>

30. Zadora, A. (2015). Vtoraya mirovaya vojna i preemstvennost' sovetskih tradicij dlya identichnosti, politicheskoy, pravovoj i social'noj sistemy Belarusi [World War II and the continuity of Soviet traditions for the identity, political, legal and social system of Belarus]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*, 1(6), 119–123.

31. Zharkynbayeva, R.S. (2017). Velikaya Otechestvennaya vojna: sotsiokulturnaya pamyat i kommеморативnye praktiki v postsovet'skom Kazahstane (gendernyy aspekt) [The Great Patriotic War: Sociocultural Memory and Commemorative Practices in Post-Soviet Kazakhstan (Gender Aspect)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 1(82), 103–116. doi: 10.21064/WinRS.2017.1.10

32. Zharkynbayeva, R.S., Dulina, N.V., & Anufrieva, E.V. (2020). Voennaya povsednevnost' v gorodah tyła v 1941–1945 gg. (na primere g. Alma-Aty). [Military Routine in Rear City in 1941–1945 (Case of Alma-Ata)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 25(1), 97–108. doi: 10.15688/jvolsu4.2020.1.8

МОЛОДЁЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В КИРГИЗИИ СОХРАНЯЮТ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Хопёрская Лариса Львовна,

Киргизско-Российский Славянский университет,
доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений,
Бишкек, Киргизская Республика,
E-mail: larkhop@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.04.2020, принята к публикации 07.06.2020

Для цитирования: Хопёрская Л.Л. Молодёжные объединения российских соотечественников в Киргизии сохраняют память о Великой Отечественной войне // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 78–96. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10205

Аннотация

В статье представлена характеристика деятельности молодёжных объединений российских соотечественников в Киргизии. На основе использования большого объёма фактологического материала и документальных источников выделены и проанализированы основные формы их работы по сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны:

- участие в шествии «Бессмертный полк» – главном патриотическом событии года для большинства киргизстанцев, в том числе российских соотечественников;
- организация и проведение памятных акций: «Дни единых действий», «Письмо Победы», «Георгиевская ленточка», «Свеча Памяти», «Улицы Героев», международный конкурс «Послы Победы», волонёрское сопровождение массовых мероприятий, помощь ветеранам и др.;
- исторические квесты – современный формат изучения истории, предложенный всероссийским общественным движением «Волонтеры Победы» в 2016 г. Результатом проведения квестов становится создание в республике школьных и сту-

© Хопёрская Л.Л., 2020

денческих отрядов «Волонтёров Победы», разработка планов мероприятий по оказанию помощи ветеранам и увековечению памяти героев Великой Отечественной войны в Киргизии;

- поисковая деятельность: поиск мест захоронения погибших бойцов-фронтовиков из Киргизской Республики и установка на этих местах памятников и мемориальных плит, поиск имён захороненных на территории КР военнослужащих Красной Армии;

- мемориальная работа: акция «Сохраним памятники Победы – Кыргызстан!», включающая проверку мест захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях Киргизии, исследование состояния памятников, посвящённых киргизстанцам – участникам Великой Отечественной войны, а также регулярный уход за мемориалами.

Краткий обзор деятельности организаций молодых российских соотечественников в Киргизской Республике, с точки зрения автора, доказывает, что основной своей миссией они видят сохранение исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова:

Киргизская Республика, российские соотечественники, молодёжные организации, волонтёрское движение, историческая память, Великая Отечественная война, 75-летие Победы.

UDC 329.78

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10205

YOUTH ASSOCIATIONS OF RUSSIAN COMPATRIOTS IN KYRGYZSTAN RETAIN THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Khoperskaya Larisa Lvovna,

Kyrgyz-Russian Slavic University,
Doctor of Political Sciences,
Professor, Department of International Relations,
Bishkek, Kyrgyz Republic,
E-mail: larkhop@gmail.com

Article received on April 2, 2020, accepted on June 7, 2020

To cite this article: Khoperskaya, L.L. (2020). Molodyozhnye ob"edineniya rossijskix sootchestvennikov v Kirgizii soxranayut pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne [Youth associations of Russian compatriots in Kyrgyzstan retain the memory of the Great Patriotic War]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 78–96. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10205

Abstract

The article describes the activities of youth associations of Russian compatriots in Kyrgyzstan. Based on the use of a large amount of factual material and documentary sources, the main forms of their work to preserve the memory of the heroes of the Great Patriotic War are identified and analyzed:

- participation in the march “Immortal Regiment” – the main patriotic event of the year for the majority of Kyrgyz citizens, including Russian compatriots;
- organization and holding of commemorative actions: “Days of united actions”, “Letter of Victory”, “St. George Ribbon”, “Candle of Memory”, “Streets of Heroes”, international competition “Ambassadors of Victory”, volunteer support for mass events, assistance to veterans, etc.;
- historical quests – a modern format for studying history, proposed by the All-Russian public movement “Victory Volunteers” in 2016. The result of quests is the creation of school and student groups of “Victory Volunteers” in the republic, the development of action plans to assist veterans and perpetuate the memory of the heroes of the Great Patriotic War in Kyrgyzstan;
- search activity: search for burial places of dead soldiers-front-line soldiers from the Kyrgyz Republic and installation of monuments and memorial plates in these places, search for the names of soldiers of the Red Army buried in the territory of the Kyrgyz Republic;
- memorial work: the action “Let’s Preserve Victory Monuments – Kyrgyzstan!”, including checking the burial places of soldiers who died from wounds in hospitals in Kyrgyzstan, examining the condition of monuments dedicated to Kyrgyz citizens participating in the Great Patriotic War, as well as regular care for memorials.

A brief review of the activities of organizations of young Russian compatriots in the Kyrgyz Republic, from the author’s point of view, proves that their main mission is to preserve the historical memory and historical truth of the Great Patriotic War.

Keywords:

Kyrgyz Republic, Russian compatriots, youth organizations, volunteer movement, historical memory, World War II, the 75th anniversary of the Victory.

В Киргизской Республике проживают около 400 тыс. российских соотечественников, которые объединены в более чем 80 общественных организаций. Они участвуют в общественной деятельности, направленной на сохранение русского языка и других родных языков народов Российской Федерации, сохранение традиций и исторического наследия, развитие российской культуры за рубежом, военно-патриотическое воспитание, укрепление дружественных отношений государства проживания с Россией, защиту прав соотечественников, реализацию просветительских, социальных и образовательных программ (О российских соотечественниках ..., 2020).

Но особое внимание уделяется сохранению общей исторической памяти о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Наибольшей активностью в этой деятельности обладают организации молодых российских со-

отечественников в Киргизской Республике (Кыргызстане)¹. Названия отдельных организаций говорят сами за себя: движение «Бессмертный полк», поисковое движение «Наша Победа – Биздин Жениш», команда «Волонтёры Победы», клуб исторической реконструкции «Гвардия», спортивно-прикладной клуб «Ратник» и др. Каждая из этих организаций имеет веб-страницы в социальных сетях, где размещает информацию о своей деятельности².

Молодые российские соотечественники выражают озабоченность происходящим в отдельных постсоветских государствах и странах Восточной Европы искажением и переписыванием истории, сносом памятников героям Великой Отечественной войны. В Киргизской Республике в настоящий момент советские памятники не сносятся, однако есть опасение, что всё может измениться, если активно не противостоять существующим и в этой республике антироссийским националистическим силам. Одной из таких сил выступает движение «Кыргызстан против Таможенного союза», на веб-странице которого в Facebook заявлено, что «в группе запрещена пропаганда большевизма, коммунизма, нацизма, фашизма, сталинизма, «русского мира» и других опасных идеологий и культов» (Информация о группе, 2013).

Председатель Совета молодых российских соотечественников в КР О. Фролова, выступая на III ежегодной страновой конференции молодых соотечественников, состоявшейся 6 декабря 2019 г. в г. Бишкеке, заявила о необходимости проявления соотечественниками активной жизненной позиции, подразумевающей, в первую очередь, их сплочение на теме Победы (В Бишкеке молодые российские соотечественники ..., 2019). В резолюции конференции молодёжным организациям российских соотечественников рекомендовано:

- «продолжить активную подготовку к празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и поддержать мероприятия международной команды «Волонтёры Победы» Кыргызской Республики;
- выразить протест попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны и активизировать работу по сохранению и защите исторической памяти и защите мемориальных захоронений и памятных знаков в странах проживания;
- активнее включаться в работу молодёжных сообществ и клубов на всех уровнях с целью продвижения молодёжных гражданских инициатив и интересов» (Архив автора, 2019).

Отрадно отметить, что такая постановка вопроса не ограничивается декларативными призывами, она подкреплена реальными делами. В целом можно выделить следующие направления деятельности организаций молодых российских соотечественников в Кыргызстане по сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны:

- участие в шествии «Бессмертный полк»;
- организация и проведение памятных мероприятий;

---

¹ В официальных названиях страны, организаций, документов, источников мною сохранено написание слов, образованных от корня «кыргыз», – в соответствии с принятым в республике. В авторском тексте – по правилам русской грамматики: «киргиз».

² В дальнейшем в тексте используется информация о деятельности организаций молодых российских соотечественников, представленная на их веб-страницах в Интернете.

- исторические квесты;
- поисковая деятельность;
- мемориальная работа.

Расскажем более подробно о каждом из них.

Участие в шествии «Бессмертный полк»

Межрегиональное историко-патриотическое общественное движение «Бессмертный полк» родилось в 2012 г. в г. Томске. Киргизстанцы не могли не откликнуться на его создание, поскольку на фронтах Великой Отечественной войны воевали около 365 тысяч жителей Киргизской ССР, из них почти 100 тысяч погибли. Свыше 150 тысяч киргизстанцев были награждены орденами и медалями, в том числе 34 – орденами Славы всех трёх степеней, 72 удостоены звания Героя Советского Союза. Один из наиболее известных подвигов воинов-киргизстанцев в Великой Отечественной войне – это оборона Москвы. В ней, наряду с другими частями Красной Армии, участвовала и 316-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. Панфилова, созданная из призывников Киргизии и Казахстана.

Историческая память киргизстанцев стала основанием для принятия интернациональной идеи «Бессмертного полка». Со ссылкой на газету «Слово Кыргызстана» приведу только один исторический документ. В январе 1943 г. в газете «Кызыл Кыргызстан» было опубликовано письмо к воинам-киргизам, под которым подписались более 700 тысяч жителей республики. В письме говорилось: «Дорогие наши сыны. К вам, славные воины-киргизы, к вам, храбрые защитники Сталинграда, к вам, доблестные участники битвы за Кавказ, к вам, герои-панфиловцы, мы обращаем свой голос горячего привета...

<...>

Всадники-киргизы! Пехотинцы-киргизы! Артиллеристы-киргизы! Мстите за русского и украинца, за литовца и эстонца, за белоруса и молдаванина, за разграбленный дом твоей Родины. Громи дзоты фашистов, чтобы уцелели юрты и клубы твоих гор, смети все фашистские укрепления, чтобы уцелело твоё жилище. Помни, сын Кыргызстана, отвоёванные тобой города Волги и Кавказа, города Центральной России сохраняют в долинах Иссык-Куля, Сон-Куля, Аксая, Таласа и Алая киргизский язык и киргизскую культуру, жизнь твоих стариков-родителей, жизнь твоих сестёр, жизнь твоих нежно любимых детей. Поэтому неумолимо уничтожай немца, клади его в снег под Сталинградом и Ржевом, топчи его под Моздоком, бросай эту падаль в Чёрное море на съедение дельфинам.

Сын наш! В бою ты можешь быть ранен, но раны – что? Это розы на теле героя. Герой без раны не бывает. Позор – хуже смерти. Ты не опозоришь себя. Ты прославишь себя. И мы будем горды, когда и вам, дети Кыргызстана, станут рукоплескать наши братские народы, освобождённые от гнусной гитлеровской тирании... А Кыргызстан поможет тебе всем необходимым. Мы крепко трудимся для фронта... Ваша Родина всегда с вами, дорогие сыны» (Выстояли. И победили! 2012).

В Киргизстане «Бессмертный полк» впервые прошёл в 2014 г. в Оше. Его организатором стало движение «Бессмертный полк – Ош» (координатор – молодая российская соотечественница А. Смирнова). В 2015 г. по инициативе

российского соотечественника С. Епифанцева к маршу присоединился Бишкек, в последующие годы отделения движения были созданы в нескольких городах и населённых пунктах республики, в ряде случаев их координаторами стали именно российские соотечественники (например, в Бишкеке – З. Хайбуллина, в Кара-Балте – Н. Кунченко).

В 2016 г. в шествии «Бессмертного полка» участвовали более 20 тысяч жителей Киргизстана, в 2017 г. – 30–35 тысяч, в 2018 г. – только в Бишкеке 45 тысяч человек, в 2019 г. численность участников акции стала самой большой во всей Центральной Азии – более 60 тысяч человек. В 2018 и 2019 гг. «Бессмертный полк» в Бишкеке возглавлял президент Киргизстана С. Жээнбеков.

Российский соотечественник автор и исполнитель Игорь Черников написал и подарил движению «Бессмертный полк – Кыргызстан» песню (Кыргызстан! У «Бессмертного полка» ..., 2019). Авторские права на песню «Бессмертный полк» оформлены официально, через «Кыргызпатент».

В Киргизской Республике историческая память о Победе и искреннее желание выразить своё уважение к воинам-победителям оказались настолько сильны, что, как отмечают аналитики сайта StanRadar, «прозападные активисты и НПО практически отказались от попыток убедить население, что праздник и памятные акции являются опасно «пророссийскими» и «тоталитарными». В Киргизстане даже такие известные публичные персоны, как Равшан Жээнбеков и Адиль Турдукулов, в осторожных выражениях одобрили «Бессмертный полк» («Бессмертный полк» – почему он ..., 2019).

На протяжении всего периода существования «Бессмертного полка» в Киргизской Республике все организации молодых российских соотечественников принимают участие как в самом шествии, так и его подготовке. Вот какие слова опубликованы 23 января 2020 г. на сайте движения «Бессмертный полк – Кыргызстан»: «Начинаем подготовку к Маршу Победы? Хотя, я думаю, у многих портреты уже готовы, с детьми и внуками разговариваем и общаемся, рассказываем историю своего ветерана. Это видно по Летописи, на нашей региональной странице на сайте www.mourolk.com за этот год появились новые семейные истории. Люди собирают информацию, ищут документы, пишут историю своей семьи. <...> С каждым годом всё больше и больше кыргызстанцев встают в наши ряды! Бишкек, Ош, Нарын, Токмак, Ивановка, Кара-Балта и другие населённые пункты! Это наша с вами история!» (Кыргызстан! Начинаем подготовку! 2020).

Организация и проведение памятных мероприятий

Шествие «Бессмертного полка» является главным патриотическим событием года для большинства кыргызстанцев, в том числе российских соотечественников. Но молодёжные организации не ограничиваются только подготовкой и участием в этой акции, они занимаются патриотическим воспитанием молодёжи, заботятся о ветеранах, помогают в благоустройстве памятных мест, поиске информации об участниках ВОВ. В рамках празднования Дня Победы традиционным стало проведение международных акций «Дни единых действий», «Письмо Победы», «Георгиевская ленточка», «Свеча Памяти», «Улицы Героев», международный конкурс «Послы Победы», шествие «Бессмертного полка», волонёрское сопровождение массовых мероприятий, помощь ветеранам и др.

По инициативе автоклубов и молодёжных объединений, в числе которых молодёжное объединение «МОСТ», «Волонтёры Победы» КР, ОФ «Московские классики», 9 мая проводится автопробег «Победа». Колонна из более 300 автомобилей проезжает с песнями военных лет через Бишкек и его пригороды и поздравляет ветеранов ВОВ и жителей с великим праздником Победы (Сигитов, 2019). Автопробег «Победа» в КР заслужил честь сопровождать шествие «Бессмертного полка».

Общественный фонд «Московские классики» в 2019 г. организовал проведение в Бишкеке интеллектуального «Турнира памяти и славы», посвящённого 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это новый формат изучения истории, который позволяет узнать интересные и достоверные факты о войне не только из книг, но и посредством интеллектуальных игр. Например, первая игра турнира, в которой приняли участие более 100 человек (21 команда), состоялась на тему «Города-герои», вторая – «Улицы и достопримечательности Бишкека, названные в честь героев Великой Отечественной войны». Турнир продлится до мая 2020 г.

Международная команда волонтёров 75-летия Победы (Victory team 75 Kyrgyz Republic), в число которых входят и молодые соотечественники, проводит интеллектуальные командные игры «РИСК: разум, интуиция, скорость, команда», посвящённые Великой Отечественной войне.

Общественное объединение «Русский мир» и его молодёжное крыло в г. Кара-Балта проводит множество мероприятий для жителей города в течение года, а в майские дни празднования Победы особенно много различных акций: шествие «Бессмертного полка» с возложением цветов к памятникам и обелискам; «Стена памяти» (на больших стендах, установленных в местах народных гуляний, любой желающий может написать имя участника войны или прикрепить его фотографию); «Георгиевская ленточка» (бесплатно раздают георгиевские ленточки); «Солдатская каша» (сваренную в передвижной полевой кухне солдатскую кашу раздают всем желающим); «Письмо солдату» (люди пишут пожелания или благодарность фронтовикам за победу и мирное небо над головой на вырезанных из бумаги голубях, которых затем прикрепляют к воздушным шарам и отпускают в небо); концерт с участием школьников города.

Каждый год накануне 9 мая руководитель кружка «Удивимка» при городском центре творчества «Кыргызстан балдары» соотечественница О. Крылова делает ксерокопии подлинных писем с фронта, члены кружка сворачивают их треугольником (так в военные годы пересылались солдатские письма), украшают георгиевскими ленточками и затем раздают родителям, учителям и старшеклассникам. Дети уверены, что такой исторический документ, как письмо фронтовика, может больше рассказать о Великой Отечественной войне человеку, живущему в XXI веке, чем любые официальные слова (Хижнякова, 2019).

В 2019 г. организации молодых соотечественников инициировали и приняли участие в таких мероприятиях, как: новогодний праздничный ужин для ветеранов ВОВ, тружеников тыла и блокадников Ленинграда (январь); митинг-реквием в честь прорыва блокады Ленинграда (18 января); урок мира «Чтобы помнить – надо знать!», посвящённый трагедии Великой Отечественной войны (6 апреля, 13 декабря); диктант Победы (7 мая); благотворительные автопробеги «Победа» (9 мая), «Дорогами добра» (17 марта, 9 июня и 6 октября);

празднование Дня Победы (9 мая); акция «Свеча Памяти» (21 июня); форум молодёжных лидеров Киргизстана и России (26–30 июня); проект «Лето с Россией» для детей российских соотечественников в Киргизской Республике (август); научно-практическая конференция и митинг-реквием «Мы за мир. Голубь мира», посвящённые Международному дню мира (20 сентября); Иссык-Кульский международный молодёжный форум «Новое поколение Евразии» (24–27 сентября); торжественные митинги в городе Бишкеке и селе Панфиловском в честь 78-й годовщины подвига 316-й Панфиловской стрелковой дивизии (16 ноября); мероприятия, посвящённые Дню неизвестного солдата (3 декабря); церемония по передаче капсул-гильз с землёй с братских захоронений воинов ВОВ, умерших от ран в госпиталях, дислоцированных на территории Киргизской ССР в 1941–1945 гг. (5 декабря); встреча с представителями международной волонтерской программы «Послы русского языка» (7 декабря); мероприятия, посвящённые Международному дню волонтера (7 декабря); новогодний слёт Международной команды волонтеров 75-летия Победы в Кыргызской Республике (23 декабря).

Назовём мероприятия только января–февраля 2020 года.

Молодёжное объединение «МОСТ», автопробег «Победа» и общественное международное движение «Волонтеры Победы» КР провели акцию «С Новым годом, ветеран!». Они навестили 30 ветеранов ВОВ и блокадников Ленинграда с поздравительными открытками и продуктовыми пакетами. Особенно ветеранам понравилась открытка, сделанная в советском стиле.

В столице и регионах Киргизской Республики по инициативе организаций молодых соотечественников («Волонтеры Победы» КР, «Юные красноармейцы ОДКБ», «Наша Победа – Биздин Жениш») школьные и студенческие отряды приняли участие в международном уроке памяти «Блокадный хлеб».

17 января участники общественного движения «Волонтеры Победы» Киргизско-Российского Славянского университета провели для студентов и учащихся школы КРСУ интеллектуальную игру «РИСК» на военную тематику.

18 января молодые соотечественники – учащиеся бишкекских школ и представители организации «Волонтеры Победы» – приняли участие в митинг-реквиеме, посвящённом 77-й годовщине полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Они выступили с творческой программой, включающей декламацию стихов и исполнение песен военных лет, а затем участвовали в минуте молчания и торжественном возложении венков к подножию монумента блокадникам Ленинграда (Кыргызстан. Митинг-реквием ..., 2020).

В Оше 18 января также состоялся митинг, посвящённый Дню снятия блокады Ленинграда. Организаторами памятного мероприятия стали школьный отряд «Волонтеры Победы» средней школы № 10 им. В. И. Ленина и курсанты созданного в этой школе военно-патриотического клуба «Крепость» при поддержке Российского центра науки и культуры в г. Ош.

21 января в Киргизстане объявлен фотоконкурс «Память нашей Победы», посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В конкурсе могут участвовать молодые соотечественники – как граждане Киргизстана, так и России, постоянно проживающие на территории КР, – в возрасте от 14 до 19 лет. Наградой для победителя станет поездка в Россию в рамках образовательной программы Россотрудничества «Здравствуй, Россия!» в августе

2020 г. Конкурс организован представительством Россотрудничества в КР, информационным порталом «Россия в Кыргызстане» при поддержке общественного фонда «Центр поддержки русского языка и культурного наследия «Русское достояние» (В Кыргызстане объявлен фотоконкурс ..., 2020).

25 января Государственное агентство по делам молодёжи, физической культуры и спорта КР и Совет молодых российских соотечественников провели рабочую встречу по подготовке мероприятий перекрёстного года КР и РФ, а также празднования 75-летия Победы в ВОВ.

29 января в г. Бишкеке состоялась студенческая конференция «900 дней мужества, стойкости и героизма», приуроченная ко Дню полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Организатором конференции выступил фонд «Евразийцы – новая волна». В мероприятии приняли участие представители Кыргызского общества блокадников Ленинграда, Посольства Российской Федерации в Киргизской Республике, общественные деятели, преподаватели и студенты столичных вузов.

3 февраля 2020 г. участники движения «Волонтёры Победы» Кыргызстана приняли участие в пресс-конференции на тему «Волонтёры Победы: сохранение исторической памяти», которая прошла по телемосту в Международном информационном агентстве «Sputnik Кыргызстан».

18 и 19 февраля 2020 г. Общественное объединение «Центр славянской культуры» при поддержке историко-патриотического кружка «Патриот» и футбольного клуба «Патриот имени А. Велько» провели в киргизском селе Жаны-Жер флешмоб в память о героях Великой Отечественной войны Зое Космодемьянской и Дмитрии Карбышеве.

В феврале «Волонтёры Победы КР» провели интеллектуальную игру «РИСК» в школах Бишкека: физико-математической школе-лицее № 61 им. Е. Якира, авторской школе-комплексе, школах-гимназиях № 13 и № 70, средних школах № 1 и № 52, ученики которых выразили готовность вступить в ряды школьных отрядов «Волонтёров Победы».

27 февраля 2020 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между «Волонтёрами Победы КР» и Управлением образования мэрии г. Бишкека. Намечены планы совместной работы по патриотическому воспитанию, а также интересные проекты к 75-летию Победы в ВОВ.

С 25 февраля по 15 марта 2020 г. в городах Чуйской и Иссык-Кульской областей организованы встречи активистов Совета молодых российских соотечественников КР и молодёжных объединений на местах, в результате которых планируется ознакомиться с идеями мероприятий по празднованию 75-летия Победы всех молодёжных объединений, консолидировать усилия по их проведению, а также проработать механизмы подключения региональной молодёжи к единым мероприятиям, проводимым Советом, «Волонтёрами Победы» и другими организациями (Выездные молодёжные встречи ..., 2020).

Исторические квесты

Исторический квест – это современный формат изучения истории, предложенный всероссийским общественным движением «Волонтёры Победы» в 2016 г. Квест является командной игрой, в которой участники выполняют за-

дания, связанные одной сюжетной линией. Сценарий и задания квестов основаны на достоверных исторических фактах и воспоминаниях ветеранов. В создании квестов традиционно принимают участие профессиональные историки.

Проведение исторических квестов является частью плана мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию и популяризации изучения истории с помощью современных и интерактивных форматов. Председатель центрального штаба всероссийского общественного движения «Волонтёры Победы», член центрального штаба Общероссийского народного фронта (ОНФ) Ольга Амельченкова подчёркивает: «Проведение подобных мероприятий позволяет объединить молодёжь в разных странах мира: соотечественников и местных жителей. Мы впервые берём за основу глобальное событие, имеющее значение для всего мира, чтобы повысить интерес не только российской, но и зарубежной аудитории» (Волонтёры Победы проводят ..., 2019).

В настоящее время исторические квесты проводятся во всех регионах России и в 44 странах мира, включая Киргизстан, где организатором квеста выступает Международная команда волонтёров 75-летия Победы, в состав которой входят члены таких общественных и волонтёрских организаций, как молодёжное объединение «МОСТ», общественный фонд «Московские классики», «Ратник», Совет молодых российских соотечественников в КР.

23 июня 2019 г. в селе Ленинском был проведён первый в республике исторический квест «1944. Дети Победы». По легенде квеста игрокам предстояло отправиться в прошлое и взглянуть на Великую Отечественную войну глазами Бори Царикова, Вали Котика, Зины Портновой, Лёни Голикова, Марата Казея, Саши Чекалина и многих других героев, чьи имена навсегда вписаны в историю. Сценарий квеста создан на основе достоверных исторических фактов, воспоминаний детей и ветеранов Великой Отечественной войны. Выполняя задания, участники узнали интересные факты о самом героическом и трагическом периоде истории, а также о роли детей на фронте и в тылу (Всероссийский исторический квест ..., 2017).

Исторический квест «1944. Дети Победы» также был проведён 6 августа 2019 г. на берегу озера Иссык-Куль в рамках проекта «Лето с Россией» для детей российских соотечественников в КР, 27 октября – в Панфиловской средней школе-комплексе (с. Панфиловское Чуйской области), в нём приняли участие ученики старших классов Панфиловской школы и школы-лицея № 17 г. Бишкека, и 17 ноября – в школе-гимназии № 29 г. Бишкека.

Ещё один международный исторический квест – «Вторая мировая. Эпилог» – состоялся 5 октября 2019 г. в бишкекской школе-лицее № 17 им. А. С. Пушкина (В Бишкеке школьники ..., 2019). Организаторами мероприятия выступили «Волонтёры Победы» КР, партнёрами – молодёжное объединение «МОСТ», общественный фонд «Московские классики», а также Российский центр науки и культуры. Сценарий квеста основан на событиях в Нюрнберге, где вершился суд над военными преступниками. Участникам нужно вычислить диверсантов, заложивших взрывчатку под здание суда, где заседает военный трибунал, с целью не допустить свершения правосудия; есть несколько подозреваемых, но нужно выявить наверняка, кто эти люди. В акции приняли участие более 70 человек – ученики бишкекской школы-лицея № 17 и Панфиловской средней школы.

7 сентября в Панфиловском районе у памятника И.В. Панфилову молодёжное крыло организации «Славянский мир» провело квест на тему Великой Отечественной войны. Участникам квеста были предложены задания на знание основных военных событий, героев и командиров сражений, а также на логику и смекалку. Задания выполнялись на время командами по 7–10 человек. По окончании квеста на территории памятника был проведён субботник.

Результатом проведения квестов становится создание школьных и студенческих отрядов «Волонтёров Победы», разработка планов мероприятий по оказанию помощи ветеранам и увековечению памяти героев Великой Отечественной войны в Киргизстане. В настоящее время в республике ведут активную работу 5 школьных и 3 студенческих волонтёрских отрядов.

Поисковая деятельность

В Киргизстане большое внимание уделяется поисковой деятельности. Работает сайт-поисковик пропавших без вести и погибших солдат в Великую Отечественную войну, в 2015 г. открыта база данных на портале pobeda.srs.kg, в которой содержится более 140 тысяч сведений о погибших и пропавших без вести военнослужащих, призванных на фронт из Киргизии. На сайте «Бессмертный полк – Кыргызстан» (moupolk.kg) публикуются рекомендации по поиску информации об участниках ВОВ. Любой человек имеет возможность узнать о судьбе своих родственников и близких, сражавшихся на фронте. Сайт постоянно обновляется, добавляются посты и новые ссылки для поиска.

В Киргизстане основной общественной организацией, ведущей поисковую деятельность, выступает движение «Наша Победа – Биздин Жениш», созданное в ноябре 2009 г. Активистами движения являются большое количество молодых российских соотечественников. На страницах в социальных сетях так заявлена цель деятельности организации: «Пропавшие без вести во время Великой Отечественной войны долгие годы оставались за чертой памяти. Их как будто не было. Участником поискового движения Киргизстана может стать любой гражданин Киргизстана, готовый участвовать в восстановлении имён пропавших без вести, поиске их мест захоронений. Помощь нужна любая – можно помогать искать по интернету, собирать списки, распечатывать анкеты для опросов, организовывать семинары, а можно помогать финансово. Каждое имя, вернувшееся из небытия, – это серьёзная работа. Но она очень нужна нашей стране, нашим современникам».

В 2009 г. поисковым движением Киргизстана проведён первый семинар «Как искать пропавших без вести» и издан одноимённый сборник.

Особое внимание движение уделяет поиску мест захоронения погибших бойцов-фронтовиков и установке на этих местах памятников и мемориальных плит, поиску имён захороненных на территории КР военнослужащих Красной Армии.

В годы войны на территории Киргизской ССР действовали военные госпитали, скончавшихся от ран бойцов хоронили здесь же в братских могилах, не всегда с указанием их фамилий. По итогам поисковой работы участниками движения установлено свыше 300 имён в братских госпитальных захоронениях. В июле 2019 г. поисковикам удалось установить имена двух офицеров, местом

захоронения которых значится «кладбище Люксембург р. п. Кант». Они умерли в госпитале 4433, но оба до сих пор считались пропавшими без вести. Сверка госпитальных документов помогла выяснить, что это командир взвода 789-го арtpолка 251-й стрелковой дивизии лейтенант Пётр Булат и помощник начальника 1-го отделения штаба 186-й стрелковой дивизии капитан Михаил Заварзин. В ходе поиска также обнаружилось, что во время войны ещё двое солдат умерли в госпитале и похоронены в с. Гавриловка Сокулукского района. Пока их место захоронения не установлено (Офицеры Булат и Заварзин ..., 2019).

22 апреля 2018 г. поисковая организация Киргизстана публично выступила с идеей создать на братском кладбище «Кызыл-Аскер» в западной части г. Бишкека сквер памяти пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, обосновывая это тем, что тысячи киргизстанцев не знают, где похоронены их отцы, деды, прадеды, что иногда все усилия поисковиков тщетны, а люди хотят прийти в конкретное место и поклониться памяти своих предков. Уже 28 апреля 2018 г. родственники пропавших без вести солдат ВОВ высаживали деревья вокруг братского захоронения и смогли вписать в табличку «пропал без вести» имя своего родственника (Акция в Бишкеке ..., 2018).

Накануне Дня Победы 8 мая 2018 г. состоялась встреча президента КР С. Жээнбекова с координатором поискового движения «Наша Победа – Биздин Жениш» С. Лаптевой и основателем общественного фонда «Эрдик – Подвиг» К. Мырзакматовым, на которой президент КР подчеркнул, что «кыргызстанцы вместе со всей страной сражались на фронтах Великой Отечественной войны и внесли весомый вклад в победу над фашизмом. К сожалению, многие не вернулись с фронта, кто-то пропал без вести. Их судьбы остаются невыясненными. Важно то, что сейчас внуки и правнуки хотят сохранить память о своих близких, погибших на полях сражений» (Жээнбеков поблагодарил активистов ..., 2018). Президент КР считает очень важным проект, в который вовлечены сотни школьников и студентов республики и который направлен на поиск киргизстанцев, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

В эфире радио «Sputnik Кыргызстан» координатор поискового движения С. Лаптева обратилась с просьбой о помощи в поиске родственников солдат-киргизстанцев, останки которых обнаружены в Смоленской области РФ. Она рассказала, что членами поискового движения «Рейд» найдены останки и медалионы пяти бойцов из Киргизии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Семьи двух солдат уже установлены, остальных пока ищут. Она также призвала киргизстанцев публиковать в социальных сетях информацию о своих родственниках – участниках ВОВ, пропавших без вести, с хэштегом *#япропалнавойне* или *#22июня1941*. В этом случае появится шанс найти сведения о пропавшем человеке с помощью участников поисковых движений в разных странах (Лаптева, 2019).

2 декабря 2019 г. в соцсетях появилось обращение инициативной группы поискового движения Киргизстана «Наша Победа – Биздин Жениш» и поисковиков из Волоколамского района РФ к родственникам бойцов 40-й бригады, которая формировалась во Фрунзе в 1941 г. из курсантов военных училищ Средней Азии и призывников из Киргизской ССР, с просьбой откликнуться: «Почти все погибли в Волоколамском районе. Готовится к установке знак. Инициативная группа ищет родных! Отзовитесь, включайтесь в поиск! Родных не только тех, кто погиб, но и тех, кто остался жив и воевал дальше!».

23 января 2020 г. на странице поискового движения Киргизстана «Наша Победа – Биздин Жениш» опубликован отчёт об одном из результатов поисковой работы: «При сверке данных Волосовского района Ленинградской области боец поискового отряда «Форпост» Евгений Тимофеев обнаружил фамилии двух наших земляков из Киргизстана, которые ранее не были внесены на памятник и не значились по документам. И родные могли считать их пропавшими без вести. В настоящее время фамилии внесены на памятник. Поисковики просят отозваться родных!».

Координатор поискового движения «Наша Победа – Биздин Жениш» российская соотечественница С. Лаптева от своего имени регулярно обращается к жителям республики с призывами и просьбами. Один из последних примеров: «Всем! Всем! Начинаю сбор историй о тружениках тыла из Киргизской ССР! Мы всегда много говорим о тех, кто воевал, но здесь, за тысячи километров от войны, люди тоже совершали подвиги. Их истории может рассказать сам труженик тыла или его близкие родственники. Соберём воедино голоса тружеников тыла, детей войны, создадим сборник этих воспоминаний для детей». Вскоре появилась информация о том, что в феврале 2020 г. интернет-редакция сайта газеты «Вечерний Бишкек» совместно с поисковым движением «Наша Победа – Биздин Жениш» приступила к съёмкам Живой Книги Памяти – проекта «Моя история о войне». Любой гражданин Киргизстана или гость страны может прийти в редакцию и рассказать на видеокамеру свою историю о Великой Отечественной войне (Лаптева, 2020).

Студенты-волонтеры поискового движения снимают видеовоспоминания людей, которые, будучи детьми, были эвакуированы из блокадного Ленинграда в детские дома в Киргизии. На видеороликах дети войны рассказывают современным детям о своих переживаниях и впечатлениях детства. Авторы видеороликов, студенты-волонтеры, предложили школьникам прослушать воспоминания детей блокады и проиллюстрировать их рисунками.

В настоящее время в Киргизской Республике активисты-поисковики работают в городах Бишкек, Ош, Джалал-Абад, Талас, Нарын, Кант, Чолпон-Ата, Каракол, Балыкчи, в сёлах Октябрьское, Кербен, Ленинское, Беш-Кунгей, Аламедин, Семёновка, Григорьевка, Чок-Тал, Ананьево.

Мемориальная работа

Движение «Наша Победа – Биздин Жениш» занимается не только поиском мест захоронений, но и увековечением героев войны – уроженцев Киргизской ССР. Так, в посёлке Ставище Киевской области найдено место захоронения воина-киргизстанца гвардии сержанта, Героя Советского Союза Павла Свечникова. Сегодня на его родине в селе Кызыл-Туу Сокулукского района Чуйской области, из которого он ушёл на фронт, его именем названа улица.

Наибольшую известность получила история с лётчиком 566-го штурмового авиационного полка младшим лейтенантом Исмаилбеком Таранчиевым, уроженцем села Беш-Кунгей Чуйской области, который 18 марта 1944 г. *повторил подвиг Николая Гастелло*. За совершённый подвиг лётчик был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил орден Красной Звезды. В результате многочисленных запросов со стороны родственников И. Таранчиеву

только 5 мая 1991 г. было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Вместе с И. Таранчиевым во время тарана погиб его воздушный стрелок Алексей Ткачёв, который ни к какой награде представлен не был.

В 2015 г. на малой родине И. Таранчиева, в селе Беш-Кунгей, был установлен памятник воинам-штурмовикам 566-го авиационного полка. Родственники киргизстанца настояли на том, чтобы на памятной плите были изображены оба советских солдата. Их именами названы поселковые улицы.

В 2015 г. к 70-летию Победы почтой республики выпущена почтовая марка, посвящённая И. Таранчиеву, а школа, где он учился, стала носить его имя. 9 декабря 2017 г. по инициативе движения «Наша Победа – Биздин Жениш» самолету СУ-25 авиабазы ОДКБ «Кант» присвоено имя Героя Советского Союза Исмаилбека Таранчиева.

Родственники И. Таранчиева считали несправедливым, что звание Героя Советского Союза не присвоили борт-стрелку А. Ткачёву, поэтому они обратились к руководству поискового движения «Наша Победа – Биздин Жениш» с просьбой найти место, где родился и жил А. Ткачёв. Этот поиск увенчался успехом. 21 августа 2017 г. уже на родине А. Ткачёва в деревне Капыревщине Ярцевского района Смоленской области по инициативе поискового движения была торжественно открыта мемориальная плита в честь Героя Советского Союза младшего лейтенанта Исмаилбека Таранчиева и его борт-стрелка младшего сержанта Алексея Ткачёва.

Следует особо отметить, что изготовление и установка мемориальной плиты в честь героев – это тоже заслуга поискового движения «Наша Победа – Биздин Жениш», которое проводит акцию «Подвиг самопожертвования». В рамках этой акции группа специалистов, в состав которой входят художник и дизайнеры, изготавливает и устанавливает мемориальные доски и памятники. Дизайн плиты включает в себя портрет героя, даты рождения и гибели, картинку боя и описание подвига героя. В период подготовки и разработки памятников и мемориальных плит поисковое движение проводит информационную кампанию.

В 2012 г. движение «Наша Победа – Биздин Жениш», к которому обратился с просьбой найти могилу Акметши Тюменбаева его внук, связалось с музеем Поддорского района Новгородской области. Результатом их взаимодействия стал созданный активистами движения памятник Акметши Тюменбаеву и Якову Пилипенко, повторившим 1 февраля 1944 г. подвиг Александра Матросова. 29 апреля 2016 г. памятник был установлен на месте гибели героев. Этому подвигу посвящены мемориальная плита в школе на родине А. Тюменбаева в селе Чоктал и бюст в парке Победы в городе Каракол.

Мемориальная доска, посвящённая подвигу лётчика-штурмовика гвардии младшего лейтенанта Николая Гурина и воздушного стрелка гвардии сержанта Павла Арбузова, совершивших таран на эшелон с боевой техникой, боеприпасами и живой силой противника, с помощью поисковиков установлена в селе Григорьевка Иссык-Кульской области, где Н. Гурин проживал до войны и откуда ушёл на фронт. Несколько лет движение добивается установки мемориальной плиты на месте гибели лётчиков в Польше.

Поисковое движение «Наша Победа – Биздин Жениш» в рамках акции, посвящённой увековечению памяти киргизстанцев, совершивших подвиг

самопожертвования, установило, что подвиг Александра Матросова повторил и Ефрем Папушин (или Попушин), уроженец Ворошиловского района Фрунзенской области. Он погиб 12 января 1943 г. и захоронен близ хутора Дмитриевка Сталинградской области, о чём есть упоминание в книге, изданной в Волгоградской области к одному из юбилеев Победы. Активисты движения планируют в 2020 г. установить на месте гибели героя в Сталинградской (ныне Волгоградской) области мемориальную доску.

С 2019 г. поисковое движение «Наша Победа – Биздин Жениш» и Министерство образования Кыргызской Республики проводят акцию «Сохраним памятники Победы – Кыргызстан!» по проверке мест захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях, а также исследованию состояния памятников, посвящённых киргизстанцам – участникам Великой Отечественной войны. Цель акции: провести обследование состояния памятников, сфотографировать их с разных ракурсов для оценки необходимых ремонтных работ; составить банк данных фотографий памятников в Киргизстане, посвящённых Великой Отечественной войне, и интерактивную карту памятников; привести памятники в порядок (Орлова, 2019).

В Киргизстане регулярно проводятся работы по уходу за памятниками, в них участвуют и молодые российские соотечественники. Так, 30 сентября 2019 г. «Волонтёры Победы» привели в порядок территорию вокруг памятника жертвам блокадного Ленинграда. Памятник был установлен в 2012 г., под его основание заложена капсула, внутри которой находится земля, собранная на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге, ставшем местом погребения огромного количества блокадников. Мемориал напоминает не только о жертвах блокады, но и о киргизских семьях, принявших под свой кров эвакуированных в 1942 г. жителей Ленинграда. Согласно официальным документам, в Киргизию в то время было доставлено порядка 16 тысяч человек, в том числе несколько тысяч маленьких детей.

22 октября 2019 г. на Аллее Героев в г. Бишкеке, где установлены бронзовые бюсты Героев Советского Союза Д. Шопокова, Ч. Тулебердиева, Г. Конкина, Г. Петренко, И. Москаленко, Н. Ананьева и на гранитной плите высечены имена 72 героев Великой Отечественной войны, отряды «Волонтёров Победы» бишкекской школы № 17 и школы села Ленинского провели уборку. 24 ноября 2019 г. школьный отряд «Волонтёры Победы» в Оше, несмотря на проливной дождь и ветер, вышел на уборку мемориального комплекса «Вечный огонь».

В Киргизстане регулярно проводятся работы по уходу за памятниками, в них участвуют и молодые российские соотечественники. В 2020 г. с наступлением весны работа по установлению памятников и уходу за мемориалами участникам Великой Отечественной войны будет продолжена.

Президент Кыргызстана С. Жээнбеков поддержал проект Международной команды волонтёров, посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. По рекомендации аппарата президента КР представители молодёжных организаций российских соотечественников включили в оргкомитет по подготовке и проведению праздничных мероприятий ко Дню Победы. 1 ноября 2019 г. в Государственном агентстве по делам молодёжи, физической культуры и спорта при правительстве КР состоялась рабочая встреча с координатором команды «Волонтёры Победы» КР А. Шевченко, на которой обсуждались вопросы по со-

вместной подготовке мероприятий к 75-летию Победы и перекрёстному году Кыргызской Республики и Российской Федерации в 2020 г.

Краткий обзор деятельности организаций молодых российских соотечественников в Кыргызской Республике, с точки зрения автора, доказывает, что основной своей миссией они видят сохранение исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне. Осуществление этой миссии происходит в тесном взаимодействии с Посольством России и при его непосредственной поддержке.

Список литературы

1. Акция в Бишкеке – Сквер памяти воинов, пропавших без вести во время Великой Отечественной войны (2018, 29 апреля). *Россия в Кыргызстане*. Взято 31 марта 2020, с <http://www.rusinkg.ru/article/5-sobytiya/6672-aktsiya-v-bishkeke-skver-pamyati-voinov-propavshikh-bez-vesti-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojny>
2. «Бессмертный полк» – почему он так важен для стран Центральной Азии? (2019, 14 мая). *StanRadar*. Взято 31 марта 2020, с <https://stanradar.com/news/full/34472-bessmertnyj-polok-pochemu-on-tak-vazhen-dlja-stran-tsentralnoj-azii.html>
3. В Бишкеке молодые российские соотечественники обсудили новые форматы работы (2019, 8 декабря). *mos.ru*. Взято 20 марта 2020, с <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/8547428.html>
4. В Бишкеке школьники приняли участие в международном историческом квесте «Вторая Мировая. Эпилог» (2019, 7 октября). *Билим. АКИпресс*. Взято 31 марта 2020, с <http://bilim.akipress.org/ru/news:1570269/?f=cp>
5. В Кыргызстане объявлен фотоконкурс, посвящённый 75-летию Победы в ВОВ (2020, 23 января). *Kabar.kg*. Взято 31 марта 2020, с <http://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-ob-iaavlenn-fotokonkurs-k-75-letiiu-pobedy/>
6. Волонтёры Победы проводят первый международный квест «Вторая мировая. Эпилог» (2019, 16 октября). *КАЛУГА – ГОЛОС*. Взято 31 марта 2020, с <https://kaluga-golos.ru/news/obshestvo/volontery-pobedy-provodyat-pervyyu-mezhdunarodnyu-kvest-vtoraya-mirovaya-epilog-.html>
7. Всероссийский исторический квест «1944. Дети Победы» (2017, 11 сентября). *Национальный совет молодёжных и детских объединений России*. Взято 31 марта 2020, с <http://youthrussia.ru/novosti-chlenskikh-organizatsij-i-partnerov/vserossijskij-istoricheskij-kvest-1944-deti-pobedy>
8. Выездные молодёжные встречи в рамках подготовки к мероприятиям 75-летия Победы и перекрёстного года (2020, 17 января). *Россия в Кыргызстане*. Взято 31 марта 2020, с <http://www.rusinkg.ru>
9. Выстояли. И победили! (2012, 22 июня). *Слово Кыргызстана*.
10. Жээнбеков поблагодарил активистов за поиски данных о пропавших воинах ВОВ (2018, 8 мая). *Sputnik Кыргызстан*. Взято 31 марта 2020, с <https://ru.sputnik.kg/society/20180508/1039052585/zhehehnbekov-vov-poiski-propavshiesoldaty.html>
11. Информация о группе (2013). *Кыргызстан против Таможенного союза*. Взято 31 марта 2020, с <https://fr-fr.facebook.com/groups/KGvsTS/about/>

12. Кыргызстан! Начинаем подготовку! (2020, 23 января). *Бессмертный полк*. Взято 31 марта 2020, с <https://www.moypolk.ru/bishkek>
13. Кыргызстан! У «Бессмертного полка» в Кыргызстане появилась своя песня! (2019, 25 апреля). *Бессмертный полк*. Взято 31 марта 2020, с <https://www.moypolk.ru/bishkek/news/kyrgyzstan-u-bessmertnogo-polka-v-kyrgyzstane-rojavilas-svoya>
14. Кыргызстан. Бишкек. Митинг-реквием в честь дня прорыва блокады Ленинграда (2020, 21 января). *Бессмертный полк*. Взято 31 марта 2020, с <https://www.moypolk.ru/bishkek/news/kyrgyzstan-bishkek-miting-rekviem-v-chest-dnya-proryva-blokady>
15. Лаптева, С. (2019, 21 июня). Нашли медальоны кыргызстанцев, пропавших в годы ВОВ, ищем родных. *Sputnik Кыргызстан*. Взято 31 марта 2020, с <https://ru.sputnik.kg/Radio/20190621/1044778182/kyrgyzstan-svetlana-lapteva-vov-soldaty-medalony-poisk.html>
16. Лаптева, С. (2020, 31 января). Моя история о войне. *Вечерний Бишкек*, 13. Взято 31 марта 2020, с <https://vecherka.kg/2020/01/31/panorama/8.html>
17. О российских соотечественниках в Киргизии. *Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике*. Взято 31 марта 2020, с <https://kyrgyz.mid.ru/o-rossijskih-sootestvennikah-v-kirgizii>
18. Орлова, М. (2019, 3 мая). В республике проходит акция «Сохраним памятники Победы – Кыргызстан!». *24.kg*. Взято 31 марта 2020, с <https://24.kg/obschestvo/116682>
19. Офицеры Булат и Заварзин имеют право на память (2019, 19 июля). *Вечерний Бишкек*, 85. Взято 31 марта 2020, с <https://vecherka.kg/2019/07/19/zov/1.html>
20. Сигитов, И. (2019, 14 мая). «Одна на всех»: В Бишкеке прошли акция и автопробег «Победа». *АВТОгид*. Взято 31 марта 2020, с <https://news.avtogid.kg/2019/05/14/одна-на-всех-в-bishkeke-proshli-aksiya-i-avtoprogeg-pobeda/>
21. Хижнякова, Ю. (2019, 2 мая). Вместе готовимся ко Дню Победы. *РКЦ Меганполис*. Взято 31 марта 2020, с https://mp.kg/society/item/4963-1490_vmeste_gotovimsyako_dnyu_pobedy.html

---

References

1. Aktsiya v Bishkeke – Skver pamyati voinov, propavshikh bez vesti vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny [The action in Bishkek – Square in memory of soldiers missing during the Great Patriotic War]. (2018, April 29). *Rossiya v Kyrgyzstane*. Retrieved March 31, 2020, from <http://www.rusinkg.ru/article/5-sobytiya/6672-aktsiya-v-bishkeke-skver-pamyati-voinov-propavshikh-bez-vesti-vo-vremya-velikoj-otchestvennoj-voyny>
2. Bessmertnyy polk – pochemu on tak vazhen dlya stran Tsentral'noy Azii? [«Immortal regiment» – why is it so important for the countries of Central Asia?]. (2019, May 14). *StanRadar*. Retrieved March 20, 2020, from <https://stanradar.com/news/full/34472-bessmertnyj-polok-pochemu-on-tak-vazhen-dlja-stran-tsentralnoj-azii.html>
3. Informatsiya o grupe [Information about the group]. (2013). *Kyrgyzstan*

protiv Tamozhennogo soyuza. Retrieved March 31, 2020, from <https://fr-fr.facebook.com/groups/KGvsTS/about/>

4. Khizhnyakova, Yu. (2019, May 2). Vmeste gotovimsya ko Dnyu Pobedy [Together we are preparing for Victory Day]. *RKTS Megapolis*. Retrieved March 31, 2020, from https://mp.kg/society/item/4963-1490_vmeste_gotovimsyako_dnyu_pobedy.html

5. Kyrgyzstan! Nachinayem podgotovku! [Kyrgyzstan! Getting started!] (2020, January 23). *Bessmertnyy polk*. Retrieved March 31, 2020, from <https://www.moypolk.ru/bishkek>

6. Kyrgyzstan! U «Bessmertnogo polka» v Kyrgyzstane poyavilas' svoya pesnya! [Kyrgyzstan! The «Immortal Regiment» in Kyrgyzstan has its own song!]. (2019, April 25). *Bessmertnyy polk*. Retrieved March 31, 2020, from <https://www.moypolk.ru/bishkek/news/kyrgyzstan-u-bessmertnogo-polka-v-kyrgyzstane-poyavilas-svoya>

7. Kyrgyzstan. Bishkek. Miting-rekviyem v chest' dnya proryva blokady Leningrada [Kyrgyzstan. Bishkek. Requiem rally in honor of the day of breaking the blockade of Leningrad]. (2020, January 21). *Bessmertnyy polk*. Retrieved March 31, 2020, from <https://www.moypolk.ru/bishkek/news/kyrgyzstan-bishkek-miting-rekviem-v-chest-dnya-proryva-blokady>

8. Lapteva, S. (2019, June 21). Nashli medal'ony kyrgyzstantsev, propavshikh v gody VOV, ishchem rodnikh [Medallions of Kyrgyz people who disappeared during the Second World War found, we are looking for relatives]. *Sputnik Kyrgyzstan*. Retrieved March 31, 2020, from <https://ru.sputnik.kg/Radio/20190621/1044778182/kyrgyzstan-svetlana-lapteva-vov-soldaty-medalony-poisk.html>

9. Lapteva, S. (2020, January 31). Moya istoriya o voyne [My story is about the war]. *Vecherniy Bishkek*, 13. Retrieved March 31, 2020, from <https://vecherka.kg/2020/01/31/panorama/8.html>

10. O rossiyskikh sootchestvennikakh v Kirgizii [About Russian compatriots in Kyrgyzstan]. *Posol'stvo Rossiyskoy Federatsii v Kirgizskoy Respublike*. Retrieved March 31, 2020, from <https://kyrgyz.mid.ru/o-rossijskih-sootchestvennikah-v-kirgizii>

11. Ofitsery Bulat i Zavarzin imeyut pravo na pamyat' [Officers Bulat and Zavarzin have the right to memory]. (2019, July 19). *Vecherniy Bishkek*, 85. Retrieved March 31, 2020, from <https://vecherka.kg/2019/07/19/zov/1.html>

12. Orlova, M. (2019, May 3). V respublike prokhorit aktsiya «Sokhranim pamyatniki Pobedy – Kyrgyzstan!» [The action «Preserve Victory Monuments – Kyrgyzstan!» Is taking place in the republic]. *24.kg*. Retrieved March 31, 2020, from <https://24.kg/obschestvo/116682>

13. Sigitov, I. (2019, May 14). «Oдна na vsekh»: V Bishkeke proshli aktsiya i avtoprogeg «Pobeda» [«One for all»: In Bishkek, the rally «Victory» took place]. *AVTOgid*. Retrieved March 31, 2020, from <https://news.avtogid.kg/2019/05/14/odna-na-vsex-v-bishkeke-proshli-akciya-i-avtoprogeg-pobeda/>

14. V Bishkeke molodyye rossiyskiye sootchestvenniki obsudili novyye formaty raboty [In Bishkek, young Russian compatriots discussed new formats of work]. (2019, December 8). *mos.ru*. Retrieved March 20, 2020, from <https://mos.ru/presscenter/news/detail/8547428.html>

15. V Bishkeke shkol'niki prinyali uchastiye v mezhdunarodnom istoricheskom kveste «Vtoraya Mirovaya. Epilog» [In Bishkek, students took part in the international

historical quest «World War II. Epilogue»]. (2019, October 7). *Bilim. AKIpress*. Retrieved March 25, 2020, from <http://bilim.akipress.org/ru/news:1570269/?f=cp>

16. V Kyrgyzstane ob»yavlen fotokonkurs, posvyashchonnuy 75-letiyu Pobedy v VOV [A photo contest has been announced in Kyrgyzstan dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Second World War]. (2020, January 23). *Kabar.kg*. Retrieved March 31, 2020, from <http://kabar.kg/news/v-kyrgyzstane-ob-iyavlen-fotokonkurs-k-75-letiiu-pobedy/>

17. Volontory Pobedy provodyat pervyy mezhdunarodnyy kvest «Vtoraya mirovaya. Epilog» [Victory volunteers conduct the first international quest «World War II. Epilogue»]. (2019, October 16). *KALUGA – GOLOS*. Retrieved March 31, 2020, from <https://kaluga-golos.ru/news/obshestvo/volontery-pobedy-provodyat-pervyy-mezhdunarodnyy-kvest-vtoraya-mirovaya-epilog-.html>

18. Vserossiyskiy istoricheskiy kvest «1944. Deti Pobedy» [All-Russian historical quest «1944. Children of Victory»]. (2017, September 11). *Natsional'nyy sovet molodozhnykh i detskikh ob"yedineniy Rossii*. Retrieved March 31, 2020, from <http://youthrussia.ru/novosti-chlenskikh-organizatsij-i-partnerov/vserossiyskiy-istoricheskij-kvest-1944-deti-pobedy>

19. Vystoyali. I pobedili! [Have withstood. And they won!]. (2012, June 22). *Slovo Kyrgyzstana*.

20. Vyyezdnyye molodozhnyye vstrechi v ramkakh podgotovki k meropriyatiyam 75-letiya Pobedy i perekroznogo goda [Visiting youth meetings in preparation for the events of the 75th anniversary of Victory and the Cross Year]. (2020, January 17). *Rossiya v Kyrgyzstane*. Retrieved March 31, 2020, from <http://www.rusinkg.ru>

21. Zheebekov poblagodaryl aktivistov za poiski dannykh o propavshikh voynakh VOV [Jeenbekov thanked the activists for searching for data on the missing war veterans]. (2018, May 8). *Sputnik Kyrgyzstan*. Retrieved March 31, 2020, from <https://ru.sputnik.kg/society/20180508/1039052585/zheebekov-vov-poiski-propavshie-soldaty.html>

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО – ОБЩАЯ ПАМЯТЬ? ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ*

Линченко Андрей Александрович,

Липецкий филиал Финуниверситета,
кандидат философских наук, доцент,
Липецк, Россия,
ORCID: 0000-0001-6242-8844,
E-mail: linchenko1@mail.ru

Беляева Елена Валериевна,

Белорусский государственный университет,
Кафедра философии культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Минск, Республика Беларусь,
ORCID: 0000-0002-0726-9542,
E-mail: bksisa@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.05.2020, принята к публикации 09.06.2020

Для цитирования: Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство – общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 97–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10206

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

© Линченко А.А., Беляева Е.В., 2020

Аннотация

Целью данной статьи является сравнительный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики Беларуси и России, а также исследование наиболее перспективных этических оснований согласованной исторической политики союзного государства. Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, что позволило связать образы памяти с социально-культурными контекстами и политическими практиками. В работе был осуществлен сравнительный анализ основных этапов исторической политики России и Беларуси, а также выявлены различия в ценностно-нормативном обосновании исторической политики в странах-участниках союзного государства. Были использованы методологические идеи этики ответственности Х. Йонаса для выработки согласованных версий исторической политики союзного государства. Сравнительный анализ основных этапов, а также ценностно-нормативных оснований исторической политики показывает, что, несмотря на то что в обоих государствах центральным событием культуры памяти продолжает оставаться Великая Отечественная война 1941–1945 гг., отношение к советскому времени уже не является ключевой этико-мировоззренческой основой интеграции культурной памяти и исторической политики в союзном государстве. Это связано не только со спецификой форм посткоммунизма, но и с различием темпоритмов исторической политики. Современный этап реализации исторической политики и в России, и в Беларуси по-прежнему связан с доминированием государства, и демонстрирует явные тенденции роста консервативных, национально-ориентированных ценностей в обращении к прошлому. Общим фоном в данном случае является слабая консолидированность белорусской и российской нации, незавершенность перехода к гражданской нации в обоих государствах, а также инертность негосударственных акторов исторической политики. Рост консервативных тенденций и национально-ориентированных интерпретаций истории в России и Беларуси вряд ли будет способствовать сближению двух государств, поскольку в основе их лежит традиционная этика долга, воспроизводящая в различных формах этноцентризм. Научная новизна состоит философско-методологическом исследовании ценностно-нормативных оснований исторической политики на основе этики исторической ответственности, что предполагает синтез противоречивых оценок прошлого как моральной программы.

Ключевые слова:

историческая политика, культура памяти, историческая память, союзное государство России и Беларуси, этика ответственности.

UNION STATE – COMMON MEMORY? ETHICAL FOUNDATIONS OF THE HISTORICAL POLICY OF RUSSIA AND BELARUS IN THE 21ST CENTURY

Linchenko Andrei Aleksandrovich,

Financial University, Lipetsk branch,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Lipetsk, Russia,
ORCID: 0000-0001-6242-8844,
E-mail: linchenko1@mail.ru

Belyaeva Elena Valerievna,

Belarusian State University,
Department of Philosophy of Culture,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Minsk, Republic of Belarus,
ORCID: 0000-0002-0726-9542,
E-mail: bksisa@rambler.ru

Article received on May 15, 2020, accepted on June 9, 2020

To cite this article: Linchenko, A.A., Belyaeva, E.V. (2020). Soyuznoe gosudarstvo – obshhaya pamyat'? E'ticheskie osnovaniya istoricheskoy politiki Rossii i Belarusi v XXI veke [Union state – common memory? Ethical foundations of the historical policy of Russia and Belarus in the 21st century]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 97–111. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10206

Abstract

The purpose of this article is a comparative analysis of the normative-value attitudes of the historical policies of Belarus and Russia, as well as a study of the most promising ethical foundations of agreed versions of the historical policies of the union state. The authors relied on a constructivist approach, which allowed to connect the images of memory with socio-cultural contexts and political practices. A comparative analysis of the main stages of the historical policy of Russia and Belarus was carried out, as well as differences in the value and regulatory justification of historical policy in the member states of the union state were identified. The methodological ideas of the ethics of responsibility of H. Jonas were used to develop agreed versions of the historical policy of the union state. A comparative analysis of the main stages, as well as the value-normative foundations of historical politics, shows that despite the fact that the Great Patriotic War of 1941–1945 continues

to be the central event of the culture of memory in both countries, while the attitude to the Soviet era is no longer a key ethical-worldview for the integration of cultural memory and historical policy in a union state. This is due not only to the specifics of the forms of post-communism that have developed in Russia and Belarus, but also to the difference in the rates of historical politics in the interval of the last three decades. The current stage in the implementation of historical policy in both Russia and Belarus is still associated with the dominance of the state and demonstrates clear trends in the growth of conservative, nationally-oriented values in addressing the past. The general background in this case is the weak consolidation of the Belarusian and Russian nations, the incomplete transition to a civil nation in both states, and the inertia of non-state actors in historical politics. The growth of conservative trends and nationally-oriented interpretations of history in historical politics in Russia and Belarus is unlikely to contribute to the rapprochement of the two states, since they are based on the traditional ethics of duty, which reproduces ethnocentrism in various forms. The scientific novelty of the article consists of a philosophical and methodological study of the value-normative foundations of historical policy based on the ethics of historical responsibility, which involves the synthesis of conflicting assessments of the past as a moral program.

Keywords:

historical politics, culture of memory, historical memory, union state of Russia and Belarus, ethics of responsibility.

Введение

Несмотря на то что союзный договор между Россией и Беларусью был подписан более двадцати лет назад, контуры экономического и политического единства по-прежнему остаются крайне размытыми и подвижными. Казалось бы, на фоне экономических и политических споров наименее проблематичной выглядит прошлое двух народов и стран. Однако и этой сфере, несмотря на длительную историю совместной жизни в одном государстве, наблюдается наличие целого ряда противоречивых тенденций. В разделенном историческом опыте Беларуси и России акцентирование моментов общности, как и выпячивание моментов конфликтности, в равной степени исторически необъективно и этически некорректно. Наличие общих участков опыта не означает их априорное нравственное одобрение, а конфликты прошлого не должны задавать контекст этической интерпретации современных отношений двух стран.

Целью данной статьи является сравнительный анализ нормативно-ценностных установок исторической политики Беларуси и России, а также исследование наиболее перспективных этических оснований, которые могли бы быть положены в основу более согласованных версий исторической политики союзного государства. Вместе с тем заявленная цель требует обращения внимания на вопрос о динамике культуры памяти в России и Беларуси, начиная с 1991 года. Данный вопрос представляется актуальным в свете распространенного сегодня тезиса о многообразии форм посткоммунизма в Восточной Европе и, как следствие, различных стратегий исторической политики (Бордюгов, 2011).

Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, который предполагает, что восприятие прошлого, отбор значимых свидетельств о нем и способы их конфигурации предопределяются и формируются социально-культурными контекстами и практиками памяти и забвения. В этой связи важнейшую роль в формировании конфигурации коллективных воспоминаний играет историческая политика. Сама историческая политика трактуется как «политическое использование истории» (Миллер, 2012а, с. 8). В нашей работе мы будем интерпретировать историческую политику как политику государства в отношении прошлого, и будем рассматривать культуры памяти России и Беларуси в контексте основных этапов и специфики исторической политики двух государств. Далее на основе идей М. Вебера, Т. Адорно и Х. Йонаса мы постараемся проанализировать возможности современных этических подходов как ценностно-нормативных оснований более согласованной исторической политики союзного государства.

Проблемы согласования общесоюзной исторической политики находили лишь относительно рассмотрение в отдельных работах в последние годы (Бахлова, 2019; Донцев, Бойко, 2019). В свою очередь, несмотря на то что российская тема постоянно присутствует в работах белорусских исследователей (Браточкин, 2016; Буховец, 2010; Ластовский, 2009; Линднэр, 2003; Марплз, Падгол, 2008; Шадурский, 2014; Rudling, 2008), прямых исследований вопросов согласования исторической политики союзного государства и ее этических оснований не предпринималось.

Результаты исследования

События распада СССР, создавшие принципиально новую общественно-политическую ситуацию трансформации коллективных воспоминаний как в России, так и в Беларуси, критическое отношение к советскому опыту, раскол общественных сил и надежды на успех демократических преобразований – фон, определивший контуры трансформации массовых и элитарных представлений о прошлом в начале 90-х гг. Единственным событием, этико-мировоззренческое значение которого не было поколеблено в ходе пересмотра большинства общественных ценностей, оказалась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (Миллер, 2012b).

Однако после 1991 года мы должны говорить о совершенно различных темпоритмах исторической политики в России и Беларуси, не подвергшихся существенному изменению даже после подписания союзного договора 1999 года. В этой связи мы сопоставили уже предпринимавшиеся в российской и белорусской литературе попытки периодизации исторической политики (Браточкин, 2016; Миллер, 2012b; Шадурский, 2014), а также соотнесли их с базовыми ценностями исторической политики в интервале с 1991 по 2019 год.

Культурная память и историческая политика в России и Беларуси в 1990-е–2000-е годы

На сегодняшний день можно говорить об определенной общности взглядов белорусских исследователей, предлагающих различать, как мини-

мум, три этапа трансформации культурной памяти и исторической политики в Республике Беларусь: период 1988–1994 гг., период 1994–2003 гг., а также период 2003–2016 гг.

Первый период, захвативший эпоху перестройки и начало 90-х годов прошлого века, ознаменован целым рядом различных попыток конструирования белорусской национальной идентичности в первую очередь на этнической основе. Речь шла о расширении использования белорусского языка, создании национальной концепции интерпретации истории Беларуси (Шадурский, 2014, с. 10). Предлагается говорить, как минимум, о двух основных тенденциях новой культуры памяти: попытках институционализации новых интерпретаций прошлого, и в первую очередь дискуссии о сталинских репрессиях, а также о своеобразном расколе культуры памяти, связанном с появлением различных сообществ памяти (Браточкин, 2016). Приход к власти в 1994 году Александра Лукашенко и его историческая политика стали причиной своеобразного раскола общества и формирования двух параллельных культур памяти: национальной и «ненациональной» (Лінднэр, 2003). В данном случае «ненациональная» культура памяти отсылала к ностальгии по определенным элементам советского исторического опыта. Подобная обращенность власти к ностальгическим чувствам значительной части белорусов опиралась на проведенный общенациональный референдум. Руководствуясь итогами референдума (май 1995 г.) и социологических опросов населения, А. Лукашенко инициировал процесс изменения учебников истории, главной особенностью которых должно было стать отсутствие национализма и прекращение культивирования образов исторического врага (Буховец, 2010, с. 40).

Следующий период охватывает хронологический этап с 1994 года по 2003 гг., и связан с активизацией курса на создание Союзного государства с Россией, тенденциями ресоветизации культуры памяти, а также интенсивным продвижением советского нарратива истории в образовательном и культурном пространстве. При этом белорусские исследователи подчеркивают, что советское прошлое рассматривается как ресурс, поставленный на службу действующей политической власти и ее успехам (Браточкин, 2016; Шадурский, 2014, с. 12). Вместе с тем центральным событием всей исторической политики в Беларуси, выступающим этико-мировоззренческой платформой для ее различных направлений, оставалась Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Третий этап трансформации исторической политики и культуры памяти Республики Беларусь берет свое начало в 2003 году, и продолжается до настоящего времени. Его важнейшая отличительная особенность – медленное, но заметное движение исторической политики в сторону реабилитации национальной истории Беларуси и особой роли эпохи Александра Лукашенко, что отражало результаты трансформации ценностей новых поколений белорусов. Так, в 2018 году Институтом социологии НАН Беларуси были выявлены три «главных» события истории республики в массовом сознании: Победа над фашистской Германией и освобождение Беларуси (58,5%), обретение независимости в 1991 году (22,2%), авария на ЧАЭС (21,2%). Причем, как отмечают исследователи, «молодежный фокус внимания в пространстве исторической памяти отличает преимущественный (относительно старшего

поколения) интерес практически ко всей истории вне советского периода: от образования Полоцкого княжества и крещения восточных славян до создания БНР и обретения государственности в 1991 году. А «точкой сбора» здесь выступает Великое княжество Литовское» (Коршунов, 2019, с. 5–6). Подводя итоги исторической политики и выделяя ее основные ценностные доминанты, А. Браточкин указывает на наиболее заметные стратегии: апроприация (присвоение) и реинтерпретация (перекодирование) советского нарратива истории и советских «мест памяти», постепенное исчезновение «ностальгических» мотивов; опора уже на собственную историю режима, а не только на отсылки к советской истории (создание собственных «мест памяти»); апроприация и присвоение исторической риторики бывших политических противников, включение ряда ранее «запретных» исторических тем в официальный канон истории (Браточкин, 2016). В данном случае повышается селективность исторической политики, которая отбирает только наиболее эффективные и узнаваемые советские образы. В частности, в отношении Великой Отечественной войны идет постепенная смена акцентов и уход от «советского народа» как победителя к «белорусскому народу», победившему захватчиков и понесшему огромные человеческие жертвы (Кисель, 2008, с. 17). Белорусские исследователи отмечают дифференциацию образов культурной памяти в разных возрастных группах, но не говорят о наличии существенного «конфликта поколений». Несмотря на огромное позитивное значение памяти о Великой Отечественной войне, отмечается, что «советская история не может выступать в качестве объединяющего фактора для целостной исторической памяти» (Ластовский, 2009, с. 99).

В отличие от белорусского контекста, многолетние опросы ВЦИОМ (От Ельцина до Путина, 2007, с. 161) дают основания исследователям утверждать о постепенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, ориентации населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) (Горшков, Шереги, 2009, с. 31). Заслуживает внимания тезис о глубокой антимобилизационности российского общества (От Ельцина до Путина, 2007, с. 179). Подчеркивается незавершенность формирования российской нации (От Ельцина до Путина, 2007, с. 183). Социологические исследования фиксируют определенную гомогенность исторической памяти и единство в оценках прошлого разными поколениями россиян. Ключевым историческим событием продолжает оставаться Великая Отечественная война.

Говоря об основных этапах исторической политики в России и ее ценностно-нормативных основаниях, мы будем использовать идеи Алексея Миллера, который в своей работе 2012 года предлагал говорить, как минимум, о трех этапах: от эпохи перестройки до 2003 года, период 2003–2008 гг., период 2009–2012 гг. (Миллер, 2012b; Миллер, 2015). Сегодня мы также можем с уверенностью говорить еще об одном этапе, который начинается в 2013–2014 году и продолжается до настоящего времени.

Первый период исторической политики в России охватывает 1990-е годы, и длился до 2003 года. Поскольку влияние антикоммунистической риторики было достаточно сильным, а новая объединяющая общество идеологическая

конструкция была не выработана, история практически перестала использоваться государством в политических целях. В этой связи исследователи говорят о периоде 90-х годов как «архивной революции» в России, методологическом плюрализме в оценке советской эпохи, росте числа общественных коммемораций сталинских репрессий, большом количестве учебников истории, представлявших различные взгляды на дореволюционное и советское прошлое. Вместе с тем А. И. Миллер подчеркивает две важные тенденции, ярко обозначившиеся в данный период: во-первых, «в России так и не возникли государственные ритуалы коммеморации жертв советского режима», а во-вторых, в отношении истории «национализация не сопровождалась радикальным пересмотром пантеона выдающихся деятелей – происходило скорее постепенное добавление персонажей из «белого» лагеря» (Миллер, 2012b, с. 330).

Следующий период, приходящийся на 2003–2008 годы, характеризуется целым рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, начало правления В. В. Путина было связано с разнонаправленными тенденциями в формирующейся исторической политике, где попытка отыскать компромисс отражала стремление принять прошлое как «общее достояние». С другой стороны, объединяющие трактовки истории так и не были найдены, а «вместо этого возникла крайне противоречивая конструкция, которая держалась, прежде всего, на умолчании о проблемах и ответственности» (Миллер, 2012b, с. 331).

Период 2009–2012 годов характеризуется как противоречивый, осложненный как внешнеполитическими, так и внутриполитическими спорами. На внешнеполитической арене были предприняты шаги по нормализации отношений с Польшей и Украиной по вопросам интерпретации сталинских репрессий и Катынского дела. Во внутренней политике президент Д. А. Медведев обозначил явный поворот в сторону осуждения преступлений сталинизма, чем инициировал антикоммунистическую риторику. Однако при всем при этом последнего слова о решительном повороте исторической политики сказано так и не было.

Определенным рубежом в дальнейшем развитии исторической политики признается 2013 год, когда власть окончательно поворачивает в сторону идеи создания единого учебника истории и инициирует процессы создания контролируемых общественных структур (Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество).

Наконец, в 2014 году явно наметились контуры нового этапа исторической политики. Речь идет о целом ряде событий, которые свидетельствовали о существенном росте консервативных, антилиберальных и националистических настроений в ценностно-нормативном обосновании новой исторической политики. Центральным элементом всей исторической политики России после 2014 года вновь оказывается Великая Отечественная война, коммеморации которой приобретают черты позднебрежневской эпохи и отсылают к идее империи. При этом власть стремится избегать выхода за определенные границы острых исторических дискуссий, что показала ситуация с коммеморациями Октябрьской революции в России в 2017 году (Малинова, 2018, с. 55).

*Субъекты исторической политики в России и Беларуси:
опыт сравнительного анализа*

В этой связи вопрос о поиске неких общих этико-нормативных ориентиров во многом связан с вопросом о субъектах исторической политики, которые не ограничиваются только отношениями между государственными структурами. Важнейшая роль в этом деле принадлежит политическим и общественным деятелям. Материалы белорусских исследователей, а также наши собственные исследования (Аникин, Линченко, 2017) показывают, что как в российском, так и в белорусском случаях в современных условиях определяющим субъектом исторической политики продолжает оставаться государство. Общим фоном в данном случае является слабая консолидированность белорусской и российской наций, незавершенность перехода к гражданской нации в обоих государствах.

В 90-ые годы российское государство устранилось от целенаправленной исторической политики, предпочитая ситуативные высказывания по поводу конкретных событий. Основные политические партии, сформировавшиеся в эти годы, избрали различные нарративы обращения к прошлому. На этой стадии советское наследие служило неотъемлемым элементом построения моделей исторической памяти – либо в качестве основы, либо в качестве точки для отталкивания. На второй стадии, в 2010-е годы, происходит постепенное расширение тех исторических ресурсов, которые используются для легитимации политического порядка или поиска альтернативных оснований для его трансформации. В условиях дробления единого пространства памяти государство начинает играть не свойственную ему прежде роль – не рискуя принимать на себя ответственность за проведение целенаправленной исторической политики, оно начинает выполнять функции арбитра, пытаясь создать неустойчивое и подвижное равновесие между существующими моделями восприятия прошлого (Аникин, Линченко, 2017). При этом после 2014 года все более усиливается тенденция к созданию контролируемых организаций, которые могли бы выступать в роли экспертных сообществ (Миллер, 2015, с. 231).

В свою очередь усиление авторитарных тенденций в политике А. Лукашенко постепенно сужало пространство действия негосударственных акторов и политических сообществ, идущих вразрез с официальной исторической политикой. Вместе с тем после 2014 года ситуация в некоторой степени изменяется, когда под впечатлением Евромайдана в Киеве, а также крымских событий идет, с одной стороны, процесс «мягкой белорусизации», выразившейся в актуализации дискурса сохранения и развития русского языка и этнической культуры, а с другой стороны – обратное движение части общественных сил и политических объединений навстречу власти. Данное движение и формирование своеобразного «социального мира» в стране характеризуется А. Браточкиным как «консервативный консенсус» (Браточкин, 2016). Еще более интересным данный факт представляется в свете процессов сближения в массовой исторической памяти белорусов разных версий истории, сформировавшихся в 1990-е годы (Ластоўскі, Яфімава, 2013).

Как показывают недавние исследования, не получили основополагающей роли в исторической политике России и Беларуси и религиозные акторы. В обеих странах имеет место избирательное отношение государства к религиозным организациям и ситуативное их использование на отдельных этапах исторической политики (Донцев, Бойко, 2019, с. 33).

*Историческая политика России и Беларуси:
от этики долга к этике исторической ответственности*

Ключевой тезис нашей работы состоит в том, что рост консервативных тенденций и национально-ориентированных интерпретаций истории в исторической политике в России и Беларуси вряд ли будет способствовать сближению двух государств, несмотря на роль памяти о Великой Отечественной войне, совместные страницы политической и культурной истории, общеславянскую культуру и важное место православных ценностей в жизни рядовых россиян и белорусов. Проблема в данном случае заключается в том, что сама по себе традиционная этика, которую можно было бы назвать «этикой долга», создает серьезный мировоззренческий барьер на пути согласования исторической политики государств.

Традиционная нравственность, к основным ценностям которой относится половозрастная иерархия, коллективизм, патриотизм, трудолюбие и уважение к воинскому этосу, относится к своему прошлому серьезно и неререфлексивно. В таком случае сообщество переживает собственные моральные ценности как эксклюзивные, и считает их защиту (в т. ч. вооруженную) не просто этически оправданной, но нравственно обязательной. Поэтому когда белорусские мыслители выстраивают концепцию исторического прошлого Беларуси как целиком традиционалистскую, его ключевыми моментами оказываются войны (в том числе с восточными соседями), победы и поражения в которых становятся критерием этической оценки исторического опыта. Российский традиционализм в этической интерпретации прошлого выглядит точно так же, поэтому обращение к «традиционной нравственности» как основе этической интерпретации исторического опыта двух народов чревато, скорее, конфликтами, чем единством.

В трудах М. Вебера, Т. Адорно, Г. Йонаса этика ответственности противопоставляется «этике долга», для которой чистота и универсализуемость мотивов поступка является достаточной гарантией его моральности. «Этика долга» как воплощение идеалов культуры модерна подразумевает существование единственно верной морали, до которой должны «дорости» все участники исторического процесса. Нетрудно понять, что применение такого критерия в отношениях Беларуси и России приводило к обоснованию «западнорусизма» и общей стратегии «большого брата», или наоборот – отношению к русской культуре в Беларуси в контексте идеи деколонизации.

В этике ответственности само понятие «ответственность» перестает трактоваться исключительно ретроспективно как вина за содеянное, за отклонение от должного. Она перестает «возлагаться» вышестоящей по отношению к субъекту инстанцией или «приниматься» им. Ответственность связывается со свободой и является способом ее осуществления, изначально трактуется

как проективный и позитивный способ утверждения себя в мире. Главным предметом ответственности становится жизнь Другого. Этика ответственности является практико-ориентированной, изначально исследующей последствия предпринятых поступков и высказываний.

Прагматический аспект этических интерпретаций исторического опыта проявляется в их целевом предназначении. В контексте этики ответственности, желая построить гармоничное будущее, необходимо не только акцентировать моменты общности исторического опыта разных стран, но и прояснять бывшие в истории конфликты. Однако цель этого прояснения должна быть не ретроспективной («возложить вину и наказать»), а обращенной в будущее («выяснить, покаяться, простить и жить дальше»). В данном случае реализуется именно общечеловеческая перспектива интерпретации событий, стоящая выше национальных оценок. Другими словами, речь также идет о росте значения индивидуального исторического сознания и самой среды коммуникации между государственными и негосударственными акторами исторической политики.

Насколько белорусское и российское общество готовы к данной постановке вопроса? Ответ в данном случае будет скорее отрицательным. Если принимать во внимание аргументы А. Браточкина (Браточкин, 2016) и А.И. Борозняка (Борозняк, 2014), то ключевой причиной является как рост консервативных настроений в массовом сознании, так и слабая институционализация идеи прав человека, на базе которой негосударственные акторы могли бы играть на равных с государством на поле культурной памяти. К этому можно было бы добавить определенную инертность политических и общественных акторов в Беларуси и России, их нежелание переходить границы патриотической риторики.

Заключение

Таким образом, несмотря на большой исторический опыт жизни в совместном государстве, важную роль православных ценностей и славянской культурной традиции будет существенным упрощением говорить о высокой степени общности культурной памяти современной России и Беларуси. Несмотря на то что в обоих государствах центральным событием культуры памяти продолжает оставаться Великая Отечественная война 1941–1945 гг., отношение к советскому времени уже не является ключевой этико-мировоззренческой основой интеграции. Это связано не только со спецификой форм посткоммунизма, сложившихся в России и Беларуси, но и с различием темпоритмов исторической политики. Современный этап реализации исторической политики и в России, и в Беларуси по-прежнему связан с доминированием государства, и демонстрирует явные тенденции роста консервативных, национально-ориентированных ценностей в обращении к прошлому. Это вряд ли будет способствовать сближению двух государств, поскольку в основе их лежит традиционная этика долга, воспроизводящая в различных формах этноцентризм. В этой связи перспективный путь состоит в развитии ценностно-нормативных оснований исторической политики на основе этики исторической ответственности. Это означает, что необходимо не только акцентировать моменты общности исторического опыта разных стран, но и прояснять бывшие в истории конфликты.

Однако цель этого прояснения должна быть не ретроспективной («возложить вину и наказать»), а обращенной в будущее («выяснить, покаяться, простить и жить дальше»). В данном случае реализуется именно общечеловеческая перспектива интерпретации событий, стоящая выше национальных оценок и фундированная коммуникацией между государственными и негосударственными акторами исторической политики.

Список литературы

1. Аникин, Д. А., Линченко, А. А. (2017). Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики. *Studia Humanitatis*, 4. Взято 14 марта 2020, с <http://st-hum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory>
2. Бахлова, О. В. (2019). Национальная идентичность и институты социальной и исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 2, Ч. 2, 541–546.
3. Бордюгов, Г. А. (2011). «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI.
4. Борозняк, А. И. (2014). *Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века*. М.: РОССПЭН.
5. Браточкин, А. (2016, 25 ноября). *Культура памяти в Беларуси (1988–2016): от раскола к консервативному консенсусу? Советское наследие в политическом и историческом воображении белорусов: тенденции отталкивания и апроприации*. Взято 14 марта 2020, с <http://gefter.ru/archive/20174>
6. Буховец, О. (2010). Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации». В Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов, *Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя* (с. 15–51). М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI.
7. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2009). Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание. *Мониторинг общественного мнения*, 6, 5–37.
8. Донцев, С. П., Бойко, С. И. (2019). Религиозный фактор политики памяти в современных России и Беларуси: сравнительный анализ. *Вестник Финансового университета, Гуманитарные науки*, 4, 25–35. doi: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35
9. Кисель, К. (2018). Политика памяти в Республике Беларусь в отношении советского периода (на примере школьных учебников и учебно-методических пособий по истории). В Г. Я. Миненков (Отв. ред.), *Европа-2017. От печатного слова к знанию: локальные традиции и глобальный переход: сб. науч. тр.* (с. 13–18). Вильнюс: ЕГУ.
10. Коршунов, Г. П. (2019). Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох. В Г. П. Коршунов (Ред.), *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч. – практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г.* (с. 5–7). Минск: ООО «СУГАРТ».
11. Ластовский, А. (2009). Специфика исторической памяти в Беларуси:

между советским прошлым и национальной перспективой. *Вестник общественного мнения*, 4(102), 88–99.

12. Ластоўскі, А., Яфімава, Н. (2013). Вытокі нацыянальнай дзяржаўнасці ў беларускай гістарычнай памяці. *ARCHE*, 2, 411–448.

13. Лінднэр, Р. (2003). *Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст.* Спб.: Неўскіпрасцяг.

14. Малинова, О.Ю. (2018). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. *Полис. Политические исследования*, 2, 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04

15. Марплз, Д., Падгол, У. (2008). Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве. *ARCHE*, 11, 91–100.

16. Миллер, А.И. (2012а). Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. В А.И. Миллер, А. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (с. 7–33). М.: Новое литературное обозрение.

17. Миллер, А.И. (2012b). Историческая политика в России: новый поворот? В А.И. Миллер, А. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (с. 328–368). М.: Новое литературное обозрение.

18. Миллер, А.И. (2015). Политика памяти в России: роль экспертных сообществ. В О.Ю. Малинова (Ред.), *Символическая политика. Политические функции мифов. Сб. науч. тр. Вып. 3.* (с. 210–236). М.: ИНИОН РАН.

19. *От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян.* (2007). М.: ВЦИОМ.

20. Шадурский, В.Г. (2014). Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого. *Труды факультета международных отношений БГУ. Вып. 5.* (с. 9–24). Минск: БГУ.

21. Rudling, P. (2008). “For a Heroic Belarus!”: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses. *Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs)*, 32, 43–62.

References

1. Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2017). Izbiraja pamjat'? Politicheskie partii v Rossii kak aktory istoricheskoy politiki [Choosing a memory? The political parties in Russia as actors of historical politics]. *Studia Humanitatis*, 4. Retrieved March 14 2020, from <http://st-hum.ru/content/anikin-da-linchenko-aa-izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory>

2. Bahlova, O.V. (2019). Nacional'naja identichnost' i instituty social'noj i istoricheskoy pamjati v Rossijskoj Federacii i Respublike Belarus' [National Identity and Institutions of Social and Historical Memory in the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 2, Ch. 2, 541–546.

3. Bordjugov, G.A. (2011). “Vojny pamjati” na postsovetskom prostranstve [“Memory wars” in the post-Soviet space]. М: AIRO-XXI.

4. Boroznjak, A.I. (2014). *Zhestokaja pamjat'. Nacistski jrejh v vosprijatii nemcev vtoro jpoloviny XX i nachala XXI veka* [Cruel memory. Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the twentieth and the beginning

of the XX century]. M.: ROSSPJeN.

5. Bratochkin, A. (2016, November 25). *Kul'tura pamjati v Belarusi (1988–2016): ot raskola k konservativnomu konsensusu? Sovetskoe nasledie v politicheskom i istoricheskom voobrazhenii belorusov: tendencii ottalkivaniya i apropiacii* [Culture of memory in Belarus (1988–2016): from schism to conservative consensus? Soviet legacy in the political and historical imagination of Belarusians: tendencies of repulsion and appropriation]. Retrieved March 14, 2020, from <http://gefter.ru/archive/20174>

6. Buhovec, O. (2010). Istoriopisanie postsovetskoj Belarusi: demifologizaciya “remifologizacii” [Historiography of post-Soviet Belarus: the demythologization of “remythologization”]. In F. Bomsdorf, & G. Bordyugov (Eds.), *Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. Desyat' let spustya* (pp. 15–51). M.: Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XXI.

7. Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2009). Molodezh' Rossii: demograficheskie tendencii i istoricheskoe soznanie [Russian Youth: Demographic Trends and Historical Consciousness]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 6, 5–37.

8. Doncev, S.P., & Bojko, S.I. (2019). Religioznyj factor politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Belarusi: sravnitel'nyj analiz [The religious factor of memory policy in modern Russia and Belarus: a comparative analysis]. *Vestnik Finansovogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 4, 25–35. doi: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-25-35

9. Kisel, K. (2018). Politika pamyati v Respublike Belarus' v otnoshenii sovetskogo perioda (naprimere shkol'nyh uchebnikov i uchebno-metodicheskikh posobij po istorii) [The politics of memory in the Republic of Belarus in relation to the Soviet period (based on school textbooks and teaching aids on history)]. In G.Ya. Minenkov (Ed.), *Evropa-2017. Ot pechatnogo slova k znaniyu: lokal'nye tradicii i global'nyj perekhod: sb. nauch. tr.* (pp. 13–18). Vil'nyus: EGU.

10. Korshunov, G.P. (2019). Problema istoricheskoy pamyati na cifrovom izlome epoh [The problem of historical memory on the digital break of eras]. In G.P. Korshunov (Ed.), *Istoricheskaya pamyat' o Belarusi kak factor konsolidacii obshchestva: materialy Mezhdunar. nauch. – prakt. konf., g. Minsk, 26–27 sentyabrya 2019 g.* (pp. 5–7). Minsk: OOO «SUGART».

11. Lastovskij, A. (2009). Specifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetskim proshlym i nacional'noj perspektivoj [The specifics of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 4(102), 88–99.

12. Ластоўскі, А., Яфимава, Н. (2013). Вытокі нацыянальнай дзяржаўнасціў беларускай гістарычнай памяці [The origins of nationhood in the Belarusian historical memory]. *ARCHE*, 2, 411–448.

13. Лінднэр, Р. (2003). Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. [Historians and power. Natsyyatvorchy process and historical policy in Belarus in the XIX–XX]. Спб.: Неўскіпрацяг.

14. Malinova, O.Yu. (2018). Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushchih narrativov [Commemoration of the centenary of the revolution(s) of 1917 in the Russian Federation: a comparative analysis of rival narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04

15. Марплз, Д., & Падгол, У. (2008). Палітыка новай памяціў другой расійска моўнай дзяржаве [Politics of the new memory in the second Russian

language state]. *ARCHE*, 11, 91–100.

16. Miller, A. I. (2012a). Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI century]. In A. I. Miller, & A. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope* (pp. 7–33). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

17. Miller, A. I. (2012b). Istoricheskaya politika v Rossii: novyj povorot? [Historical politics in Russia: a new turn?] In A. I. Miller, & A. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v Vostochnoj Evrope* (pp. 328–368). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

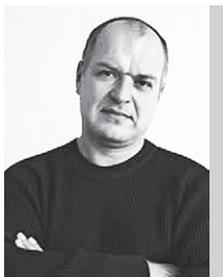
18. Miller, A. I. (2015). Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnyh soobshchestv [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In O. Yu. Malinova (Ed.), *Simvolicheskaya politika. Politicheskie funktsii mifov. Sb. nauch. tr. Vyp. 3.* (pp. 210–236). M.: INION RAN.

19. *Ot El'cina do Putina: tri epohi v istoricheskom soznanii rossiyan* (2007). M.: VCIOM.

20. Rudling, P. (2008). “For a Heroic Belarus!”: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses. *Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs)*, 32, 43–62.

21. Shadurskij, V. G. (2014). Istoricheskaya politika v Respublike Belarus': etapy razvitiya i versii interpretatsii proshlogo [Historical politics in the Republic of Belarus: stages of development and versions of interpretation of the past]. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij BGU. Vyp. 5.* (pp. 9–24). Minsk: BGU.

ПОЛИТИКА ЗАБВЕНИЯ, ИЛИ ЧТО ПРОИСХОДИТ С «КРАСНЫМ ДНЁМ КАЛЕНДАРЯ»?*

Мошкин Сергей Вячеславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-4541-9609,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2020, принята к публикации 10.06.2020

Для цитирования: Мошкин С.В. Политика забвения, или что происходит с «красным днём календаря»? // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 112–127. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10207

Аннотация

В статье рассматривается частный случай исторической политики постсоветской России – политика забвения – в отношении празднования дня Октябрьской революции 7 ноября. Показывается, как российские власти, объявившие себя приверженцами демократии, год от года переделывали всю мемориальную систему и национальный календарь памятных дат, пытаясь вытеснить на периферию общественных ценностей всё, что было связано с советским прошлым и памятью об Октябрьской революции, в частности. Вместе с тем неосуществленная декоммунизация страны, непоследовательная позиция самих властей в сфере символической и мемориальной политики, ностальгические настроения по советскому прошлому у значительной части россиян, всё это в совокупности не позволило демократическому режиму

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

© Мошкин С.В., 2020

враз избавиться от главного политического праздника Советского Союза – дня Октябрьской революции. Этот процесс затянулся на годы. Реализуя политику забвения, российские власти сперва попытались переименовать праздник в День согласия и примирения, придав ему иной идеологический смысл, а затем еще через десять лет заменить его на близкий по дате, но абсолютно бессодержательный государственный праздник – День народного единства 4 ноября. Очевидная неудача с учреждением нового праздника, по мнению автора, была связана главным образом с отсутствием у россиян коллективной памяти, личного опыта и биографических воспоминаний по поводу этой даты, к тому же исторически некорректной. В статье делаются выводы, что после упразднения дня Октябрьской революции единственным праздником, дошедшим до нас с советских времен почти в неизменном виде, остался лишь День Победы. Именно он на фоне серьезных изменений внешней политики России стал чрезвычайно востребованным в коммеморативных практиках российской власти, и является, пожалуй, единственной основой национальной памяти и национальной идентичности россиян.

Ключевые слова:

историческая политика, коллективная память, политика забвения, государственные праздники, день Октябрьской революции.

UDC 304

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10207

CRUISING TOWARD OBLIVION: OR WHAT IS HAPPENING TO THE “RED-LETTER DAY”?

Moshkin Sergei Vyacheslavovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Department of Philosophy,
Doctor of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-4541-9609,
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Article received on April 13, 2020, accepted on June 10, 2020

To cite this article: Moshkin, S.V. (2020). Politika zabveniya, ili chto proisxodit s «krasnym dnyom kalendarya»? [Cruising toward oblivion: or what is happening to the “red-letter day”?]. *Scientific Journal “Discourse-P”, 2(39), 112–127.* doi: 10.24411/1817-9568-2020-10207

Abstract

The article discusses a flagrant manifestation of post-Soviet Russian policy in specific national context – the policy of oblivion in relation to the October Revolution celebrated on November 7. The author shows how the Russian authorities, who declare themselves adherents of democracy, year by year, have been remodelling the entire commemorative system and the national calendar of red-letter dates, trying to squeeze out everything connected with the Soviet past and, in particular, the memory of the October Revolution to the periphery of public values. At the same time, the unfinished de-communization of the country, the inconsistent position of the authorities in the field of political symbolism and political aspects of remembrance, the nostalgic cravings for the Soviet past among a significant part of the Russians, taken all together, did not allow the democratic regime to get rid of the most important annual Soviet holiday – October Revolution Day. This process has been dragging on for many years. In their attempts to pursue the policy of oblivion, the Russian authorities first tried to rename the holiday to the Day of Accord and Reconciliation, giving it a different ideological meaning, and then after another ten years replaced it with a close-to-date, but absolutely meaningless holiday – National Unity Day on November 4. The author believes that the obvious failure to establish a new holiday was mainly connected with the lack of collective memory, personal experience and unofficial biographical recollections of the Russians associated with this date which is also historically incorrect. The article concludes that after October Revolution Day was abolished, the only holiday that remained almost unchanged from the Soviet era is Victory Day. Against the background of serious changes in Russia's foreign policy, this red-letter day has become extremely popular in commemorative practices of the Russian government and is perhaps the only basis for the national memory and national identity of the Russians.

Keywords:

politics of memory, collective memory, politics of oblivion, public holidays, October Revolution Day.

Введение

Всякий политический режим, пришедший к власти в результате революции, волей-неволей обращается к Истории, пытаясь, с одной стороны, продемонстрировать и доказать историческую предопределенность своей победы, а с другой – самим своим существованием показать всем, что новая власть сама творит Историю, которая уже никогда не будет прежней, что она сама и есть новая История. В дело вступает историческая политика как сознательное и целенаправленное конструирование победившим политическим режимом коллективных представлений о прошлом для обеспечения лояльности населения, политического и идеологического контроля над ним. Революционная реальность наполняется новым историческим нарративом: старое отвергается или поддается существенной корректировке, новое же создается буквально «с чистого листа».

Такая историческая инженерия особенно заметна в символической политике власти: галерея прежних героев меняется на новых, овеванных ореолом

революционной жертвенности; памятники и монументы ушедшей эпохи низвергаются, а на их месте, подчас на тех же пьедесталах, возводятся другие, прямо соответствующие духу и героике революционного времени; в политической повседневности закрепляются новые традиции и ритуалы; в календаре, взамен прежних, появляются новые праздники, призванные ежегодно напоминать населению о сути и достоинствах наступившей революционной эпохи.

Всё это служит одному – поддерживать и укреплять в обществе новорожденный исторический миф о революционной современности. Однако прошлое не сдается, от него не так легко отделаться. Прошлое продолжает жить своей жизнью в индивидуальной памяти людей, в их коллективных воспоминаниях, семейных рассказах и простом доверительном общении друг с другом. Прошлое напоминает о себе через всё культурное наследие, созданное прежде, будь то книги, живопись, кино, архитектуру и даже музыку, через многочисленные атрибуты и артефакты ушедшей эпохи, через сложившиеся и крайне неподатливые политической конъюнктуре мемориальные практики. Прошлое повсюду. Новой власти остается только смириться с этим, вариантов «преодоления прошлого» у неё не так уж много, точнее, всего лишь два: или избирательно приспособить отдельные элементы прошлого для своих политических целей, или попытаться предать неудобные для новой власти фрагменты прошлого забвению. И в этом смысле политика забвения является частным случаем государственной исторической политики, призванной сформировать «правильную» историческую память у граждан как основы их обновленной коллективной идентичности.

В данной статье на конкретном примере празднования 7 ноября – Дня Великой Октябрьской социалистической революции (так он назывался в советские годы), главного политического праздника страны Советов, – показано, как менялась историческая политика руководства страны: от установления новой политической традиции празднования в первые годы Советской власти, поддержания, а затем и насаждения этой традиции на излёте коммунистического правления, до политики игнорирования и полного забвения советского праздника в годы демократической России. Показана также неуспешная попытка российской демократической власти нейтрализовать коммунистический праздник 7 ноября путем учреждения близкого по дате нового праздника 4 ноября – Дня народного единства. Представляется, что подобная «техника прикрытия», как называет её А. Ассман (2019), не привела к намеченным результатам не только в силу глубоко укоренившейся тогда в обществе традиции празднования дня революции, но и противоречивостью самих коммеморативных практик современной российской власти. По большому счету, общество не приняло новый праздник как свой, как истинно народный, а потому, вследствие этой «календарной» неудачи, для укрепления легитимности в глазах населения страны власть была вынуждена обратиться к другой исторической дате – Дню победы 9 мая.

Главный праздник

«День седьмого ноября – красный день календаря». Эти начальные строчки детского стихотворения С. Я. Маршака, написанного в 1945 году, были известны каждому советскому человеку, ведь оно входило в обязательную программу обучения советских людей, начиная с детского сада. А само празднование

Октябрьской революции 1917 года, которое из-за перехода страны Советов с юлианского календаря на григорианский приходилось на 7 ноября, было наиглавнейшим государственным праздником всей страны, поскольку прославляло день рождения «государства рабочих и крестьян» и вместе с ним «новую эру в развитии человечества». Слово «Октябрь» (с обязательным написанием с большой буквы) стало символом социалистической революции и украшало собой названия многочисленных населенных пунктов, улиц, площадей, воинских частей, кораблей, промышленных предприятий, дворцов культуры, газет, пионерских дружин и загородных домов отдыха. Даже знаменитая кондитерская фабрика в Москве получила название «Октябрь». В 1967 году в СССР, в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции, был учрежден Орден Октябрьской революции, вторая по значимости (после ордена Ленина) государственная награда Советского Союза.

Первое празднование Дня революции большевики устроили буквально через год, в 1918-м, когда еще не были уверены, что удержат власть. Тем не менее, 7 ноября объявили праздничным нерабочим днем. На Красной площади в Москве провели военный парад как символ готовности защищать революцию до последней капли крови. С тех пор проведение военных парадов с участием первых лиц государства стало неотъемлемой частью праздничного ритуала. Лишь в 1920 и 1921 годах парады не проводились, в 1925 году парад был отменен в связи с трауром по поводу кончины М. В. Фрунзе – Председателя Революционного военного совета СССР и Народного комиссара по военным и морским делам СССР. Интересное свидетельство приводит историк Олег Баскаков (2019): на военном параде в 1923 году вместо уже смертельно больного В. И. Ленина на Красной площади была выставлена его гипсовая скульптура. Пожалуй, наиболее знаменитый парад на Красной площади в ознаменование годовщины Октябрьской революции состоялся 7 ноября 1941 года в условиях прифронтовой Москвы. В победном 1945-ом военный парад 7 ноября проводить не стали. Возможно, посчитали, что Парада Победы (парад войск Красной армии на Красной площади Москвы 24 июня 1945 года – так официально он назывался тогда) было достаточно для демонстрации военной мощи СССР. Последний советский военный парад в честь Октябрьской революции состоялся 7 ноября 1990 года.

Окончательный ритуал празднования большевистской революции 1917 года сложился в СССР лишь десять лет спустя, к 1927 году. С этого времени в календаре было уже два праздничных выходных дня – 7 и 8 ноября. Торжества обязательно включали в себя, как отмечалось выше, проведение военного парада на Красной площади в Москве, а также в столицах союзных республик. За парадом в празднично украшенных колоннах следовала демонстрация трудящихся. Демонстрации обязательно проводились во всех более или менее заметных населенных пунктах страны. Под праздничные марши духовых оркестров люди несли в руках цветы, транспаранты и портреты советских вождей. Предприятия и учреждения соревновались между собой на лучшее украшение колонны. Даже очередность колонн выстраивалась по ранжиру: впереди шли победители социалистического соревнования, следом отстающие. Отдельные колонны составляли школьники средних школ в парадной форме и студенты вузов. Явка на демонстрацию для всех, будь то учащийся или рабочий, была строго обязательной.

Накануне 7 ноября во всех городах, украшенных праздничным убранством, проводились торжественные собрания, которые завершились концертами с репертуаром патриотической тематики. На этих собраниях, помимо традиционных речей, награждали отличившихся работников, в буфетах продавали дефицитные товары. Главное торжественное заседание страны с участием руководителей государства транслировалось по телевидению и радио. Иными словами, ни один советский государственный праздник не отмечался в СССР с таким размахом, как «день седьмое ноября – красный день календаря». По своей торжественности и масштабу с ним не могли сравниться никакие другие, казалось бы, не менее значимые праздники государства, будь то День образования СССР или День конституции.

Демократические перемены

Всё изменилось в 1991 году. Молодые демократы во главе с Б.Н. Ельциным, пришедшие к власти на волне антикоммунистической риторики, занялись не только экономическим переустройством страны, но и политико-идеологической переделкой. Перед суверенной Россией встала проблема глубокой переориентации и переоценки ценностей. В этом смысле стране пришлось создавать себя заново, а для этого следовало прежде избавиться от основополагающего социалистического мифа и заменить его на другой. Поскольку, как справедливо отмечал Д. Фурман (2007), никакой альтернативы коммунистической идеологии тогда кроме идеи демократии не было, вполне естественно, что посткоммунистическая Россия воссоздавала себя заново в рамках демократического дискурса. Мечта о коммунизме была попросту заменена мечтой о демократии. И это сразу же проявилось в символической политике новой российской власти.

Уже в дни августовского путча в 1991 году государственный «серпасто-молоткастый» красный флаг был заменен на трехполосный бело-лазорево-алый как символ отрешения страны от коммунистического прошлого и движения вперед к демократической России. В 1994 году этот день, 22 августа, Указом Президента РФ был объявлен новым государственным праздником – Днём Государственного флага Российской Федерации (О Дне Государственного флага ..., 1994).

Пересмотру подверглись и другие официальные государственные символы, из них убиралось всё коммунистическое. Вместо прежнего «сталинского» гимна на музыку А. Александрова государственным гимном Российской Федерации стала мелодия незавершенного произведения М. Глинки «Патриотическая песня». Новым гербом демократической России стало изображение имперского двуглавого орла, увенчанного тремя императорскими коронами, держащего в лапах символы монаршей власти – скипетр и державу. На груди орла на щите – всадник, поражающий копьём змея. В борьбе с коммунистическим наследием авторов нового государственного символа ничуть не смущало, что царская самодержавная символика герба никак не сочеталась с заявленными демократическими ценностями и республиканской формой правления.

Следом был существенно обновлен календарь российских государственных праздников. Кроме упомянутого Дня Государственного флага Российской Федерации 22 августа, в нём появился праздник Дня Конституции Российской

Федерации 12 декабря (О Дне Конституции ..., 1994), объявленный выходным днем (до 2004 г. включительно), а также День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации (с 2002 года – День России), ежегодно отмечаемый 12 июня и тоже ставший выходным днем (О государственном празднике ..., 1994). Эти вновь учрежденные праздники странным образом соседствовали в календаре с прежними социалистическими – 1 мая и 7 ноября. Отменить их и вычеркнуть из календаря новые власти не решились.

В 1991 году, когда после провала государственного переворота ГКЧП компартия оказалась под запретом, ноябрьская демонстрация на Красной площади была отменена, что, впрочем, не помешало сторонникам КПСС устроить там многотысячный митинг. Социалистические настроения в обществе действительно были сильны. Так, по данным Левада-Центра в 1990 году 23% россиян считали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории народов России. Аналогичный результат (23%) был зафиксирован и в 1997 году. «Она стала для них катастрофой» – ответили в те годы 12% и 16%, соответственно. В 1990 году на вопрос социологов «Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на ваших глазах. Что бы вы стали делать?» 32% россиян ответили, что активно поддержали бы большевиков, и лишь 5% заявили, что боролись бы против них. К 1997 году эти значения изменились, но по-прежнему демонстрировали преимущественные симпатии к большевикам: 18% тех, кто активно бы поддержал большевиков, окажись они в ситуации Октября, и 8% тех, кто боролся бы с ними (Левада-Центр, 2005).

Учитывая противоречивые, подчас конфликтные унастроения граждан по поводу социалистического прошлого, демократическая российская власть пошла по пути постепенного игнорирования даты Октябрьской революции. С 1992 года второй праздничный день 8 ноября стал обычным рабочим днем, однако 7 ноября как годовщина Октябрьской революции по-прежнему оставался «красным днем календаря» и считался праздничным выходным. Массовые демонстрации, как в прежние времена, конечно, уже не проводились, но это не мешало коммунистическим организациям различного толка устраивать в этот день свои праздничные шествия и митинги по всем городам и весям страны. Кроме того, многие россияне по традиции отмечали 7 ноября в семейном кругу, ибо людям, привыкшим за несколько десятилетий к праздничному выходному дню в ноябре, непросто было отказаться от привычки. Примечательно, что даже в 2011 году, то есть спустя десятилетие после официального отказа страны от социалистического пути развития, добрая половина россиян желала отмечать социалистический по своей сути праздник 7 ноября как значимую дату (Большинство россиян ..., 2011).

Просто «забыть» прежний основополагающий государственный праздник оказалось не так просто. С одной стороны, сказывалась сила многолетней традиции празднований. Другим, не менее важным фактором, было то обстоятельство, что демократические власти новой России, отвернувшись от социалистического прошлого, в действительности, никакой, даже символической, декоммунизации не провели. Складывалось ощущение, что в стране всё изменилось, но при этом всё осталось прежним. Улицы, как и раньше, носили революционные названия, площади городов украшали памятники Ленину, на зданиях красовались мемориальные доски, посвященные революционным событиям ушедшей

эпохи. Само слово «октябрь» и производные от него по-прежнему сохранялись в топонимике многочисленных российских городов, поселков, улиц, парков, административных районов и отдельных кварталов. Коммунистическая партия как правопреемница КПСС легально возродилась в 1993 году под названием КПРФ. Всё это наследие окружало граждан демократической России, волей-неволей напоминало им о советском прошлом, ментально воспроизводило его и требовало мемориальной интерпретации.

Ряд шагов по забвению 7 ноября как дня Октябрьской революции российские власти сделали в середине 1990-х. Для того чтобы популярный праздник исчез или по крайней мере был вытеснен на периферию общественных ценностей, понадобилось пересмотреть всю систему памятных государственных дат. С 1995 года, согласно новому федеральному закону, 7 ноября становится Днем воинской славы России в честь военного парада, прошедшего на Красной площади в осажденной Москве 7 ноября 1941 года (О днях воинской славы ..., 1995). Неоднозначность ситуации состояла в том, что желая придать дате 7 ноября иной, неревOLUTIONный смысл, инициаторы Дня воинской славы напрямую напоминали обществу об Октябрьской революции. Ведь тот знаменитый парад остался в истории как «парад в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Это было его официальное историческое название, оно и перекочевало в новый российский закон (О днях воинской славы ..., 1995).

Возможно, по этой причине российское руководство пошло на следующий радикальный шаг и решило окончательно «забыть» день Октябрьской революции. В 1996 году по указу Президента РФ Б.Н. Ельцина 7 ноября вместо годовщины Октябрьской революции стал отмечаться как День согласия и примирения. При этом он по-прежнему оставался выходным днем. Интересно, что указ был датирован непосредственно 7 ноября и вступал в силу с момента подписания. То есть, когда жители Камчатки, отметив очередную годовщину Октября, ложились спать, москвичи должны были праздновать другой, заново учрежденный государственный праздник. Указ, помимо прочего, предписывал: «подготовить предложения по устранению противоречия конституционному принципу идеологического и политического многообразия, прежде всего в части использования скульптурных, живописных и других изображений на зданиях, внутри зданий и помещений государственных органов, организаций, учреждений и предприятий» (О дне согласия ..., 1996, п. 5, литер б), а также «принять меры по приведению в надлежащее состояние памятников жертвам революции, гражданской войны, политических репрессий независимо от их политической принадлежности» (О дне согласия ..., 1996, п. 7). Ни о каких героях революции, как видим, речь уже не шла, только о жертвах. Предстоящий 1997 год – год 80-летия Октябрьской революции – объявлялся Годом согласия и примирения (О Дне согласия ..., 1996, п. 2).

Праздник 7 ноября как День согласия и примирения просуществовал до 2004 года.

Что празднуем сегодня?

Избранный в 2000 году Президентом РФ В.В. Путин уже в самом начале своего правления принял ряд важных символических решений, идущих вразрез

с идеологическими устремлениями его предшественника. Первым делом стране был возвращен «сталинский» гимн на музыку А. Александрова (О Государственном гимне ..., 2020). Это вызвало волну возмущения со стороны демократической общественности. На всю страну старо-новый гимн официально прозвучал в новогоднюю ночь 1 января 2001 года после традиционного обращения президента. С тех пор Российская Федерация демонстрирует полную геральдическую эклектику: монархический герб, демократический флаг и большевистский гимн. Как говорится, на любой вкус...

Следующим шагом президента Путина стало возвращение воинским частям красных знамен. Красный цвет полковых знамен был традиционным в советские времена, но после 1991 года их постепенно заменяли на трехполосные, в соответствии с цветами нового государственного флага, что вызывало неоднозначную реакцию у военных за схожесть новых знамен со знаменами «власовцев». Теперь же знаменную символику, за исключением изображений серпа и молота, возвращали прежнюю. Кроме того, было учреждено знамя Вооруженных Сил РФ (в СССР такого, единого, знамени не было), где, опять-таки в эклектичной символической манере, на красном полотнище по углам располагались пятиконечные звезды и в центре – двуглавый орел (О знамени Вооруженных Сил ..., 2000).

В конце 2004 года произошло событие, окончательно вычеркнувшее 7 ноября из календаря нерабочих праздничных дней Российской Федерации: отдельным федеральным законом были приняты поправки в статью 112 Трудового кодекса РФ, устанавливающую перечень праздничных нерабочих дней на территории страны (О внесении изменений ..., 2004). Дня 7 ноября в обновленном перечне не было, зато появилась новая дата 4 ноября – День народного единства. Закон вступал в силу с 1 января 2005 года, соответственно, с 2005 года в России День 7 ноября перестал быть праздничным выходным днем. О нем уже официально не вспоминали ни как о «коммунистическом» Дне Октябрьской революции, ни как о «демократическом» Дне согласия и примирения.

Причина появления государственного праздника Дня народного единства 4 ноября вполне очевидна: им хотели заслонить, если не сказать жестче, – вытравить в массовом сознании воспоминания о «красном дне календаря» 7 ноября. Для этого на свет вытащили изрядно забытую историю четырехсотлетней давности об освобождении ополчением под предводительством К. Минина и Д. Пожарского московского Кремля. По версии организаторов праздника именно 4 ноября (в современном летоисчислении) ополченцы освободили Кремль, тем самым положив конец русской Смуте XVII века.

Будущий неуспех этого придуманного праздника был ясен с самого начала. За давностью лет события 1612 года не могли вызывать у наших современников сколь-нибудь заметной эмоциональной реакции, они не поддерживались и не воспроизводились ни в индивидуальной, ни в коллективной памяти россиян. Знания о них, дошедшие из школьных учебников, да и то не для всех, были неживой памятью. В этом случае, как отмечает А. Ассман (2019, с. 264), «публичная коммеморация, оторванная от биографических воспоминаний и личного опыта, становится принудительным трудом». Так и случилось. Начиная с 2005 года и по сей день россияне буквально принуждают праздновать этот непонятный праздник. По данным Левада-Центра, в 2005 году, когда в России впервые от-

мечали День народного единства 4 ноября, несмотря на развернутую властями масштабную пропагандистскую кампанию, лишь 8% граждан знали о новой дате и о новом государственном празднике (Левада-Центр, 2017). Спустя несколько лет узнаваемость праздника стала расти, но отмечает его ничтожно малое количество россиян. Так, к примеру, в 2017 году, по данным того же Левада-Центра, о Дне народного единства знало уже 53% россиян, однако праздновать его в том году планировали лишь 18% граждан (Левада-Центр, 2017). Праздник так и не стал народным. Более того, календарная близость двух дат порождает любопытный эффект, когда официальное празднование Дня народного единства 4 ноября невольно оживляла в памяти россиян другую, старательно «стираемую» дату – 7 ноября.

Нельзя не отметить и ту историческую оплошность, с которой была учреждена сама памятная дата 4 ноября, ставшая новым государственным праздником. Дело в том, что если мы хотим отмечать то или иное историческое событие день в день произошедшему, нам необходимо пересчитать даты с так называемого «старого» стиля (по юлианскому календарю) на «новый» (по григорианскому календарю), а разница между «старым» и «новым» стилем – величина непостоянная, она увеличивается с каждым столетием. Сейчас она составляет 13 дней (именно поэтому день Октябрьской революции, произошедшей 25 октября, мы отмечаем 7 ноября), а в 1612 году, когда произошли памятные события с освобождением московского Кремля, она составляла 10 дней.

Известно, что по «старому» стилю 22 октября войска ополчения освободили Китай-город, 26 октября была достигнута договоренность о капитуляции кремлевского гарнизона и освобождены члены Семибоярщины, 27 октября гарнизон капитулировал, 1 ноября войска ополчения торжественно вступили в Кремль.

Нетрудно посчитать, как эти события датируются по «новому» стилю. И так, 1 ноября – освобождение Китай-города, 5 ноября – договор о капитуляции гарнизона, засевшего в Кремле, и освобождение членов Семибоярщины, 6 ноября – капитуляция вступает в силу, гарнизон сдается на милость ополчению, 11 ноября – войска Пожарского торжественно вступают в Кремль. А что же произошло 4 ноября по григорианскому календарю, по «новому» стилю? Да, собственно, ничего. Недаром этот день никак не был отмечен в истории, но странным образом стал государственным праздником современной России.

Вероятно, инициаторы Дня народного единства в силу собственной исторической некомпетентности просто ошиблись в пересчете дат с юлианского на григорианский календарь. День освобождения Кремля в 1612 году логичнее отмечать, если есть в этом нужда, по «новому» стилю или 6 ноября, или 11-го, но никак не 4-го.

Впрочем, вокруг установления праздничной даты 4 ноября возникли две конспирологические версии. Первая гласит, что дата 4 ноября была выбрана в качестве праздничного выходного дня по вполне прагматическим соображениям (4 ноября: ни праздника ..., 2017). В 2005-м, когда новый праздник должен был впервые отмечаться, 4 ноября приходилось на пятницу, что делало удобным приплюсовать придуманный праздник к законным выходным вместо приходящегося на понедельник 7 ноября, и никого, таким образом, не обидеть. «Ельцинский» День согласия и примирения упразднили, новый «путинский»

праздник – День народного единства – учредили. Всё хорошо, вместо двух выходящих – по-прежнему три.

Другая версия связывает эту дату с лоббированием интересов Русской Православной церкви, которая 4 ноября отмечает день Казанской иконы Божией матери. Действительно, в этот день (по старому стилю – 22 октября) князь Д. Пожарский вошел в Китай-город с иконой Казанской Богородицы и дал обещание после победы построить церковь во имя иконы Пресвятой Богородицы Казанской. Здесь разница в 13 дней, а не 10, вполне оправдана, так как РПЦ и сейчас живет по старому, юлианскому, календарю, и пересчитывать церковный праздник сегодня нужно именно так (Шабанов, 2012). Если версия о лоббировании РПЦ верна, то это означает, что светская, как записано в ее конституции, Россия учредила новый государственный праздник и нерабочий день в честь празднования православной иконы.

Заключение

За тридцать лет старательного забвения от Октябрьской революции в национальной памяти россиян не осталось почти ничего. Даже столетний юбилей революции в 2017 году официальные власти молчаливо проигнорировали. Попытка же переделать мемориальную систему и заменить «красный день календаря» псевдоисторическим эрзацем тоже не привела к успеху: 4 ноября оказалось удобной для подмены датой, но совершенно бессодержательной и пустой для конструирования исторической политики. На ней основополагающего мифа легитимности нынешнего режима не построишь. Единственной памятной датой, способной этот миф сотворить, оказалось 9 мая – день Победы советского народа в Великой Отечественной войне. И этому есть объяснение.

В 2005 году, в том самом году, когда 7 ноября окончательно вычеркнули из праздничного календаря, президент Путин говорит о распаде Советского Союза как крупнейшей геополитической катастрофе XX века (Послание Президента ..., 2005). За этими словами скрывалась не ностальгия по СССР (иначе зачем бы он упразднял главный праздник Советского Союза), а сожаление об утрате былой мощи государства, способного на равных, а иногда с чувством превосходства, говорить с остальным миром. Двумя годами позже, в 2007 году, Путин произносит знаменитую Мюнхенскую речь, в которой «без особого политеса, как он сам выразился, обозначил ужесточение внешней политики России по отношению к странам Запада (Путин, 2007). Участники конференции тогда однозначно восприняли слова российского президента как агрессивный вызов, как начало новой Холодной войны (Как шпион шпиону ..., 2007). Дальнейшие события показали, что опасения были не напрасны: в 2008 году Россия вступила в вооруженный конфликт с Грузией, в 2014 году начался конфликт с Украиной, в 2015 году российский военный контингент был направлен в Сирию для участия в гражданской войне на стороне правительственных войск. Всё чаще из уст российского президента и других официальных лиц стали звучать нотки угроз и готовности к решительным действиям на мировой арене. Кремлевские пропагандисты рисовали российскому обывателю картину «осажденной крепости» и призывали сплотиться перед внешними вызовами. В стране возобладала идеология антизападничества, «особого пути», державности и милитаризма.

Вот тут и пригодился День Победы. Праздник, несколько потускневший в 90-е годы прошлого века, благодаря государственным усилиям в 2010-х, обрёл второе дыхание. По сути, он был единственным, дошедшим до нас с советских времен без особых изменений. Однако за годы путинского правления грандиозность торжеств росла год от года. Апофеозом стало празднование 70-летия Победы в 2015 году, своим масштабом и материальными вложениями превзошедшее все предыдущие празднования, в том числе и советские, когда еще были живы участники той войны. Подчас складывалось ощущение, что это они, нынешние руководители России, одержали победу, и День Победы празднуют в их честь. При Путине существенно изменился и праздничный нарратив: вместо «никогда не должно повториться» – так говорили 9 мая в советские годы – зазвучали призывы «можем повторить», намекая на готовность огнем и мечом пройти пол-Европы и водрузить над поверженными европейскими столицами российские знамена. Даже искреннюю народную инициативу памятования Дня Победы государство мгновенно приватизировало. «Георгиевская ленточка», придуманная когда-то новосибирской журналисткой Натальей Лосевой, стала обязательным атрибутом государственных победных торжеств, а акция «Бессмертный полк», впервые прошедшая в Томске по инициативе местных журналистов, под государственным патронажем стала своеобразным соревнованием между губернаторами и мэрами городов – у кого колонна будет больше.

Мемориальная активация Дня Победы с неизбежностью возродила в обществе миф о Сталине, и не только как победителе фашизма, но и справедливо руководителе, твердой рукой приведшим страну через тяжелые испытания. Этот обновленный сталинский миф заслонил собой официальное памятование реальных драматических событий советской истории – коллективизацию, массовый голод, политические репрессии, ГУЛАГ. Да и сама Великая Отечественная война стала всё чаще вспоминаться исключительно победными наступательными операциями при стыдливом умолчании о трагедии отступления и угрозе почти полного разгрома армии в 1941–1942 годах. Те же историки и гражданские активисты, кто пытается сохранить и передать о войне всю объективную картину произошедшего (подчас, весьма неприглядную), получают нередко уничижительные прозвища «либералов», «иностранных агентов» и «фальсификаторов исторической правды».

Наблюдается любопытное явление: по мере того как живая коллективная память непосредственных участников той войны по естественным причинам слабеет и вот-вот утратится, поскольку ветераны неотвратимо уходят, им на смену приходят новые поколения, с энтузиазмом продолжающие эстафету памяти о войне. Если раньше на трибунах можно было видеть седых ветеранов Великой Отечественной, то сегодня все чаще и чаще их место занимают ветераны более поздних вооруженных конфликтов и локальных войн: афганской, чеченской, грузинской. День Победы они отмечают как свой личный праздник, так же как и сотни тысяч участников маршей «Бессмертного полка». Только их память о Второй мировой войне, надо понимать, вовсе не та, что была у ее непосредственных участников. Их память – это во многом продукт социальной инженерии и усилий государственной исторической политики. Но именно такая память, местами приукрашенная, несовпадающая с живой памятью ветеранов, и формирует сегодня долговременную национальную память россиян.

Вместе с тем не надо усматривать причину столь мощного ренессанса Дня Победы только в эгоистических интересах властей. Праздник пользуется колоссальной общественной поддержкой и является поистине народным. Похоже, что после десятилетий «идейного безвременья» пост-коммунистический российский народ наконец-то обрел в Дне Победы систему координат и точку сборки национальной идентичности. После идеологической дезориентации, связанной с утратой прежнего главного праздника страны – Дня Октябрьской революции, – День Победы служит едва ли не единственной надежной опорой национальной памяти россиян.

Список литературы

1. *4 ноября: ни праздника, ни единения* (2017, 4 ноября). Взято 29 марта 2020, с <https://3ruble.livejournal.com/1109956.html>
2. Ассман, А. (2019). *Забвение истории – одержимость историей*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Баскаков, О. (2019, 7 ноября). *День Октябрьской революции 1917 года в России*. Взято 20 марта 2020, с <https://www.kp.ru/putevoditel/istoria/den-oktyabrskoj-revoljutsii-1917>
4. *Большинство россиян желают отмечать праздник 7 ноября – опрос* (2011, 3 ноября). Взято 23 марта 2020, с <https://regnum.ru/news/polit/1463080.html>
5. *Как шпион шпиону. Министр обороны США вступает в полемику с президентом России* (2007, 12 февраля). Взято 31 марта 2020, с <https://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/>
6. Левада-Центр (2005, 2 ноября). *Отношение россиян к Октябрьской революции 1917 года* [пресс-выпуск]. Взято 23 марта 2020, с <https://www.levada.ru/2005/11/02/otnoshenie-rossiyan-k-oktyabrskoj-revoljutsii-1917-goda/>
7. Левада-Центр (2017, 2 ноября). *Россияне запутались в праздниках*. Взято 29 марта 2020, с <https://www.levada.ru/2017/11/02/rossiyane-zaputalis-v-prazdnikah/>
8. *О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 года (№ 201-ФЗ)* (Россия). Взято 27 марта 2020, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21840>
9. *О Государственном гимне Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года (№ 3-ФКЗ)* (Россия). Взято 27 марта 2020, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16407>
10. *О государственном празднике Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июня 1994 года (№ 1113)* (Россия). Взято 21 марта 2020, с <http://kremlin.ru/acts/bank/6215>
11. *О Дне Государственного флага Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 августа 1994 года (№ 1714)* (Россия). Взято 21 марта 2020, с <http://www.rusflag.ru/docm/ukazdgf.htm>
12. *О Дне Конституции Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 19 сентября 1994 года (№ 1926)* (Россия). Взято 22 марта 2020, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7038>

13. *О Дне согласия и примирения: указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 года* (№ 1537) (Россия). Взято 27 марта 2020, с http://businessuchet.ru/pravo/DocumShow_DocumID_48351.html

14. *О днях воинской славы и памятных датах России: федеральный закон от 13 марта 1995 года* (№ 32-ФЗ) (ред. от 03.08.2018) (Россия). Взято 24 марта 2020, с <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304123&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8395679952958685#05791722229219185>

15. *О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации и знаменах других войск: федеральный закон от 29 декабря 2000 года* (№ 162-ФЗ) (Россия). Взято 27 марта 2020, с <https://zakonbase.ru/content/base/41069>

16. *Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации* (2005, 25 апреля). Взято 31 марта 2020, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

17. Путин, В. В. (2007, 10 февраля). *Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности*. Взято 31 марта 2020, с <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

18. Фурман, Д. (2007). Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств. В М. Липман и А. Рябов (Ред.), *Пути российского посткоммунизма: Очерки* (с. 234–272). М.: Р. Элинина.

19. Шабанов, П. (2012, 4 ноября). *Что мы празднуем 4 ноября? Праздник безграмотных депутатов* [блог]. Взято 29 марта 2020, с <https://echo.msk.ru/blog/belorizec/947629-echo/>

References

1. *4 noyabrya: niprazdnika, niedineniya* [November 4: no celebration, no unity]. (2017, November 4). Retrieved March 29, 2020, from <https://3ruble.livejournal.com/1109956.html>

2. Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej* [Oblivion of history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Baskakov, O. (2019, November 7). *Den' Oktyabr'skoj revolyucii 1917 goda v Rossii* [Day of the October Revolution of 1917 in Russia]. Retrieved March 20, 2020, from <https://www.kp.ru/putevoditel/istoria/den-oktyabrskoj-revoljutsii-1917>

4. *Bol'shinstvo rossiyan zhelayut otmechat' prazdnik 7 noyabrya – opros* [Most Russians want to celebrate the holiday on November 7 – poll]. (2011, November 3). Retrieved March 23, 2020, from <https://regnum.ru/news/polit/1463080.html>

5. Furman, D. (2007). *Obshchee i osobennoe v politicheskom razvitii postsovetskikh gosudarstv* [General and special in the political development of post-Soviet states]. In M. Lipman, & A. Ryabov (Eds.), *Puti rossijskogo postkommunizma: Oчерки* (pp. 234–272). Moscow: R. Elinina.

6. *Kak shpion shpionu. Ministr oborony SSHA vstupaet v polemiku s prezidentom Rossii* [Like a spy to a spy. US Secretary of Defense Enters into Debate with Russian President]. (2007, February 12). Retrieved March 31, 2020, from <https://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/>

7. Levada Center (2005, November 2). *Otnoshenie rossiyan k Oktyabr'skoj*

revolyucii 1917 goda – press-vypusk [The attitude of Russians to the October Revolution of 1917 – press release]. Retrieved March 23, 2020, from <https://www.levada.ru/2005/11/02/otnoshenie-rossiyan-k-oktyabrskoj-revoljutsii-1917-goda/>

8. Levada Center (2017, November 2). *Rossiyanе zaputalis' v prazdnikah* [Russians messed up in the holidays]. Retrieved March 29, 2020, from <https://www.levada.ru/2017/11/02/rossiyanе-zaputalis-v-prazdnikah/>

9. *O Dne Gosudarstvennogo flaga Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20 avgusta 1994 goda* (№ 1714) [On the Day of the State Flag of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of August 20, 1994 (No. 1714)]. (Russ.) Retrieved March 21, 2020, from <http://www.rusflag.ru/docm/ukazdggf.htm>

10. *O Dne Konstitucii Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 sentyabrya 1994 goda* (№ 1926) [On the Day of the Constitution of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of September 19, 1994 (No. 1926)] (Russ.) Retrieved March 22, 2020, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7038>

11. *O Dne soglasiya i primireniya: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 noyabrya 1996 goda* (№ 1537) [On the Day of Consent and Reconciliation: Decree of the President of the Russian Federation of November 7, 1996 (No. 1537)]. (Russ.) Retrieved March 27, 2020, from http://businessuchet.ru/pravo/DocumShow_DocumID_48351.html

12. *O dnyah vojskoj slavy i pamyatnyh datah Rossii: federal'nyj zakon ot 13 marta 1995 goda* (№ 32-FZ) (red. ot 03.08.2018) [On the days of military glory and memorable dates of Russia: federal law of March 13, 1995 (No. 32) (as amended on August 3, 2018)] (Russ.) Retrieved March 24, 2020, from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=304123&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8395679952958685#05791722229219185>

13. *O Gosudarstvennom gimne Rossijskoj Federacii: federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 25 dekabrya 2000 goda* (№ 3-FKZ) [On the National Anthem of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of December 25, 2000 (No. 3)] (Russ.) Retrieved March 27, 2020, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16407>

14. *O gosudarstvennom prazdnike Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyunya 1994 goda* (№ 1113) [On the public holiday of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of June 2, 1994 (No. 1113)] (Russ.) Retrieved March 21, 2020, from <http://kremlin.ru/acts/bank/6215>

15. *O vnesenii izmenenij v stat'yu 112 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2004 goda* (№ 201-FZ) [On amendments to Article 112 of the Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2004 (No. 201)] (Russ.) Retrieved March 27, 2020, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21840>

16. *O znamenih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii, znamenih Voennno-Morskogo Flota, znamenih inyh vidov Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii i znamenih drugih vojsk: federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2000 goda* (No. 162) [On the banner of the Armed Forces of the Russian Federation, the banner of the Navy, the banners of other types of the Armed Forces of the Russian Federation and the banners of other troops: federal law of December 29, 2000 (No. 162)] (Russ.) Retrieved March 27,

2020, from <https://zakonbase.ru/content/base/41069>

17. *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii* [Message from the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation] (2005, April 25). Retrieved March 31, 2020, from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

18. Putin, V. V. (2007, February 10). *Vystuplenie i diskussiya na Myunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti* [Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy]. Retrieved March 31, 2020, from <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

19. Shabanov, P. (2012, November 4). *Chto my praznuem 4 noyabrya? Prazdnik bezgramotnyh deputatov* [What do we celebrate on November 4th? Illiteracy Day] [blog]. Retrieved March 29, 2020, from <https://echo.msk.ru/blog/belorizec/947629-echo/>

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: К ПРЕОДОЛЕНИЮ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ДИХОТОМИИ (на примере Первой мировой войны)*

Поршнева Ольга Сергеевна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории международных
отношений,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-000232657010,
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2020, принята к публикации 09.06.2020

Для цитирования: Поршнева О.С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 128-141. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10208

Аннотация

Целью статьи является разработка методологических принципов и условий преодоления теоретической дихотомии в исследовании политики памяти применительно к Первой мировой войне. Показано существование двух основополагающих парадигм в исследовании проблемы: «политической»/национальной, восходящей к трудам Э. Хобсбаума и Б. Андерсена, и, с другой стороны, – транснациональной и транскультурной, обоснованной в работах Дж. Уинтера. Проанализированы эвристические возможности и ограничения обоих подходов, достижения в изучении политики памяти на их основе, выявлены элементы, позволяющие реализовать методологический синтез, обозначены перспективы создания комплексной теории и инструментария исследования темы. Показаны первые шаги в историографии

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

© Поршнева О.С., 2020

по преодолению ограниченности обоих подходов, соединяющие «национальную»/политическую и транснациональную/антропологическую перспективы исследования. Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и предложением путей ее решения.

Ключевым для преодоления методологической дихотомии в изучении темы может стать выявление и интерпретация связи между актуальными общественно-политическими процессами, образом военного прошлого и практиками коммемораций. Данная взаимосвязь воплощается в «борьбе за память» государства и общества, проявляется в изменении ритуальной политики и заложенных в ней «посланий», корректировке коммеморативных практик. Вовлечение в анализ факторов международного характера, внутривнутриполитических процессов, мемориальных инициатив гражданского общества позволяет более глубоко осмыслить преемственность и разрыв в национальных традициях памяти и способах их репрезентации, выявить взаимосвязь национальных, социальных и индивидуальных форм и вариантов памяти о Великой войне.

Показано, что взаимодействие государства и общества в процессе выработки коллективной памяти о войне происходит особенно активно в периоды подготовки и проведения годовщин ее событий, и, в первую очередь – юбилеев. В эти годы акторы политики памяти прилагают усилия по формированию, корректировке, изменению/сохранению ритуалов и заложенных в них посланий, отражающих то или иное толкование смысла человеческих жертв и потерь и, в целом, – смысла войны. Приобретая возросшую общественную значимость, военные юбилеи превращаются в медийные события, являются пространством борьбы и взаимодействия мемориальных нарративов.

Ключевые слова:

Политика памяти, Первая мировая война, методология, юбилеи.

UDC 32.019.51

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10208

THE STUDY OF THE POLITICS OF MEMORY: TO OVERCOME THE METHODOLOGICAL DICHOTOMY (On the Example of the First World War)

Porshneva Olga Sergeevna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ural Institute of Humanities,
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of Theory and History of the International Relations,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-000232657010,
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Article received on March 26, 2020, accepted on June 9, 2020

To cite this article: Porshneva, O.S. (2020). Issledovanie politiki pamyati: k preodoleniyu metodologicheskoy dixotomii (na primere Pervoj mirovoj vojny) [The study of the politics of memory: To overcome the methodological dichotomy (on the example of the First World War)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 128-141. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10208

Abstract

The goal of the article is to develop methodological principles and conditions for overcoming the theoretical dichotomy in the study of memory politics in relation to the First World War. The existence of two fundamental paradigms in the study of the problem is shown: "political"/national, going back to the works of E. Hobsbawm and B. Anderson, and, on the other hand, transnational and transcultural, substantiated in the works of J. Winter. Heuristic possibilities and limitations of both approaches, advances in the study of memory politics based on them are analyzed; the elements that enable the implementation of methodological synthesis are identified; the prospects for creating a comprehensive theory and tools for researching the topic are shown. The author analyzes first historical works which overcoming the limitations of both approaches, combining the "national"/political and transnational/anthropological perspectives of the study. The scientific novelty of the article is determined by the statement of the problem and the suggestion of ways to solve it.

The key to overcoming the methodological dichotomy in the study of the topic may be identified as revelation and interpretation of the relationship between current socio-political processes, the image of the war past and the practice of commemoration. This relationship is embodied in the "struggle for memory" of the state and society, manifested in a change in the ritual policy and the "messages" embodied in it, and in the adjustment of commemorative practices. Involvement in the analysis of factors of an international character, domestic political processes, memorial initiatives of civil society allows us to more deeply understand the continuity and discontinuity in the national traditions of memory; it also helps us to comprehend the ways of their representation, to identify the relationship of national, social and individual forms of memory about the Great War.

It is shown that the interaction of the state and society in the process of developing a collective memory of the war is especially active during the preparation and conduct of the anniversaries of its events, and, in the first place, jubilees. During these years, memory politics' actors have been making efforts to formulate, correct, modify/preserve the rituals and messages embedded in them, reflecting one or another interpretation of the meaning of human casualties and losses, and, in general, the meaning of war. Acquiring increased social significance, military anniversaries turn into media events, being a space of struggle and interaction of memorial narratives.

Keywords:

politics of memory, World War I, methodology, anniversaries.

Введение

Первая мировая война, как тотальная война, самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением. Она породила современные методы и инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, возможность переделки сознания и поведения человека (Холквист, 1999, с. 83–101). Тем самым Первая мировая война дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики в XX веке.

В трактовке термина «политика памяти» мы разделяем подход А. Миллера, который вводит его как понятие «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а историческую политику, – как частный случай политики памяти, для которой «характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов» (Националистическая платформа или либеральные ..., 2017).

В советской России/СССР, в отличие от Запада, официальная память об «империалистической» войне была превращена в элемент мифа о Революции, подчинена его логике, а сама война оказалась «забытой» на целый ряд десятилетий¹. В Европе уже в межвоенный период память о Великой войне, как ее называли современники, стала доминирующим мемориальным проектом (Колоницкий, 2014 с. 199–216), сохраняющим важное общественное значение по сей день. Этот фактор, наряду с дискуссионностью ряда аспектов осмысления политики памяти в отношении Первой мировой войны, определяет актуальность рассмотрения современных концепций западной историографии, применяющихся при изучении рассматриваемого явления. Их анализ позволяет не только прояснить эвристический потенциал сложившихся методологических подходов, их возможности и ограничения, но и более глубоко осмыслить природу политического, наметить пути методологического синтеза в исследовании политики памяти и мемориальной культуры.

Историческая память и политика памяти в отношении Первой мировой войны, становление и эволюция мемориальной культуры стали популярными темами, воплощающими «мнемонический поворот» в историографии, наблюдающийся с 1980-х гг. по настоящее время (Ashplant et al., 2004; Heathorn, 2005; Hynes, 1990; Mosse, 1990; Winter, 1996, 2006). В исследовании этой проблематики проявилась приверженность авторов двум основополагающим парадигмам: во-первых, «политической»/национальной, восходящей к трудам Э. Хобсбаума и Б. Андерсена (Anderson, 1991; Hobsbawm, & Ranger, 1993), рассматривающей феномены памяти как тесно связанные с ритуалами и практиками национальной самоидентификации – ключевого элемента символического репертуара, «скрепляющего» нацию-государство и объединяющего граждан благодаря формирова-

¹ Понятие «Забытая война» применительно к Первой мировой войне должно использоваться с оговорками, для сравнения политики памяти и мемориальной традиции в России и на Западе (см. Поршнева, 2019).

нию коллективной национальной идентичности; во-вторых, транснациональной и транскультурной, обоснованной в работах Дж. Уинтера (Winter, 1996, 2006), в рамках которой практики коммемораций рассматриваются в антропологическом ключе, как выражение человеческой скорби и потребности в психологической реабилитации от потерь и пережитых страданий. В данной парадигме мемориальные практики интерпретируются как естественная реакция человека на смерть и страдания, в огромных масштабах порождаемых войной, выражение универсальной человеческой потребности в публичных ритуалах поминовения.

Результаты исследования

Для разработки путей преодоления указанной дихотомии рассмотрим эвристические возможности и ограничения обоих подходов, выявим элементы, позволяющие реализовать методологический синтез, обозначим перспективы создания комплексной теории и инструментария исследования.

Определяющую роль в формировании национальной идентичности, как подчеркивал один из основоположников «политической» парадигмы Б. Андерсон, играет мемориализация военного прошлого и связанная с ней символическая политика. «У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата. Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто внутри них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории», – пишет Б. Андерсон (Anderson, 1991, p. 9).

Б. Андерсон объяснил происхождение нарративов национальной идентичности, определяющих национальный дискурс памяти, связав их со спецификой мнемонических процессов. Он писал, что человек не может достоверно вспоминать свое далекое прошлое, так как все глубинные изменения в сознании, в силу самой своей природы, несут с собой и характерные амнезии. Из таких забвений в особых исторических обстоятельствах рождаются нарративы идентичности: поскольку об идентичности нельзя «помнить», необходимо ее «рассказывать» (Anderson, 1991, p. 204). Национальная идентичность строится на нарративе, связывающем настоящее с прошлым, «отсылающем» к историческому прошлому. «Поскольку у нации нет Творца, – пишет Б. Андерсон, – ее биография не может быть написана по-евангельски, «от прошлого к настоящему»... Единственная альтернатива – организовать ее «от настоящего к прошлому» (Anderson, 1991, p. 205).

Другой «отец-основатель» парадигмы, Э. Хобсбаум, обосновал роль «изобретенных традиций» в формировании и закреплении ценностей национального государства. Он отмечал, что изобретенные традиции означают набор практик, в основе которых находятся открыто или молчаливо принятые правила ритуальной и символической природы. Они направлены на привитие определенных ценностей и норм поведения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым (Hobsbawm & Ranger, 1993, p. 78–79). При этом правила, ценности и нормы изобретенных традиций подразумевают установление преемственности с «подходящим» историческим прошлым. Новые традиции – это ответы на актуальные ситуации, которые приобретают форму ссылки на древнее, «славное

прошлое» (Hobsbawm & Ranger, 1993, p. 1–2). Таким образом, Э. Хобсбаум объясняет роль «изобретенной» традиции тем, что в быстро меняющемся мире модернизировать государство нуждаются в обосновании стремительных изменений путем их легитимации с помощью традиции.

Дж. Уинтер, лидер второго направления, в свою очередь подчеркивает универсальный характер мемориальных практик, как выражения потребности «вернуть тела погибших домой, положить их на вечный покой символически и физически», что, по его мнению, предопределило всеобщий характер коммемораций после войны 1914–1918 гг. (Winter, 1996, p. 28)². Уинтер рассматривает военные мемориалы как центры ритуалов, риторики и церемоний утраты, выражавших экзистенциальные аспекты, связанные с индивидуальными переживаниями, объединявшими людей в группы со сходным опытом – «fictive kinship groups». Военные мемориалы были, таким образом, – заключает Уинтер, – связаны не только с художественными формами, политическими, национальными ожиданиями и коллективными репрезентациями, но и со сходным опытом, потребностями и активностью конкретных людей (Winter, 1996, p. 78–79; Winter, 2006, p. 139–143). Подчеркивая важность исследования роли социальных акторов мемориальных процессов, Дж. Уинтер призывает уважать национальные формы памяти, избегая «ослепления ими». Места памяти, отмечает он, создаются не только народами, но в первую очередь небольшими группами мужчин и женщин, которые выполняют работу памяти. Они являются «социальными агентами» памяти, без их работы коллективная память не существовала бы (Winter, 2006, p. 136). Он характеризует язык и способы коммемораций, порожденные Великой войной, – поэзию и прозу, документальную и художественную, монументальное и изобразительное искусство, – подчеркивая их универсальные черты. Характеризуя европейскую мемориальную культуру, он пишет: «Поэзия воскрешала павших на войне в памяти с помощью метафор, общих для всех языков» (Winter, 1996, p. 73), «два мотива – война как благородное и возвышающее дело и как трагедия, невыносимое горе присутствовали во всех послевоенных мемориалах. Баланс между ними не был зафиксирован, использовались традиционные религиозные символы» (Winter, 1996, p. 85).

В более поздних работах Дж. Уинтер уделил значительное внимание анализу путей превращения личного опыта комбатантов в элементы культурной памяти, выявлению механизмов этого процесса. Последнее позволяет более глубоко осмыслить соотношение опыта войны и памяти о ней на уровне индивидуальной психики и индивидуального сознания. Уинтер пишет: «Со временем их (солдат, комбатантов – О.П.) военный опыт стал основным материалом, из которого возникли новые политические и социальные идентичности. «Опыт» не изменился; изменилось только его положение. Субъекты не могут охватить опыт внешнего мира; они строят опыт внутри себя, как часть их чувства того, кто они есть» (Winter, 2006, p. 115). «Опыт» меняется по мере изменения жизни рассказчика. Поскольку идентичности не зафиксированы, ничто не является

² Следует заметить, что исключением среди стран-участниц войны стала советская Россия, где память о героях Первой мировой была вытеснена из общественного сознания памятью о жертвах Революции и Гражданской войны, а коммеморации были посвящены героям нового, а не старого режима.

«опытом». Это «история» субъекта, выраженная в определенный момент на языке субъекта. Этот язык не универсален; он является специфическим, локализованным и в основном региональным или национальным по форме» (Winter, 2006, p. 116).

По справедливому замечанию Стефана Хиторна, использование Уинтером термина «места памяти» в названии и тексте его работы, свидетельствует о признании им концепции Пьера Нора и парадигмы «коллективной памяти» (Heathorn, 2005, p. 1111). Нора предложил подход к изучению памяти, в котором акт запоминания рассматривается как сложная социальная и культурная конструкция, в которой конкретные места/объекты ассоциируются с конкретными представлениями о прошлом. При этом память о прошлом и профессиональное историческое знание им принципиально различаются (Нора, 1999). Память в этой концепции выступает как динамическое взаимодействие, существующее между прошлым и настоящим, которое может быть проанализировано путем исследования значений, приписываемых оставшимся следам воспоминаний и местам памяти. Очевидно, что этот подход предполагает приоритетное внимание к изучению политики памяти и задействованных в ней коммеморативных процессов, конструирующих и закрепляющих конкретное значение событий прошлого, востребованное настоящим.

Разграничение истории и памяти как двух форм «работы с прошлым» характерно и для основоположника концепции коллективной памяти М. Хальбвакса. Основная идея Хальбвакса заключается в том, что память имеет социальную природу, память индивида конструируется концептуальными структурами, разделяемыми сообществом, или групповыми идентичностями (Хальбвакс, 2007). П. Хаттон справедливо замечает, что теория Хальбвакса особенно привлекательна для историков, изучающих политику коммемораций, так как они опираются на его идею о том, что коллективная память постоянно подвергается ревизии, чтобы соответствовать задачам настоящего (Хаттон, 2004, с. 42).

Данный методологический подход, как постмодернистский, вызывает возражения П. Хаттона, который ставит под сомнение правомерность исследования памяти как сознательного конструирования прошлого, осуществляемого с помощью целенаправленных техник коммемораций. В противовес этому Хаттон подчеркивает роль традиции в репрезентациях прошлого и его восприятии: «Историки коммеморации стремились заключить в скобки вопрос о том, что может быть аутентичным в традиции или какой силой влияния прошлое обладает само по себе, независимо от наших сознательных попыток его восстановить» (Хаттон, 2004, с. 13). Хаттон не только постулирует объективное существование национальных традиций, но и их влияние на восприятие обществом своего прошлого. Это относится и к традициям историописания, так как история, по Хаттону, – разновидность памяти: «Историки также погружены в традицию и обязаны признать ее власть» (Хаттон, 2004, с. 74), так как «воображение, подразумеваемое в скрытых привычках нашего ума, остается важным для занятий историка» (Хаттон, 2004, с. 73).

Важную роль в понимании механизмов реализации политики памяти играет разработанная Яном Ассманом теория культурной памяти. Культурная память трактуется Ассманом как особая символическая форма фиксации и передачи культурных значений: «Прошлое скорее сворачивается здесь в символические

фигуры, к которым прикрепляется воспоминание», – пишет он (Ассман, 2004, с. 54). Культурная память является формализованной и ритуализованной, выражается в текстах и коммеморативных практиках, мемориальных памятниках разного рода, сохраняется традицией. Культурная память, по мысли Я. Ассмана, принципиально отличается от коммуникативной памяти – живой, мало формализованной, недолговечной, представленной «повседневной» памятью участников и очевидцев событий (Ассман, 2004, с. 51).

Политика памяти, как очевидно, направлена на актуализацию и закрепление в сознании общества конкретных смыслов тех или иных событий прошлого посредством символов, ритуалов, церемоний, мемориалов, превращения их в элементы культурной памяти. Поскольку культурная память включает нормативно-ценностный компонент и выступает в качестве одного из регуляторов социального поведения, наиболее активным актором политики памяти является государство. Власть использует инструменты политики памяти для поддержания/трансформации культурной памяти общества посредством закрепления в его сознании актуальных, с ее точки зрения, символов и образов исторических событий. Особую роль в этом играют мемориалы, которые, как пишет антрополог К. Вердери, «могут заново обозначить пространство и время, способствовать созданию и консолидации новых идентичностей и сакрализовать новые власти» (Орловски, 1999, с. 53).

Современные теоретические достижения лингвистов, антропологов и других представителей гуманитарных наук позволяют связать исследование памяти с традициями и интерпретативными практиками этнических и национальных сообществ. Это дает новые междисциплинарные основания изучению политики памяти и публичных коммемораций, не противоречащие подходам национальной парадигмы, и одновременно вовлекает культурно-психологический ракурс рассмотрения этих феноменов. Как отмечает Ю.Ю. Хмелевская, «лингвисты и специалисты в сфере коммуникации пришли к выводу, что вспоминать – это значит прочитывать прошлое; такое чтение требует лингвистических (языковых) навыков, характерных для традиций объяснения и рассказа в данной культуре, и представляет прочитанное в нарративе, который своим значением глубоко связан с интерпретативными практиками сообщества» (Хмелевская, 2004, с. 12). Результаты изучения антропологами «телесных» практик, воплощающихся в церемониях и ритуалах, позволили углубить понимание природы публичных коммемораций как особой формы коллективного припоминания, которая может быть интерпретирована подобно языку или писаному тексту (Хмелевская, 2004, с. 12).

Политический/национальный и психологический аспекты рассмотрения темы не могут быть, как очевидно из вышеизложенного, разделены «непроеходимой стеной». Это связано и с тем, что политика памяти всегда включает в себя скорбь (ритуалы скорби), а также способы преодоления психологических и физических потерь, связанных с войной (Ashplant et al., 2004, p. 9).

Кроме того, в процессе и того, и другого взаимодействуют их составляющие элементы и акторы: государство, гражданское общество и индивиды, поскольку все они вовлечены в конструирование конкретного смысла и значения смерти на войне. При этом коммеморативная активность гражданского общества находит место в контексте «официальных толкований», влияющих

на понимание того, кого и в каких терминах следует вспоминать. Можно согласиться с авторами коллективной монографии «Commemorating War: The Politics of Memory» в том, что и тот, и другой подходы не могут прояснить до конца пути трансформации национальных/социальных нарративов памяти в индивидуальные и их взаимодействия. Чтобы избежать методологической дихотомии, – справедливо утверждают авторы, – надо подвергнуть теоретическому анализу взаимосвязи между официальными (государственными), гражданскими и индивидуальными элементами политики памяти и практик коммемораций (Ashplant et al., 2004, p. 11–12). Следует изучать политический и культурный процессы, воплощающие память и наделение смыслом ритуалов; проследить эффекты этих процессов и конфликты их сопровождающие, – все то, что обеспечивает переход от сферы социального к сфере индивидуального и наоборот (Ashplant et al., 2004, p. 11–12).

В русле методологического подхода, «соединяющего» политические и культурно-психологические аспекты коммемораций и памяти о войне, правомерно исследовать взаимодействие акторов политики памяти в процессе модификации, поддержания и наделения смыслом ритуалов, посвященных Первой мировой войне в 20 – начале 21 вв. Следует учесть, что в процессе выработки коллективной памяти о войне, закрепленной в государственных ритуалах, данное взаимодействие происходило особенно активно в периоды годовщин военных событий, и, в первую очередь, – их юбилеев. В эти годы акторы политики памяти предпринимали усилия по формированию, корректировке, изменению/сохранению ритуалов и заложены в них посланий, отражавших то или иное толкование смысла человеческих жертв и потерь и в целом – смысла войны. Эти усилия наглядно демонстрирует история межвоенного периода (Hynes, 1990; Theodosiou, 2018).

Юбилеи Великой войны на Западе после Второй мировой войны, начиная с 50-й годовщины, демонстрировали неуклонный рост общественного внимания к многообразным аспектам и проявлениям военного опыта, истории Первой мировой войны (Brand, 2014). Приобретая возросшую общественную значимость, военные юбилеи создавали возможность для проявления конкурирующих вариантов памяти, что ярко проявилось в период 100-летнего юбилея событий Первой мировой войны в 2014–2018 гг. Правительства большинства стран-участниц войны непрерывно испытывали давление различных общественно-политических сил, активных в «борьбе за память», по-разному на него реагируя, вступая то в диалог с ними, а то и в противостояние и даже конфликт. В частности, в Великобритании в дни 100-летнего юбилея войны выявилась напряженность в отношениях между официальной и неофициальными версиями коллективной памяти и истории этих событий, вызвавшая профессиональные и общественные дебаты (Muscok, 2014, p. 153–163). Историк Э. Мукок отмечает, что позиция правительства Великобритании, заявлявшего, что его роль в проведении юбилея сводится к обеспечению руководства и поддержке в организации общественных коммемораций, хоть и понятна, но наивна. Оно недооценивает собственную роль в стимулировании идеологически обоснованных границ, касающихся того, как конфликт должен вспоминаться и что представляет собой его наследие для современного британского общества (Muscok, 2014, p. 161). Путем конструирования 100-летнего юбилея Первой мировой войны в рамках

«национального» дискурса правительство, по мнению историка, «провалилось» в полном признании и осознании того, до какой степени мультинациональная структура британского государства оказывала и продолжает оказывать воздействие на разделение, иерархизацию и фрагментацию памяти британского общества о войне (Mусock, 2014, p. 161).

Действительно, в период 100-летнего юбилея войны, ознаменованного реализацией в 2014–2018 гг. целого ряда коммеморативных проектов (Голубинов, 2019, с. 69–72), проявилось стремление правительства утвердить и «продвинуть» национальный дискурс памяти о войне. Это прозвучало в 2014 г. в призыве министра образования Майкла Гоува «бороться с мифами о войне» и «уничижением подвига британских солдат», реабилитировавшем идеи «справедливой войны» и «священной жертвы, которую принесли солдаты, отдав свои жизни в борьбе с германской агрессией» (Голубинов, 2019, с. 71). Однако академический мир Великобритании, как отмечает Я. А. Голубинов, скорее осудил такое заявление, а многие историки подчеркивали, что нельзя превращать столетие в повторение пропагандистских клише эпохи самой Великой войны, так как это не приблизит общество к пониманию причин последней, политических и социальных феноменов столетней давности (Голубинов, 2019, с. 71). В период юбилея, в 2014–2018 гг., действовала и противоположная национальной парадигме тенденция памяти: был пересмотрен вклад в борьбу жителей доминионов и колоний, создан ряд проектов, освещающих роль азиатских и африканских стран и народов в годы Первой мировой войны, что способствовало более глобальному и масштабному взгляду на войну (Голубинов, 2019, с. 70, 74).

Симптоматично, что исследования, соединяющие две оптики рассмотрения политики памяти, «национальную» и «антропологическую», активно ведутся с 1990-х гг. Одним из удачных опытов преодоления методологической дихотомии являются работы А. МакЛана Кинга (King, 1993, 1998). В своей докторской диссертации он поставил задачу изучить, как общественный отклик на войну приобретал в Великобритании 1914–1939 гг. формы официальных коммеморативных практик (King, 1993, p. 2). Автор в диссертации и вышедшей в 1998 г. монографии реализовал эту задачу через реконструкцию мемориальной активности акторов гражданского общества и местных политических институтов – комитетов по сооружению военных мемориалов, органов местного управления и самоуправления, добровольных ассоциаций, прессы. Преодоление Кингом односторонности психологического подхода проявилось в обосновании тезиса о том, что коммеморации были проявлением не только скорби по погибшим в войне и имели отношение не только к этому феномену. Они, как обоснованно утверждает автор, содержали дидактическую цель, вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся в понятиях, связывавших их с идеалами гражданства, утвержденными подвигом павших. Однако, как подчеркивает Кинг, что именно коммеморации должны были означать для общества, было предметом политических дебатов. Установился консенсус по поводу того, что память о мертвых должна быть священной, но как их подвиг должен быть понимаем, было открыто для различных интерпретаций. Различия выражались в «пристрастном» придании разными акторами значений символам мемориалов и церемоний. Священная задача прославления павших давала возможность приверженцам различных политических, социальных, религиозных групп для

продвижения своих интересов настолько, насколько они могли сформулировать их как размышления о войне и ее последствиях (King, 1993, p. 3–4).

Заключение

Таким образом, теоретические достижения социально-гуманитарных наук и результаты «мнемонического поворота» в историографии Первой мировой войны свидетельствуют о возможностях преодоления методологической дихотомии в исследовании политики памяти. Пути его реализации связаны с методологическим синтезом, использованием подходов и инструментария обеих парадигм – национальной и транснациональной, в исследовании символической политики и практик коммемораций. Если первая ориентирует на выявление механизмов превращения социальной памяти в «значимое национальное прошлое», интерпретацию национальных символов и образов исторических событий, то вторая – на анализ универсальных антропологических характеристик коммемораций и роли конкретных акторов данного процесса. Однако именно исследование политики памяти требует, как показано выше, соединения этих двух перспектив, показа того, как происходит «наделение смыслом» и символизация национального прошлого в процессе взаимодействия акторов памяти, реализующих мемориальные проекты и транслирующих мемориальные нарративы.

Ключевым для преодоления методологической дихотомии в изучении темы может стать показ связи между историческим контекстом, общественно-политическими процессами, переосмыслением опыта войны и мемориальными практиками. Последнее отражается в «борьбе за память» государства и общества, имеет следствием изменение ритуальной политики и заложенных в ней «посланий», корректировку коммеморативных практик. Вовлечение в анализ факторов международного характера, внутривнутриполитических процессов, мемориальных инициатив гражданского общества позволяет более глубоко осмыслить преемственность и разрыв в национальных традициях памяти и способах их репрезентации, выявить взаимосвязь национальных, социальных и индивидуальных форм и вариантов памяти о Великой войне.

Список литературы

1. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (перевод с нем. М.М. Сокольской). М.: Языки славянской культуры.
2. Голубинов, Я. А. (2019). Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства. В К. А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст.* (Вып. 2, с. 69–72). М.; СПб.: Нестор-История.
3. Колоницкий, Б.И. (2014). Первая мировая война: культура эпохи и социальная память, *Звезда*, 11, 199–216.
4. *Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера* (2017, 30 января). Взято 27 августа 2018, с <http://gefeter.ru/archive/author/>

miller

5. Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж. де, Винок, М. (1999). *Франция-память*. СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та.

6. Орловски, Д. (1999). Великая война и российская память. *Россия и Первая мировая война. Сб. ст.* СПб.: СПб. Ин-т Истории РАН, «Дмитрий Буланин».

7. Поршнева, О. С. (2019). Юбилей Первой мировой войны в раннесоветский период: проблемы современного научного осмысления. *Уральский исторический вестник*, 2(63), 56–63.

8. Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.

9. Хаттон, П. (2004). *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль.

10. Хмелевская, Ю. (2004). О меморизации истории и историзации памяти. *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии* (с. 431–452). Челябинск: Каменный пояс.

11. Холквист, П. (1999). Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте. *Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. Сб. ст.* (с. 83–101). СПб.: СПб. Институт истории РАН, «Дмитрий Буланин».

12. Anderson, B. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.

13. Ashplant, T.G., Dawson, G., & Roper, M. (Eds.). (2004). *Commemorating War: The Politics of Memory*. New Brunswick, N.J.; London: Transaction.

14. Brandt, S. (2014). Memory of the War: Popular Memory 1918–1945, 1945 to the Present (Version 1.1). *1914–1918 Online International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved April 18, 2018, from <http://www.1914-1918-online.net/>

15. Hobsbawm, Eric, & Ranger, Terence (Eds.). (1993). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

16. Heathorn, S. (2005). The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War. *The Historical Journal*, 48(4), 1103–1124.

17. Hynes, S. (1990). *A War Imagined: First World War and English culture*. London: the Bodley Head.

18. King, A. (1993). *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939* [Ph.D. Thesis, University of London].

19. King, A. (1998). *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford: Berg.

20. Mosse, G.L. (1990). *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford university press.

21. Mycock, A. (2014). The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? *Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth*, 103(2), 153–163.

22. Theodosiou, C. (2018). *Le deuil inachevé. Lacommémoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris: Éditions de la Sorbonne.

23. Winter, J. (1996). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge university press.

24. Winter, J. (2006). *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: Yale University Press.

References

1. Anderson, B. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.
2. Ashplant, T.G., Dawson, G., & Roper, M. (Eds.). (2004). *Commemorating War: The Politics of Memory*. New Brunswick, N.J.; London: Transaction.
3. Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] (translation from German by M.M. Sokol'skaya). Moscow: Iazyki slavianskoii kul'tury.
4. Brandt, S. (2014). Memory of the War: Popular Memory 1918–1945, 1945 to the Present (Version 1.1). *1914–1918 Online International Encyclopedia of the First World War*. Retrieved April 18, 2018, from <http://www.1914-1918-online.net/>
5. Golubinov, Ya. A. (2019). Stoletie Pervoi mirovoi voiny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolakh korolevstva [Centenary of the First World War in Great Britain and the study of conflict in the schools of the kingdom]. In K. A. Pakhaliuk (Ed.), *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: Sb. st.* (Issue 2, pp. 69–72). M.; SPb.: Nestor-Istoriia.
6. Halbwachs, M. (2007). *Social'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. M.: Novoe izdatel'stvo.
7. Hatton, P. (2004). *Istoriia kak iskusstvo pamiati* [History as an Art of Memory]. SPb.: Vladimir Dal'.
8. Heathorn, S. (2005). The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War, *The Historical Journal*, 48(4), 1103–1124.
9. Hobsbawm, Eric, & Ranger, Terence (Eds.). (1993). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Holkvist, P. (1999). Total'naiia mobilizatsiia i politika naseleniia: rossiiskaia katastrofa (1914–1921) v evropeiskom kontekste [Total mobilization and public policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context], *Rossiya i Pervaya mirovaya voina. Sb. st.* [Russia and First World War. Digest of articles] (pp. 83–101). SPb.: SPb. Institut istorii RAN, «Dmitrii Bulanin».
11. Hynes, S. (1990). *A War Imagined: First World War and English culture*. London: the Bodley Head.
12. Khmelevskaia, Yu. (2004). *O memorizatsii istorii i istorizatsii pamiati* [On the memorialization of history and the historicization of memory]. *Vek pamiati, pamiat'veka: Opyt obrashcheniia s proshlym v XX stoletii* (pp. 431–452). Cheliabinsk: Kamennyi poias.
13. King, A. (1993). *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939* [Ph.D. Thesis, University of London].
14. King, A. (1998). *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford: Berg.
15. Kolonitsky, B.I. (2014). *Pervaya mirovaya voina: kul'tura epokhi i sotsial'naya pamyat'* [The First World War: Culture of the Epoch and Social Memory],

Zvezda, 11, 199–216.

16. Mosse, G.L. (1990). *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford university press.

17. Mycock, A. (2014). The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? *Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth*, 103(2), 153–163.

18. *Natsionalisticheskaya platforma ili liberal'nye versii istorii? Istoriograficheskie razvilki poslednikh desyatiletii v versii Alekseya Millera* [Nationalistic platform or liberal versions of history? Historiographical forks of recent decades in the version of Alexey Miller]. (2017, January 30). Retrieved August 27, 2018, from <http://gefeter.ru/archive/author/miller>

19. Nora, P., Ozuf, M., Piuimezh, Zh. de, & Vinok, M. (1999). *Frantsija-pamiat'* [France-memory]. SPb.: Izd-vo S. – Peterb. un-ta.

20. Orlovsky, D. (1999). Velikaya voina i rossijskaya pamyat' [The Great War and the Russian Memory]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina. Sb. st.* [Russia and First World War. Digest of articles] (pp. 49–57). SPb.: Institut istorii RAN, «Dmitrii Bulanin».

21. Porshneva, O.S. (2019). Iubilei Pervoi mirovoi voiny v rannesovetskij period: problemy sovremennogo nauchnogo osmysleniia [The First World War anniversaries in the Early Soviet Period: problems of modern scientific comprehension]. *Ural Historical Journal*, 2(63), 56–63.

22. Theodosiou, C. (2018). *Le deuil inachevé. Lacommemoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris: Éditions de la Sorbonne.

23. Winter, J. (1996). *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge university press.

24. Winter, J. (2006). *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: Yale University Press.

НАСИЛИЕ КАК АБСОЛЮТНОЕ СОБЫТИЕ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (на примере телесериала «Твин пикс»)*

Неменко Екатерина Петровна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Департамент философии, кафедра истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры,
Доцент, кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-7189-6009,
E-mail: hist-nemenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 08.05.2020, принята к публикации 10.06.2020

Для цитирования: Неменко Е.П. Насилие как абсолютное событие в структуре повседневности (на примере телесериала «Твин пикс») // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 142–148. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10209

Аннотация

Статья посвящена проблеме соотношения массовой культуры и повседневности. Для того чтобы выявить возможные варианты этого соотношения, был рассмотрен сюжет насилия как один из самых популярных в массовой культуре триггеров вовлеченности зрителя. С помощью концептуализации насилия в структуре повседневности сквозь призму теории событий на примере телесериала «Твин пикс» показано, что сюжет насилия может по-разному работать на вовлеченность зрителя. Введено различие двух типов вовлеченности зрителя в просмотр – эмоциональная вовлеченность и следование за нарративом, которые отличаются по своей структуре и интеграции в повседневность. В первой части статьи проанализирована объяснительная модель критической теории, которая рассматривает насилие как триггерный художественный элемент в массовой культуре. Согласно этому подходу, насилие, наряду с сексом, вызывает высокую интенсивность эмоциональной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01080.

© Неменко Е.П., 2020

вовлеченности и даже зависимость зрителей, но низкого художественного качества. Показаны ограничения этой объяснительной модели и предложена альтернативная концепция вовлеченности зрителя на основе следования за нарративом. Во второй части статьи представлена теория событий, дано определение события и его отличие от не-событий, а также обосновано различие абсолютных и относительных событий. В заключительной части рассмотрена сюжетная линия телесериала «Твин пикс» и проведена концептуализация насилия как абсолютного события. Выявлено отношение этого события к повседневности в структуре кинонарратива, показано отличие абсолютного события насилия от бытового насилия, поставлена проблема субъекта и объекта насилия в телесериале. На примере нарратива «Твин пикс» показано, что в таком жанре современных медиа, как телесериал, насилие не только используется для производства опыта эмоциональной вовлеченности зрителя, но также становится объектом исследования и рефлексии с помощью интеграции в структуру повседневности, а не противопоставления ей.

Ключевые слова:

вовлеченность, теория событий, «Твин пикс», массовая культура, телесериалы, повседневность.

UDC 001.891:7.073

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10209

THE VIOLENCE AS AN ABSOLUTE EVENT IN THE STRUCTURE OF THE EVERYDAY (CASE OF "TWIN PEAKS")

Nemenko Ekaterina Petrovna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Department of philosophy, Chair of the history of philosophy,
Assistant Professor, PhD,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-7189-6009,
E-mail: hist-nemenko@yandex.ru

Article received on May 8, 2020, accepted on June 10, 2020

To cite this article: Nemenko, E.P. (2020). Nasilie kak absolyutnoe sobytie v strukture povsednevnosti (na primere teleseriala «Tvin piks») [The violence as an absolute event in the structure of the everyday (Case of "Twin Peaks")]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 142-148. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10209

Abstract

The article is devoted to the problem of the correlation of mass culture and everyday life. In order to identify possible variants of this correlation, the plot of violence was considered as one of the most popular triggers of spectator's involvement in mass culture. Using the conceptualization of violence in the structure of everyday life through the prism of the theory of events, it is shown on the example of the television series *Twin Peaks* that the plot of violence can work differently on the involvement of the viewer. A distinction is made between two types of viewer involvement in viewing – emotional involvement and following a narrative, which differ in their structure and integration into everyday life. The first part of the article analyzes the explanatory model of critical theory, which considers violence as a trigger artistic element in popular culture. According to this approach, violence, along with sex, causes a high intensity of emotional involvement and even the addiction of the audience, but with low artistic quality. The limitations of this explanatory model are demonstrated, and an alternative concept of spectator involvement based on following the narrative is proposed. In the second part of the article, the theory of events is presented, the definition of an event and its difference from non-events are given, and the distinction between absolute and relative events is justified. In the final part, the plot line of the television series *Twin Peaks* is considered and the conceptualization of violence as an absolute event is carried out. The relation of this event to everyday life in the structure of film narrative is revealed, the difference between the absolute event of violence and ordinary everyday violence is shown, the problem of the subject and object of violence in the television series is posed. On the example of the narrative “*Twin Peaks*”, it is shown that in a genre of modern media such as a television series, violence is not only used to produce the experience of the emotional involvement of the viewer, but also becomes the object of research and reflection by integrating into the structure of everyday life, and not opposing it.

Keywords:

involvement, theory of events, mass culture, *Twin Peaks*, TV series, the everyday.

**Насилие и повседневность
с точки зрения критической теории**

Исследование проблематики насилия в массовой культуре, часто не рефлексируя, опирается на определенную социальную теорию и концепцию повседневности, которая задает логику рассуждения. Одна из распространенных объяснительных моделей, которые используют культурологи при анализе насилия в кино, сводится к тому, что сцены насилия разрушают привычный ход вещей, разрывают ткань повседневности и позволяют зрителю пережить яркий эмоциональный опыт (Dorfman, 2014; Chalvon-Demersay, 2012). Эта объяснительная модель опирается на имплицитную концепцию повседневности как отчужденную от субъекта среду, пронизанную микрофизикой власти, поддерживающей комфорт и безопасность (Шюц, 2003). С точки зрения этого подхода повседневность подвергается критике как область экспансии стерильных

зон ненасилия на все общество, которая побуждает к поиску соприкосновений с реальной жизнью – с болью, шоком, насилием (Campbell, 1987). «Жизнь, преисполненная регламентом, комфортом и дозированными удовольствиями, прорывается в точках своего сгущения, в точках боли, сострадания и ответственности» (Савчук, 1999, с. 105). Исходя из такой концепции повседневности, субъекту для ощущения своей субъектности необходимы острые эмоциональные переживания, играющие роль триггеров экзистенциального опыта, пусть даже негативного. Отсюда важными становятся телесные практики, особенно те, которые связаны непосредственно с экзистенциально важными для человека событиями рождения и смерти (Cossia, 2016). Насилие, как и секс, становятся такими источниками экзистенциально важного опыта. «Человек не хочет и не может проживать жизнь в стерильных условиях. У него есть невостробованная потребность в сильных эмоциях и насыщенных переживаниях. Глубоко эшелонированная (за счет многочисленных институтов и ветвей), адаптированная к политической корректности и обставленная множеством гуманистических ловушек, власть провоцирует бунт тела, и оно сражается за зоны зависимости, за зоны свободного воле- и кровеизъявления» (Савчук, 1999, с. 105). Согласно этой логике свобода воли субъекта, его субъектность парадоксальным образом реализуется в зонах его зависимости. Подвергаясь насилию или совершая его, то есть отрицая субъектность Другого или свою, герой обретает себя как свободного субъекта. Идентифицируясь с таким героем, зритель получает яркие эмоциональные переживания от сцен насилия. Этим достигается интенсивная вовлеченность зрителя в просмотр и удержание его внимания.

Теория событий

Телесериал «Твин пикс»¹ интересен тем, что опирается на другую концепцию повседневности и создает собственный мир, собственное эстетическое пространство и другой способ вовлеченности зрителя. Мне бы хотелось эксплицировать это представление о повседневности и посмотреть, как насилие встраивается в структуру повседневности. Главный тезис заключается в том, что насилие у Д. Линча и М. Фроста выступает важным элементом нарративной структуры, то есть событие насилия имеет значение для понимания всей истории. Для зрителя насилие является не точкой производства опыта, а производства знания. Размещая событие насилия внутри нарратива, мы не просто переживаем эмоциональный опыт, но получаем некоторое знание о самом нарративе и о социальной реальности, к которой он отсылает.

С этой точки зрения одна из основных функций повседневности состоит в понимании новых событий и нахождении адекватных ответов на них. Нам необходимо постепенно, но не полностью, включать необычное в обычное, иначе уникальность события так и останется слишком чужой нашей привычной жизни. Тем самым повседневность играет важнейшую роль в установлении некой познавательной структуры, с помощью которой новые события могут быть поняты и осмыслены, и, во-вторых, посредством повторения день за днем дает

¹ В США телесериал «Твин пикс» Дэвида Линча и Марка Фроста впервые появился на экранах ТВ в 1990 г. и быстро стал культовым.

возможность последовательно перевести остаток нового в область обыденной жизни (Dorfman, 2014).

Для того чтобы раскрыть роль насилия в нарративе Линча, я предлагаю концептуализировать его как событие. В теории социальных событий, которую развивает А. Ф. Филиппов, событие понимается как элементарная ячейка социального. Событием он называет смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство. Несмотря на элементарность и атомарность, событие имеет логическое устройство. Оно всегда находится в связи с другим событием, в сети событий (Филиппов, 2011, с. 12).

Поль Рикёр также характеризует событие и его отличие от не-события как непременно описанное в некоем нарративе. Оно подчинено интеллигибельности нарративной интриги: его время и место обусловлены согласованностью сюжета. Нерассказанный же фрагмент человеческого опыта остается лишь неким случаем. Социальная жизнь пронизана нарративами. По словам Рикёра, событие, включаясь в движение нарратива, теряет свою безличность (Борисенкова, 2013). Через вписанность в нарратив событие также приобретает принадлежность (*mineness*) к социальному миру. Рикёр предлагает рассматривать онтологию событий через нарративность. «В нарративном плане, – пишет Рикёр, – событие есть то, что, случаясь, продвигает действие: оно является переменной причиной интриги» (Рикёр, 2004, с. 341). Именно включенность в нарратив может послужить критерием демаркации событий и не-событий.

Событие следует отличать от происшествия, с одной стороны, и действия, с другой. О происшествиях идет речь тогда, когда человек не является инициатором действий, а остается лишь «беспомощной жертвой» внешних факторов. В частности, физиологические изменения, телесные движения, не зависящие от воли человека, представляют собой происшествия, а не действия. Понятие события, в свою очередь, определяется как более осмысленное по сравнению с происшествием и не полагаемым субъективно по сравнению с понятием действия (Борисенкова, 2013).

Филиппов выделяет относительные и абсолютные события. Если к относительным событиям мы применяем имеющиеся у нас познавательные инструменты, чтобы встроить их в сеть событий, то абсолютные события характеризуются тем, что сами порождают схемы интерпретации остальных событий. Они выламываются из всех различий, упорно отказываясь вписываться в ячейки когнитивных схем. Они обладают принудительной релевантностью – их нельзя не заметить. Они перформативны: абсолютные события скорее создают новые системы фреймов, чем описываются уже существующими. Именно поэтому возникает пауза между абсолютным событием и событиями его описания – у наблюдателей не сразу появляются определения происшедшему, обнаруживается дефицит квалификаций. Благодаря абсолютным событиям трансцендентное напоминает о себе наблюдателям, погруженным в рутинные, повседневные взаимодействия (Филиппов, 2011, с.12).

«Твин пикс» сквозь призму теории событий

Рассмотрим конструкцию нарратива «Твин пикс» с этой точки зрения. Насилие в «Твин пикс» можно описать как абсолютное событие, то есть то,

которое задает фреймы для понимания и описания остальных событий в нарративе телесериала.

Во-первых, повседневность и насилие не противопоставлены друг другу в сериале. Скорее, вся повседневная рутина в «Твин пикс» пронизана знаками и символами, которые отсылают к абсолютному событию насилия и так или иначе определяются им. При этом повседневность важна для телесериала. Например, такие элементы повседневной рутины провинциального американского городка начала 1990-х, как электричество, средства коммуникации наделены неясной связью с «силами зла». Другая специфика нарратива «Твин Пикс» – визуализация соприсутствия двух миров. Причем жители красной комнаты постоянно оказываются внутри повседневности городка Твин Пикс, а некоторые реальные жители Твин пикс оказываются в красной комнате. Кроме того, есть герои, которые изначально созданы как пограничные, например, безрукий человек и его рука в виде карлика, обитающая в «Черном вигваме».

Во-вторых, в «Твин пикс» абсолютное событие насилия противопоставлено т. н. бытовому насилию. По ходу повествования в Твин пикс происходит много преступлений и актов насилия, однако мы понимаем, что главным двигателем интриги является насилие, совершаемое духом Боба. Так, например, подчеркнуто профанировано убийство наркоторговца Майкла, которого Бобби, как выяснилось, убивает даже не из-за наркотиков, а из-за детского слабительного. Подлинные причины абсолютного насилия находятся вне причинно-следственных связей повседневной жизни в Твин пикс, Линч выносит их в параллельный мир Черного вигвама и красной комнаты.

В-третьих, вопрос о субъекте насилия: когда мы берем событие в основание анализа, мы уходим от структуры «насилыник и жертва». Насилие совершается духом Боба, который охватывает жителей Твин пикс против их воли. То есть насилие над другим с помощью духа Боба визуализировано как насилие над самим субъектом насилия, а точнее, момент его бессилия, точка минимальной субъектности героя. У нас постоянно присутствует ощущение смещения субъектности героев. Когда Боб охватывает того или иного персонажа, мы не можем точно идентифицировать субъекта действия.

Телесериал как жанр позволяет противопоставить два типа вовлеченности зрителя в просмотр: эмоциональную вовлеченность и следование за нарративом, которые отличаются по своей структуре и встроенности в повседневность. На примере нарратива «Твин пикс» мы видим, что в таком жанре современных медиа, как телесериал, насилие не только используется для производства опыта эмоциональной вовлеченности зрителя, но также становится объектом исследования и рефлексии с помощью интеграции в структуру повседневности, а не противопоставления ей.

Список литературы

1. Борисенкова, А. (2013). *Поль Рикер и социология события*. Взято 14 сентября 2019, с <http://gefter.ru/archive/10544>
2. Куренной, В. (2013). Унылая субстанция и доставляющие лулзы «Теория Большого взрыва» и культура исследовательского университета. *Логос*, 3,

75–83.

3. Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы.
4. Савчук, В.В. (1999). Чистая критика Вальтера Бенямина. В Штегмайер, В., Франк, Х., Марков, Б.В. (Ред.). *Герменевтика и деконструкция*. Санкт-Петербург: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге.
5. Филиппов, А.Ф. (2011). Развивая теорию событий. Статья первая. *Социологическое обозрение*, 10(1–2), 6–18.
6. Шюц, А. (2003). О множественности реальностей. *Социологическое обозрение*, 3(2), 3–34.
7. Campbell, C. (1987). *The romantic ethic and the spirit of modern consumerism*. Princeton university press.
8. Chalvon-Demersay, S. (2012). La part vivante des héros de séries. In Haag, P., & Lemieux, C. (Eds.), *Faire des sciences sociales. Critiquer*. Éditions de l'EHESS. Paris.
9. Coccia, E. (2016). *Sensible life: a micro-ontology of the image*. Fordham university Press.
10. Dorfman, E. (2014). *Foundations of the Everyday: Shock, Deferral, Repetition*. London and New York: Rowman & Littlefield.

References

1. Borisenkova, A. (2013). *Paul Ricoeur i sociologia sobitiya* [Paul Ricoeur and sociology of the event]. Retrieved September 14, 2019, from <http://gefter.ru/archive/10544>
  2. Campbell, C. (1987). *The romantic ethic and the spirit of modern consumerism*. Princeton university press.
  3. Chalvon-Demersay, S. (2012). La part vivante des héros de séries. In Haag, P., & Lemieux, C. (Eds.), *Faire des sciences sociales. Critiquer*. Éditions de l'EHESS. Paris.
  4. Coccia, E. (2016). *Sensible life: a micro-ontology of the image*. Fordham university Press.
  5. Dorfman, E. (2014) *Foundations of the Everyday: Shock, Deferral, Repetition*. London and New York: Rowman & Littlefield.
  6. Filippov, A.F. (2011). Razvivaja teoriju sobitij. Statjapervaja. [Developing theory of events. Paper 1]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 10(1–2), 6–18.
  7. Kurennoj, V. (2013). Unilajasubstantsija i dostavlauchiululzi [The sad substance and delivery loolses]. *Logos*, 3, 75–83.
  8. Ricoeur, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Publishing house of humanitarian literature.
  9. Savchuk, V.V. (1999). Chistaja kritika Valtera Benjamina [The pure critique of Valter Benjamin]. In Shtegmajer, V., Frank, H., & Markov, B.V. (Eds.), *Germevenitika i dekonstruksia*. Saint-Petersburg: Institut Finlandii v Sankt-Peterburge.
  10. Shutz, A. (2003). O mnozestvennosti realnostej [On the multiplerealtites]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 3(2), 3–34.
-

МАНИПУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Виловатых Анна Вячеславовна,

Российский институт стратегических исследований,
эксперт,
кандидат политических наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0003-4449-3305,
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2020, принята к публикации 08.06.2020

Для цитирования: Виловатых А.В. Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 149–164. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10210

Аннотация

Целью настоящей статьи является анализ научной мысли и современных политических технологий в сфере информационно-психологического воздействия на массовое сознание в условиях становления цифровой социально-политической реальности, что обусловлено широким, но мало изученным потенциалом применения современных инноваций в области коммуникационных технологий в политических целях. Теоретическую основу составляют основные идеи и положения политологии и социологии. Изучение поведения масс и личности в условиях цифровой реальности обусловило обращение к инструментарию психологической науки, в частности «Пятифакторной модели» Г. Оллпорта, Р. Кэттела и пр. Кроме того, в статье приведены идеи теории подталкивания, предложенной зарубежными учеными Р. Талером и К. Санстейном. Для обоснования массового иррационального поведения в условиях цифровой среды, способного вызвать непредсказуемые колебания социальной деятельности вплоть до перетекания общественного недовольства из виртуальной среды в реальную социально-политическую плоскость, используется концепция симметрии заблуждений. Набор междисциплинарных концепций позволил автору предложить

© Виловатых А.В., 2020

взаимосвязанную сетку когнитивных искажений, во многом определяющих эффективность информационно-психологического воздействия на массовое сознание в сети Интернет, в результате чего в статье раскрыты феномены коммуникации, присутствующие социальным взаимодействиям в условиях цифровой реальности. Применение междисциплинарных теорий в контексте исследования проблемы формирования общественного мнения и воздействия на массовое сознание в условиях цифровой среды позволило обосновать такие технологии информационно-психологического воздействия, как таргетирование, астротурфинг, троллинг, надж. Автор приходит к выводу о нарастающих перспективах становления качественно новой декомпозиции отношений между властью и обществом ввиду все более активного использования преимуществ трансграничного интернет-пространства для подготовки общественного мнения к принятию важных политических решений.

Ключевые слова:

информационно-психологическое воздействие, Интернет, цифровая среда, массовое сознание, когнитивные искажения, симметрия заблуждений, надж, астротурфинг, таргетинг, троллинг.

UDC 327

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10210

MANIPULATION OF SOCIAL BEHAVIOR UNDER THE DIGITALIZATION OF SOCIAL ENVIRONMENT

Vilovatykh Anna Vyacheslavovna,

Russia's Institute for Strategic Studies,
PhD in Political Sciences,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0003-4449-3305,
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Article received on February 22, 2020, accepted on June 8, 2020

To cite this article: Vilovatykh, A.V. (2020). Manipulirovanie social'nym povedeniem v usloviyax cifrovoj sredy [Manipulation of social behavior under the digitalization of social environment]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 149–164. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10210

Abstract

The purpose of the article is to analyze scientific thoughts and modern political technologies in the field of information-psychological impact on the mass consciousness.

This is important at the time of socio-political reality digitalization because modern innovations in the field of communication technologies have wide applying for political purposes. The theoretical basis of the article lies of the ideas and principles of political science and sociology. Studying mass and individual behavior in digital reality led by means of psychological science. In the article there are also presented the ideas of nudge theory (R. Thaler, K. Sanstein). By the means of the “symmetry of delusions” concept (proposed by Russian economist Vladimir Milovidov) the author analyzes if irrational behavior in the digital environment can cause unpredictable fluctuations of social activity up to public discontent flowing from virtual environment into reality. This approach allowed the author to propose an interconnected network of cognitive distortions, which largely determine the effectiveness of the information-psychological impact on mass consciousness in the Internet. The interdisciplinary theory basis helped to reveal targeting, astroturfing, trolling, nudge in the context of public opinion forming at the time of digitalization social-political connections. The author comes to the conclusion that there are growing prospects for a qualitatively new decomposition of future relations between government and society.

Keywords:

information and psychological impact, Internet, digital environment, mass consciousness, cognitive distortions, symmetry of delusions, nudge, astroturfing, targeting, trolling.

В прежние времена при изучении основ социального поведения специалисты опирались прежде всего на классические методы психологии и социологии, когда результаты замеров на микрогруппах экстраполировались на макрогруппы. Однако в настоящее время такой экстраполяции зачастую не требуется. Многие необходимые для аналитической работы сведения содержатся в Интернете, который является своего рода огромным поведенческим архивом.

Активность в области исследований проблематики поведения личности и социальных масс в виртуальной реальности обусловлена колоссальным, еще до конца не изученным потенциалом инноваций в области коммуникационных технологий. Вместе с тем ученые и государственные деятели уже осознали всеобъемлющий характер информационно-психологического воздействия в условиях цифровизации (Рогачев, 2019). Они изучают, а затем и апробируют новые технологии формирования общественного мнения и массового сознания.

Данным процессам способствует расширение научного инструментария и эмпирической базы подобного рода исследований: достижения технологической революции постепенно смещают вектор научно-исследовательской и экспертной деятельности в области изучения и апробирования потенциала цифровой среды в сторону перспектив трансформации социального и индивидуального поведения в соответствии с целями субъекта управления. Отдельное место в указанных процессах занимают социальные сети, где политические взгляды и предпочтения населения умело моделируются.

Пятифакторная модель как инструмент изучения интернет-поведения личности

Такие труды в основном базируются на научной основе психометрии (психологии) – развивающемся с 1980-х гг. направлении психологической науки, сосредоточенном на изучении деятельности, интересах и мнениях личности. В рамках данного научного направления разработана диспозициональная Пятифакторная модель (*Big Five Personality Model*), в основе которой лежат исследования Гордона Оллпорта и Рэймонда Кэттела (Goldberg, 1990).

Как продемонстрировано в таблице 1, каждая личность характеризуется индивидуальными различиями в степени и форме адаптации к социальной среде с учетом пяти общих и относительно независимых факторов (диспозиций): экстраверсии, приятности в общении (способности прийти к согласию), добросовестности, невротизма (эмоциональной нестабильности), открытости к опыту. В работах современных зарубежных авторов достаточно убедительно доказывается, что переменные Пятифакторной модели связаны с поведением конкретной личности в социальных сетях.

Таблица 1 – Пятифакторная модель личности. Составлено по: Goldberg, L.R. (1990). An alternative «description of personality»: The Big-Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 6, 1216–1229.

Экстраверсия	Невротизм	Открытость к опыту	Приятность в общении	Добросовестность
экстраверт	+	+	+	+
Сердечность, общительность, активность, настойчивость, поиск положительных эмоций	Высокая самооценка, устойчивость к стрессу, самодостаточность, эмоциональная стабильность, пониженное чувство вины	Фантазия, эстетика, чувства, действия, идеи, ценности	Доверие, прямолинейность, альтруизм, уступчивость, скромность, мягкость	Компетентность, порядок, чувство долга, стремление к результату, самодисциплина, осмотрительность
интроверт	–	–	–	–
Спокойствие, сдержанность, пассивность, избегание внимания, замкнутость	Озабоченность, враждебность, депрессия, рефлексия, импульсивность, неустойчивость к стрессу	Консерватизм, нечувствительность, реалистичность, практичность, негибкость	Циничность, подозрительность, грубость, безжалостность, эгоизм, жадность	Безответственность, лень, непрактичность, небрежность, беспечность

В частности, крупные исследователи в области интеллектуального анализа больших данных Михал Косински и Дэвид Стиллуэлл утверждают, что информация из профилей пользователей социальных сетей («цифровые следы») предоставляет возможность посредством Пятифакторной модели выявить

специфические характеристики личности и использовать их в манипулятивных целях. Так, в 2016 г. на основе активности пользователей в социальных сетях эксперты частной английской компании «Кэмбридж Аналитика», применяющей технологии глубинного анализа данных для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете, выделили 32 личностные категории, различающиеся между собой по уровню готовности отдать свой голос за кандидата в президенты Дональда Трампа (Weedon, 2017).

Специалисты отмечают, что легкодоступные цифровые записи поведения личности, такие как «лайки», могут быть использованы для автоматического и достаточно точного прогнозирования, в том числе: пола, возраста, этнической принадлежности, религиозных и политических взглядов, личностных качеств, уровня интеллекта, сексуальной ориентации, состояния счастья и пр. В целом, в цифровом мире личность может быть описана многими показателями, включая успехи в учебе, характер работы, социальный статус, здоровье, успех в романтических отношениях, политические взгляды, субъективное благополучие и пр. (Kosinski, 2015).

Потенциал применения теории подталкивания в условиях цифровой реальности

Помимо изучения личностных особенностей пользователей Интернета ученые активно прибегают к исследованию базисных основ массового поведения в условиях цифровой среды. Теоретические наработки в этой области и проведенные эксперименты свидетельствуют, что человеческое поведение зависит не только от убеждений, а базируется на стереотипах и складывается под воздействием формальных и неформальных институтов. Даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания, от 50 до 90 % своих действий люди осуществляют «автоматически» (Szymanski, 1987). Соответственно, в условиях цифровой среды присутствуют широкие возможности использования потенциала управления социальным поведением.

В настоящее время в интернет-пространстве активно применяется такая социальная технология манипулирования, как «надж» (*nudge*), основывающаяся на одноименной теории подталкивания (*nudge theory*). Суть данной технологии предполагает возможность влияния на процесс принятия групповых и индивидуальных решений посредством положительного подкрепления и не прямых указаний. При таком подходе подталкивание к действию не менее эффективно, чем силовое принуждение к действию или предписание.

Авторами теории подталкивания в ее оригинальном перцепте являются американские ученые Ричард Талер и Касс Санстейн. Их совместный труд «Nudge. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье», выпущенный в 2008 г., был признан полезным государственным структурами США и Великобритании. В настоящее время в обеих странах созданы официальные структуры, исследующие возможности применения данной технологии для управления социальным поведением в условиях цифровой реальности. Среди зарубежных экспертов присутствуют предположения, что бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, равно как и экс-президент США Барак

Обама, использовали теорию подталкивания для достижения поставленных целей во внутренней и внешней политике.

В сфере государственного регулирования такое подталкивание включает в себя, например, графические предупреждения на какой-либо продукции, плакаты о необходимости эффективного использования энергии или экономии топлива, информацию о пищевой ценности продукта. В категорию «подталкивания» входит даже дизайн веб-сайтов, которые располагают на первом плане материалы крупным шрифтом.

Основное преимущество наджа, в противоположность ограничениям и запретам, состоит в том, что он избегает принуждения, а скорее ориентирует людей, задавая им определенное направление поведения. Таким образом, данная технология не принимает явную форму манипуляции или обмана. Между тем ряд влиятельных исследователей указывают, что подталкивание является эвфемизмом для названия психологических манипуляций, к которым прибегают в социальной инженерии (Tapson, 2013).

Применительно к осуществлению подталкивания в интернет-пространстве надж базируется на следующих постулатах:

1. У отдельных социальных групп разные стереотипы, у людей – привычки, но обработка больших данных, присутствующих в Интернете, позволяет обладать относительно верифицированной информацией о склонности конкретных групп и отдельных людей. Соответственно, большие данные способствуют прогнозированию социального поведения в различных масштабах.

2. Через различного рода поисковые сети, электронные выборы, платформы интернет-магазинов, где локализована конкретизированная информация, в цифровой реальности осуществляется «мягкое подталкивание» личности, возможное благодаря техническим возможностям интернет-сервисов. Такое подталкивание создает для человека ситуацию, когда самое легкое решение оказывается таким, какое нужно тому, кто эту ситуацию создает, то есть «подталкивателю».

При оказании воздействия на сознание масс и отдельной личности посредством надж-технологии эксперты предлагают учитывать ряд когнитивных искажений, определяющих эффективность такого воздействия. В частности, ученые указывают на большую роль феномена «множественности источников». Это предполагает, что различные аргументы от разных пользователей воспринимаются личностью как более весомые, чем один и тот же аргумент от разных источников или разные аргументы от одного пользователя. Данный эффект воздействия связан с тем, что большое количество материалов усиливает интерес целевой аудитории и, соответственно, повышает вероятность привлечения других потенциальных аудиторий. Кроме того, множественность каналов распространения увеличивает эффективность усваивания информации (Harkins, 1981).

Информационно-психологическое воздействие в Интернете реализуется и с учетом склонности личности отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с ее точкой зрения – феномен «предвзятости подтверждения» (*confirmation bias*), что было выяснено еще в ходе экспериментов 1960-х гг.

Причем это проявляется сильнее в отношении эмоционально значимых вопросов и глубоко укоренившихся убеждений. Склонность к подтверждению влияет на излишнюю уверенность человека в собственных суждениях и может поддерживать и усиливать убеждения при получении доказательств обратно-

го (Виловатых, 2018). Эти когнитивные искажения находят отражение в том числе в решениях, принимаемых в рациональных внешне политической и экономической сферах.

Рисунок 1 – Феномен «предвзятости подтверждения».

Составлено по: Harkins, S.G., & Petty, R.E. (1981). The multiple source effect in persuasion. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Retrieved September 13, 2019, from <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/014616728174019>

Когнитивные искажения в контексте «симметрии заблуждений»

Труды современных ученых предоставляют возможность скорректировать выводы, сделанные в более ранних работах. В особенности это касается склонности людей проверять их гипотезы в предвзятом виде, фокусировать внимание только на одной возможности выбора и игнорировать альтернативные. Об этом свидетельствует исследование российского экономиста В.Д. Миловидова, где продемонстрировано, что равномерно распределенную в обществе или внутри конкретных социальных групп устойчивую ложную, ошибочную убежденность в чем-либо – эффект «симметрии заблуждений» – крайне сложно выявить, поскольку массовое сознание отталкивает, отвергает любое несогласие с ним. Соответственно, люди склонны интерпретировать в принципе неоднозначные свидетельства таким образом, чтобы поддерживалась их точка зрения (Миловидов, 2019).

Такая интерпретационная база обусловлена сущностью природы человека: ограниченной способностью перерабатывать информацию и склонностью принимать желаемое за действительное. Симметрия заблуждений обуславливает предвзятый поиск информации, особенности процессов запоминания, специфику толкования и пр. Соответственно, в условиях цифровой среды люди в большей или меньшей мере подвержены когнитивным искажениям более низкого порядка: «поляризации взглядов» (*attitude polarization*) – когда разногласия становятся ещё сильнее, несмотря на то, что сторонам были представлены одни и те же свидетельства; «стойкости убеждения» (*belief perseverance*) – когда

мнение сохраняется даже тогда, когда поддерживающие его свидетельства были опровергнуты»; «первичность информации» (*primacy effect*) – склонности отдавать предпочтение информации, полученной первой; «иллюзорность корреляции» (*illusory correlation*) – склонности видеть взаимосвязь между двумя явлениями или ситуациями там, где её нет и пр.

Во многом отмеченные феномены определяют высокую вероятность возникновения в условиях информационной среды эффекта «пузыря фильтров» (*filter bubble*) – технологии персонализированного подбора контента для интернет-пользователя, основанного на его месторасположении, прошлых нажатиях, предпочтениях, поиска, а также интересах и предпочтениях друзей.

Как отмечает автор приведенного термина блогер Илай Парайзер в одноименной книге «Пузырь фильтров», потенциальным недостатком фильтрации поисковых запросов является то, что она «закрывает людей от новых идей, предметов и важной информации» и «создает впечатление того, что наши узкие собственные интересы и есть все, что существует и окружает нас» (Pariser, 2011).

На рисунке 2 продемонстрирована негативная сторона персонализированного поиска. Она заключается в том, что информационные системы веб-сайтов выводят в поисковой строке лишь ту информацию, которая соответствует истории поиска конкретного пользователя, а другой контент, как правило, пользователю не выводится. В результате такой методики отбора подходящего контента человек оказывается в уютном «информационном пузыре», экранирующем от нарушающих гармонию его индивидуальной картины мира информационных раздражителей. Вполне возможно согласиться с выводом экспертов о том, что вредное воздействие «пузыря фильтров» может подрывать формирование гражданского общества и делать людей более уязвимыми для пропаганды и манипуляций.

Эффект «пузыря фильтров» схож с таким когнитивным искажением, как «парадокс релевантности». Этот феномен проявляется тогда, когда люди ищут информацию, которая изначально, исходя из цели такого поиска, кажется им важной, но в итоге она оказывается совершенно бесполезной или почти бесполезной. Одновременно они избегают информации, которая кажется им неправильной и несущественной, но оказывающейся полезной. Проблема появляется в связи с тем, что реальная значимость конкретного факта или понятия в этих случаях очевидна только после того, когда данный факт стал известен. Соответственно, в поисках информации пользователь Интернета нередко не может узнать то, что ему действительно нужно, попадая в своего рода информационное слепое пятно (First Monday, 2011).

Важным с точки зрения оказания информационно-психологического воздействия на личность в цифровой реальности является и формирование эффекта «эхо-камеры» (*echo chamber*), который способствует распространению в сети контента, соответствующего целям субъекта управления. Специалисты в области политических технологий определяют эффект «эхо-камеры» как ситуацию, при которой определенные идеи, убеждения подкрепляются путем передачи сообщений или их повторением внутри закрытой системы (это может быть партия, круг единомышленников, субкультура, интернет-блог и пр.). Адресаты, находящиеся в такой закрытой системе, мало восприимчивы к альтернативной информации и ориентируются на взгляды себе подобных (референтной груп-

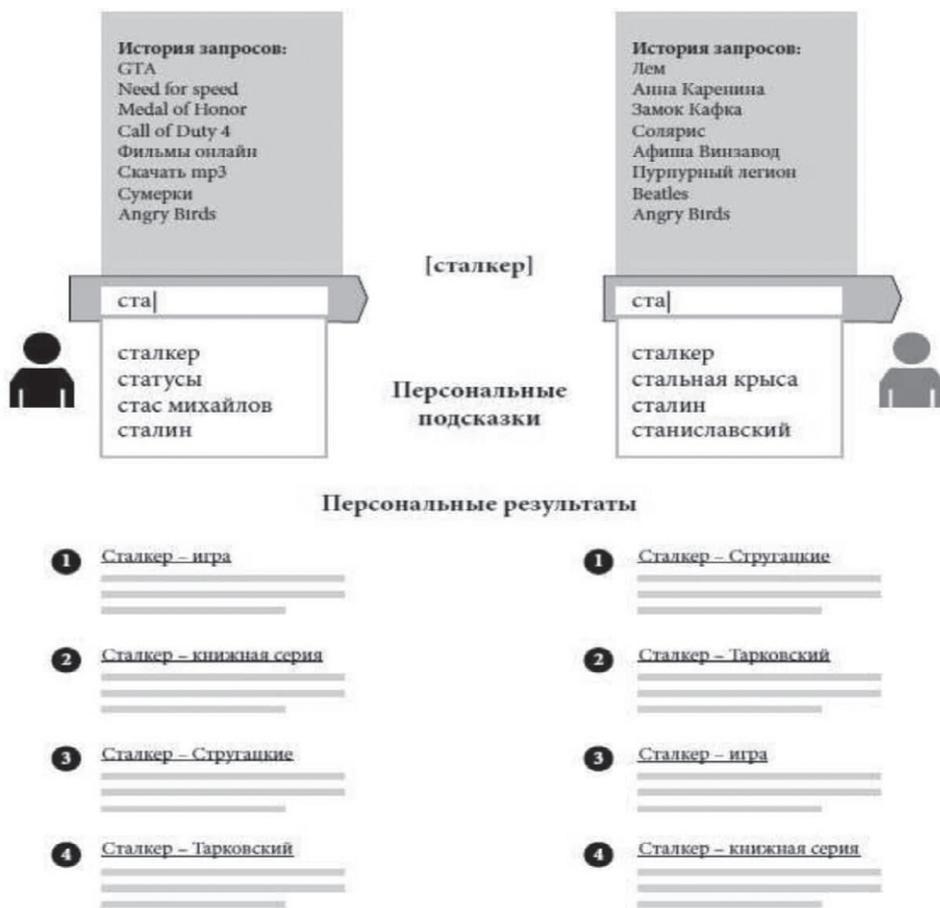

Рисунок 2 – Эффект «пузыря фильтров».
 Составлено по: поисковая система «Яндекс»

пы). Магистральная логика обсуждений в блоге или в группе социальной сети нивелирует взгляды и убеждения личности, отклоняющиеся от принятой нормы, тем самым заключая его в изолированном коммуникативном социуме (The Echo Chamber Revisited, 2011).

Таким образом, в условиях цифровизации человек окружает себя в социальных сетях участниками интернет-сообществ, придерживающихся позиции, аналогичной его собственной. Под воздействием субъективного поиска, толкования и запоминания информации тренды массового поведения пользователей конкретной социальной сети или блога в определенной ситуации не только подкрепляют индивидуальную систему убеждений, но одновременно искажают целостную картину общественного мнения.

С учетом теоретического и практического изучения возможного воздействия описанных выше когнитивных искажений, некоторые из которых известны

длительное время, другие – обнаружены непосредственно в связи с цифровизацией социально-политической реальности, в Интернете все чаще применяются специально разработанные технологии информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание.

Точечный таргетинг на пространствах Интернета

В частности, в Интернете широко используется технология точечного таргетинга (*targeting*) – механизм информационно-психологического воздействия, позволяющий выделить из всей имеющейся аудитории только ту часть, которая удовлетворяет заданным критериям (целевую аудиторию), и оказать воздействие именно на нее, то есть персональное обращение к конкретным людям с учетом их индивидуальных характеристик (пол, возраст, профессия, увлечения и т. п.).

В настоящее время активно развиваются следующие виды таргетинга:

- Тематический таргетинг – показ рекламы на веб-сайтах, соответствующих определённой тематике.

- Таргетинг по интересам (контекстная реклама) – демонстрация рекламы в соответствии с интересами посетителей рекламной площадки.

- Географический таргетинг (геотаргетинг) – показ рекламы целевой аудитории, ограниченной некоторым географическим регионом, выбранным рекламодателем.

- Локальный таргетинг – рекламирование для целевой аудитории, находящейся в радиусе от 900 метров до 15 километров (с 2014 г. используется также понятие «гиперлокальный таргетинг», обозначающее нацеливание рекламы на все устройства, оказывающиеся в определённой зоне вокруг какой-либо точки на местности, при этом радиус такой зоны технически может быть сколь угодно малым).

- Временной таргетинг – позволяет ограничить показ конкретного контента в СМИ по временному фактору (утро или вечер, будни или выходные).

- Социально-демографический таргетинг – по возрасту, полу, доходу, должности и т. д.

- Поведенческий таргетинг – внедрение механизма сбора информации о действиях пользователя в Интернете с помощью cookie-файлов. Информация собирается в так называемых профилях и содержит данные о просмотренных сайтах, поисковых запросах, покупках в интернет-магазинах и т. д. Получив такой профиль, рекламная служба может четко представить себе портрет объекта, узнать его привычки и пристрастия, стать владельцем контактных данных.

- Геоповеденческий таргетинг – суть которого сводится к обладанию информацией о перемещениях субъекта (точное местоположение субъекта умеют определять современные геосоциальные сервисы, например, AlterGeo) и остановках («отметках» – *check-ins*) в некоторых точках. Постепенно можно достаточно четко выявить привычки и пристрастия объекта наблюдения (Pentland, 2014).

Все большее применение в Интернете находит такая технология воздействия на общественное сознание, как «троллинг» (*trolling*), способствующий созданию нового контента и распространению лживых сведений. В наиболее общем виде под этой деятельностью можно понимать процесс размещения

на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путем нарушения социальных и этических норм интернет-взаимодействия.

Использование троллинга дает субъектам управления такие преимущества, как усиление эффекта массовости, возможность повысить уровень доверия к источнику «разоблачительной» информации, а также расширить круг ее получателей. Как полагают ряд зарубежных специалистов, уже в обозримом будущем троллинг может превратиться в востребованную специализацию целого ряда профессий в таких сферах, как журналистика, международная экономика, мировая политика и пр. (Del Vicario et al., 2016).

В настоящее время все больше распространяется оплачиваемый троллинг. Под платным троллингом подразумеваются действия организованных групп интернет-пользователей, занимающихся за денежное вознаграждение формированием общественного мнения в Сети в определенном направлении. Так, например, в Соединенных Штатах широкая деятельность приписывается группе «Честный голос» (*Operation Earnest Voice*), находящейся непосредственно в подчинении Центрального командования вооруженных сил (*CENTCOM*). При этом в качестве основного соперника в информационно-коммуникационном пространстве американские специалисты называют Российскую Федерацию и Китай.

Условно эксперты выделяют следующие сферы осуществления троллинга:

1. Политический троллинг наиболее опасен в период предвыборных кампаний на всех уровнях властной иерархии. Так называемые политические тролли часто применяют в своей деятельности метод контент-анализа по поисковым словам (в зависимости от того, чьи политические интересы они представляют).

2. Провокаторы стремятся отслеживать реакцию публичных персон на конкретные инициированные события с целью получить в свое распоряжение некорректный, абсурдный комментарий. Они выбирают в качестве инструмента провокации актуальные проблемы религии, этнической принадлежности, отношения к нововведениям в законодательстве и пр.

3. Вымогатели считаются наиболее опасной разновидностью таких пользователей Интернета. Их целью является получение конкретной информации (места работы, социального статуса, семейного статуса, номера телефона и пр.) с манипулятивным умыслом.

Зарубежные эксперты указывают, что вне зависимости от тематики виртуальные дискуссии в интернет-сообществах с применением троллинга значительно повышают выраженность негативных эмоциональных состояний и меняют убеждения пользователей к радикальным, крайним оценкам (Parramore, 2010).

Астротурфинг как имитация «низовой инициативы»

Примечательной технологией воздействия на общественное сознание является «астротурфинг» (*astroturfing*), который применительно к интернет-пространству характеризуется как использование современного программного обеспечения, специально нанятых оплачиваемых пользователей для искусственного управления общественным мнением. Примечательно, что многие исследователи связывают явление астротурфинга исключительно с интернет-коммуникацией, поскольку характерная для Сети возможность сохранять ано-

нимность позволяет имитировать массовость, создавая трудно идентифицируемые боты и поддельные учетные записи.

Как указывают западные специалисты, основная особенность астротурфинга, отличающая его от пропаганды, это имитация «низовой инициативы», которая призвана изобразить поддержку представителями общественности политических сил, якобы с ними не связанных, но в реальности их финансирующих. В ряде случаев астротурфинг оказывается более эффективным средством достижения результата, чем реклама или пропаганда, поскольку массовое высказывание мнения рядовыми пользователями значительно реже вызывает сомнения и подвергается критическому осмыслению (Webster, 2011).

Эффективность астротурфинга во многом объясняется эффектом группового социального подкрепления (*communal reinforcement*), благодаря которому прочное убеждение внутри какого-либо социального сообщества формируется посредством повторения некоего утверждения (идеи, концепции и пр.) его членами. Ученые доказали, что этот процесс происходит естественно, вне зависимости от подтверждения создаваемого убеждения достаточными эмпирическими или научными данными. Таким образом, даже широкая распространенность в интернет-сообществе какого-либо убеждения не является однозначным свидетельством его истинности или ложности. В наши дни это скорее зависит от усилий субъектов управления сформировать данное убеждение.

В настоящее время технология астротурфинга используется для вытеснения мнения реальных людей на веб-форумах, либо для организации поддельных кампаний в Интернете, которые создают впечатление того, что большое количество людей требуют чего-то конкретного или выступают против чего-либо. В основном такая деятельность характеризуется:

- созданием подставных групп для размещения сообщений в чатах, форумах, новостях – для продвижения или, напротив, осмеивания (особенно посредством «троллинга») конкретных идей;
- распространением в социальных сетях, блогах, на форумах идей, которые будут поддержаны и ретранслированы большим числом мнимых пользователей (реже – реальных, но введенных в заблуждение пользователей);
- технической «накруткой» количества просмотров той или иной информации в Интернете для поднятия ее рейтинга и популярности.

В социальных сетях (где в основном предполагается минимизация анонимности и публикация пользователями большого количества личных данных) учетным записям, используемым в астротурфинге, придается видимость исходящих от реальной персоны: заполняется профиль, имитируется постоянная активность пользователя (часто генерируемая специальным программным обеспечением). Затем предварительно «состаренная» учетная запись используется непосредственно для астротурфинга. Также могут создаваться блоги, где публикуются записи, продвигающие чьи-либо интересы; при этом такие записи нивелируются большим количеством записей нейтрального содержания (Ratkiewicz et al., 2011).

По некоторым сведениям, технология астротурфинга активно применяется военными специалистами из США, ориентированными на проведение проамериканской пропаганды через социальные сети и различные блоги. С этой целью якобы регулярно создаются вымышленные виртуальные личности в соцсетях, которые по внешним признакам кажутся обычными пользователями из разных

стран. Еще в марте 2011 г. на американском сайте госзакупок была опубликована информация, согласно которой IT-компания «Энтирепид» заключила с армией США контракт на сумму 2,76 млн. долларов на поставку национальным ВС программного обеспечения для ведения проамериканской пропаганды за пределами США (в основном в странах Ближнего Востока) путем создания учетных записей в социальных платформах, маскируемых под реальных людей и контролируемых анонимными операторами из числа американских военных (Cho et al., 2011).

Таким образом, в настоящее время, когда беспрецедентная доступность информации сочетается со столь же беспрецедентным ее переизбытком, современные технологии информационно-психологического воздействия, сочетающие новейшие достижения нейробиологии и коммуникативистики в области генерирования специфических нарративов – новостных сообщений, видеоматериалов, высказываний и пр., способны направить человеческую мысль по заранее запрограммированному пути. При этом если данные практики подпитываются идеями, научными доктринами, мнениями, высказываниями и фразами, доносимыми до широкой общественности «трансляционными лидерами» (т.е. политиками, бизнесменами, научными и общественными авторитетами и пр.), то это способно оказывать серьезное влияние на формирование мировоззрения людей, их поведение и подходы к принятию конкретных решений, а зачастую и сами решения. (Миловидов, 2020). Это обуславливает развитие тенденции на качественно новую декомпозицию отношений между властью и обществом.

Список литературы

1. Виловатых, А.В. (2018). Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: социально-психологический аспект. *Проблемы национальной стратегии*, 2, 197–211.
2. Миловидов, В.Д. (2019). *Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции* (предисловие М.Е. Фрадкова). М.: Магистр.
3. Миловидов, В.Д. (2020). Перформативная трампономика и финансовый рынок. *Мировая экономика и международные отношения*, 2, 24–33. doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-24-33
4. Рогачев, С.В. (2019). *Цифровизация по критериям политического риска: Научный доклад*. М.: Издательство «Проспект».
5. Facebook запускает гиперлокальную рекламу для тех, кто неподалёку. (2016). *Apps4All*. Взято с <http://apps4all.ru/post/10-08-14-facebook-zapuskayet-giperlokalnuyu-reklamu-dlya-teh-kto-nepodaleku>
6. Cho, C.H., Martens, M.L., Kim, H., & Rodrigue, M. (2011). Astroturfing Global Warming: It Isn't Always Greener on the Other Side of the Fence. *Journal of Business Ethics*, 104, 571–587.
7. Del Vicario, M., Bessi, A., Zollo, F., Petroni, F., Scala, A., Caldarelli, G., Stanley, H.E., & Quattrocioni, W. (2016). The spreading of misinformation online. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 113(3), 554–559.
8. First Monday: What's on tap this month on TV and in movies and books: The Filter Bubble by Eli Pariser. (2011). *USA Today*. Retrieved from <https://usatoday30>.

usatoday.com/money/companies/management/monday/2011-04-29-first-monday-business-media-in-may_n.htm

9. Goldberg, L.R. (1990). An alternative «description of personality»: The Big-Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 6, 1216–1229.

10. Harkins, S.G., & Petty, R.E. (1981). The multiple source effect in persuasion. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/014616728174019>

11. Kosinski, M., & Stillwell, D. (2015, January 27). Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *PNAS*. Retrieved from <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full>

12. Pariser, Eli. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press.

13. Parramore, Lynn. (2010, October). The Filter Bubble. *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/daily-dish/archive/2010/10/the-filter-bubble/181427/>

14. Pentland, A. (2014). *Social physics. How good ideas spread – the lessons from a new science*. New York.

15. Ratkiewicz, J., Conover, M.D., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A., & Menczer, F. (2011). Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media. *Center for Complex Networks and Systems Research*. Indiana University.

16. Szymanski, K. (1987). Social Loafing and Self-Evaluation with a social standard. *Journal of Personality and social psychology*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/65c6/162ff35fc61ea7b59945858f1235e80cdbc3.pdf>

17. Tapson, Mark. (2013, August 13). The Soft Totalitarianism of Nudging. *FrontpageMag*. Retrieved from <https://archives.frontpagemag.com/fpm/soft-totalitarianism-nudging-mark-tapson/>

18. The Echo Chamber Revisited. (2011, June 17). *WNYC*. Retrieved from <https://www.wnyc.org/story/143347-echo-chamber-revisited/#transcript>

19. Webster, S.C. (2011, February 22). Exclusive: Military’s ‘persona’ software cost millions, used for ‘classified social media activities’. *Rawstory*. Retrieved from <https://www.rawstory.com/wpcontent/uploads/2011/03/personamanagementcontract.pdf>

20. Weedon, J., Nuland, W., & Stamos, A. (2017, April 27). Information Operations and Facebook. *Facebook*. Retrieved from <https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf>

21. Zhang, J., Carpenter, D., & Ko, M. (2013, August 15–17). Online astroturfing: A theoretical perspective. *Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems*. Chicago, Illinois. Retrieved from https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041

References

1. Cho, C.H., Martens, M.L., Kim, H., & Rodrigue, M. (2011). Astroturfing Global Warming: It Isn’t Always Greener on the Other Side of the Fence. *Journal of Business Ethics*, 104, 571–587.
2. Del Vicario, M., Bessi, A., Zollo, F., Petroni, F., Scala, A., Caldarelli, G.,

Stanley, H.E., & Quattrociochi, W. (2016). The spreading of misinformation online. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 113(3), 554–559.

3. Facebook zapuskaet giperlokal'nuyu reklamu dlya tex, kto nepodalyoku [Facebook launches hyperlocal ads for those who are nearby]. (2016). *Apps4All*. Retrieved from <http://apps4all.ru/post/10-08-14-facebook-zapuskaet-giperlokalnuyu-reklamu-dlya-teh-kto-nepodaleku>

4. First Monday: What's on tap this month on TV and in movies and books: The Filter Bubble by Eli Pariser. (2011). *USA Today*. Retrieved from https://usatoday30.usatoday.com/money/companies/management/monday/2011-04-29-first-monday-business-media-in-may_n.htm

5. Goldberg, L.R. (1990). An alternative «description of personality»: The Big-Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 6, 1216–1229.

6. Harkins, S.G., & Petty, R.E. (1981). The multiple source effect in persuasion. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Retrieved from <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/014616728174019>

7. Kosinski, M., & Stillwell, D. (2015, January 27). Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *PNAS*. Retrieved from <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full>

8. Milovidov, V.D. (2019). *Simmetriya zabluzhdeniy: factory neopredelennosti finansovogo rynka v usloviyakh tekhnologicheskoy revolyutsii* [Symmetry of delusions. uncertainty factors of the global financial market under the technological revolution]. M.: Magistr.

9. Milovidov, V.D. (2020). Performativnaya tramponomika i finansovyj rynek [Performative trumponomics and financial market], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 24–33. doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-24-33

10. Pariser Eli. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press.

11. Parramore Lynn. (2010, October). The Filter Bubble. *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/daily-dish/archive/2010/10/the-filter-bubble/181427/>

12. Pentland, A. (2014). *Social physics. How good ideas spread – the lessons from a new science*. New York.

13. Ratkiewicz, J., Conover, M.D., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A., & Menczer, F. (2011). Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media. *Center for Complex Networks and Systems Research*. Indiana University.

14. Rogachyov, S.V. (2019). *Cifrovizaciya po kriteriyam politicheskogo riska: Nauchnyj doklad* [Digitalization according to the criteria of political risk: Scientific report]. M.: Izdatel'stvo «Prospekt».

15. Szymanski, K. (1987). Social Loafing and Self-Evaluation with a social standard. *Journal of Personality and social psychology*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/65c6/162ff35fc61ea7b59945858f1235e80cdbc3.pdf>

16. Tapson, Mark. (2013, August 13). The Soft Totalitarianism of Nudging. *FrontpageMag*. Retrieved from <https://archives.frontpagemag.com/fpm/soft-totalitarianism-nudging-mark-tapson/>

17. The Echo Chamber Revisited. (2011, June 17). *WNYC*. Retrieved from <https://www.wnyc.org/story/143347-echo-chamber-revisited/#transcript>

18. Vilovatykh, A. V. (2018). Ispol'zovaniye informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v voyenno-politicheskikh tselyakh: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Information & Communication Technologies on the Political-Military Service: the Social and Psychological Aspects]. *Problemy natsional'noy strategii*, 2, 197–211.

19. Webster, S.C. (2011, February 22). Exclusive: Military's 'persona' software cost millions, used for 'classified social media activities'. *Rawstory*. Retrieved from <https://www.rawstory.com/wpcontent/uploads/2011/03/personamanagementcontract.pdf>

20. Weedon, J., Nuland, W., & Stamos, A. (2017, April 27). Information Operations and Facebook. *Facebook*. Retrieved from <https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf>

21. Zhang, J., Carpenter, D., & Ko, M. (2013, August 15–17). Online astroturfing: A theoretical perspective. *Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems*. Chicago, Illinois. Retrieved from https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041

НЕКОТОРЫЕ ГЛАВЫ ИЗ ТЕОРИИ О НЕОЖИДАННОЙ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ЧАСТЬ I

Кисс Эндре,

Университет имени Лоранда Этвёша – ELTE (Будапешт, Венгрия),
Университет еврейских исследований (Будапешт, Венгрия),
Институт философии (Будапешт, Венгрия),
профессор, доктор философии, Почетный профессор,
Будапешт, Венгрия,
E-mail: andkiss@hu.inter.net

Статья поступила в редакцию 21.04.2020, принята к публикации 06.06.2020

Для цитирования: Кисс Э. Некоторые главы из теории о неожиданной мировой истории. Часть I // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 165–180. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10211

Аннотация

Триумфальный путь развития социального государства породил легитимный характер новой социальной и ментальной реальности. Дальнейший упадок социального государства также породил новую реальность, при которой стало происходить накопление разнообразных легитимностей, связанных с расцветом неолиберализма. Третий Путь – это своеобразный ответ социал-демократии на новую политическую ситуацию в мире, сложившуюся после 1989 года, ответ, который предполагал создание некоего долгосрочного партнерства сторонников социального государства с неолиберальным режимом, устанавливающим новый гегемонистский экономический и политический миропорядок.

Либерализм рассматривается в современных дискуссиях как выражение определенной системы ценностей. В настоящее время наибольшее внимание уделяется новому монетаристскому или экономическому либерализму. Социализм 70-х и 80-х годов был тем объектом, против которого объединились классический политический либерализм прав человека и новый монетаристский либерализм. Сторонники социального государства не смогли распознать эту новую ситуацию.

© Kiss, E., 2020

Далее мы выдвигаем гипотезу о существовании трех «обществ» в современном глобальном мире. «Первое общество» – это общество до 1989 года, для которого главной ценностью выступало развитие социального государства. «Второе общество» мы определяем как отрицание «первого», то есть как общество господства монетаристского неолиберализма. Основы для появления «третьего общества» мы видим в новом политическом классе или элите. «Третье общество» возникает как возрождение некоторых черт «первого общества». «Второе общество», возникшее после 1989 года, в настоящее время испытывает первые глобальные потрясения, связанные с возникновением нового мирового порядка.

Ключевые слова:

глобализация, государство всеобщего благосостояния, третий путь, монетаризм, неолиберализм, государственный департамент, различие, саморазрушительное измерение глобализации, три общества глобального времени.

UDC 323+325.3

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10211

SOME CHAPTERS FROM A THEORY ABOUT AN UNEXPECTED WORLD HISTORY. PART I

Kiss Endre,

University ELTE – Budapest (Hungary),
University OR-ZSE – Budapest (Hungary),
Institute of Philosophy,
Professor Dr. D.Sc., Professor Emeritus,
Budapest, Hungary,
E-mail: andkiss@hu.inter.net

Article received on April 21, 2020, accepted on June 6, 2020

To cite this article: Kiss, E. (2020). Some chapters from a theory about an unexpected world history. Part I. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2(39), 165-180. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10211

Abstract

The triumphant way of the social state in the direction of the providing of a legitimacy constituted a new social and mental reality. This is for us much relevant because the decline of the social state also produced a new reality. Like during the construction of the social state, an accumulation of the miscellaneous legitimizations goes on, it was therefore nec-

essary to bring on the scene the same entire pallet of the delegitimization. The Third Way is the answer of the social democracy to the new situation. An answer that offers a long-term partnership, if we want, a political marriage to the neoliberalism of an economical and political world order, which is already considered as hegemonic.

The liberalism appears in every point and as a personification of every value in the current discussions. The greatest problem in the present to set the liberalism identical to the monetarist economical system. Precisely the really existing socialism of the 70-s and 80-s averred as the subject against which a classical political liberalism of the human rights and a new economical liberalism could unit. The real socialism has not “misunderstood” this new situation. It has simply not recognized it.

We draw further up a hypothesis about three “societies” of actual global world. The first society would be the society of the good will itself, for which the value-oriented life of this year (1989) can no more become an open problem. We define the second society as the one, which is fundamentally not constituted by the above described good will. We see the third society in that political class or elite, which power has been built on the year 1989.

The “third” society is the object of the self-identification of the “first”, the “first” is the product of the year 1989. The “second” society lived after 1989 rather long in the shade; its emancipation began after the first elementary shakes of the new world order.

Keywords:

globalization, welfare state, Third Way, Monetarism, Neoliberalism, state dept, the difference, self-destructive dimension of the globalization, three societies of global time.

The Welfare State as Object of a Theory

The so-called “welfare state” (the “social” or the “redistributive” state) means in a multiple point of view a singular subject. Its theoretically distinctive characteristic is, above all, that as well its emergence as its existence is, to the same extent, a subject of politics and economy (in a system-theoretical sense). In other words, the social state is examined and lit up, in this way, by two different subsystems and there are always two perspectives, which can be directed on this subject as legitimately and which eventual differences can become quite easily the basis of further arbitrary interpretations (Plant, 1985; Pierson, 1996; Kuhnle, 2000).

Besides this very specific theoretical status, the social state applies also as a very differentiated cultural and civilization object, so that the new problematic occurs, the dimensions of politics and economy, not really mediated with each other, should still be brought also with those of the culture and the civilization into a meaningful unity. This means, that the social state is simultaneously a subject of two different normal sciences as well as the one of two meta-sciences, what constitutes undoubtedly a unique theoretical basic conceptuality.

It has to be strongly emphasized at this point and in this context that, the social state appearing after 1945 in the history, was standing on strict democratic bases. On the one hand, it was largely understood as a natural prolongation of democratic

fundamental insights, on the other hand, what was just its political decision, has been articulated also on the part of the democratic states and finally in comparison, if just not as direct contrast to the current forms of the political totalitarianism.

One of the most determining fundamental conditions of every analysis of the welfare state is that its complexity and singularity are not also promptly identified with the redistributing function. Since the redistribution is in fact perhaps the most important function of the social state, its uniqueness and complexity are in it nevertheless not at all exhausted.

This state becomes characterizeable also from an unprecedented accumulation of legitimizations, which was indeed also functionally imperative already for the reason, that the power of the redistribution can be legitimized. To become a “social” or “redistributing” state, it was necessary to the state to firstly break a long range of legitimizations. And, indeed, this was also a process of hypertrophy on the part of the state, which had abolished deliberate intentions and unconsciously remaining evidence ideas.

Out of the usual political intentions and interests of any time, it will probably be allowed to speak about the omnipotence of the idea of the redistribution and about the one of the redistributing state particularly in this age. Undoubtedly, it was also about a specific furious madness of this redistributing state regarded as omnipotent, in which it has broken in turn all functions and legitimizations of the whole-social reproduction and even still searched from time to time to take over further dimensions of the reproduction in its competence. This multiple and always completely represented legitimization accumulation has already been alone capable to raise the emergence of the social state to an event of civilizational order of magnitude.

It wins an as unexpectedly crucial significance just through the demolition of the social state, that can be already regarded today as completed. Since this is the real reason, why this demolition of the social state has become in the same way also an event of civilizational order of magnitude.

What we are fully confronted today with, is exactly the demolition and the decline of the social state as a epochal phenomenon. It is of not only about the theoretical side of this phenomenon which became a civilizational one. Its practical side is a still more intense and in every respect “practical” challenge for science and politics.

The demolition of the social state released a great number of forces, which eliminate the civilizational achievements of the social state and pave the way of a new establishment of the social reproduction through.

The triumphant way of the social state in the direction of the providing of a legitimacy constituted a new social and mental reality. At this point, this new reality is however not only of a great interest due to its various new qualities. This is for us much relevant because the decline of the social state also produced a new reality. The new reality of the no longer existing social state can only ever be assessed, if we can measure it with the also former new reality of the social state standing in blossom.

The decay of the social state reveals a twice self destructive process. It's not true, that the social state declined as a whole frame. Its decline did no longer release from this allying the numerous legitimacies eliminated in it beforehand.

The mature social state has changed the social structure. New social roles, new jobs, new values occurred because of the conviction of the omnipotence of the redistributive state.

From the intensity of this sociocultural regrouping the tendency is first to be emphasized so as the intellectual class increased clearly not only in quantity, but also in its professional diversity substantially differentiated. And it was just the development trend of the social state, which determined this differentiation process of the intellectuals. The intellectuals revealed as the hegemonic class of the social mediation. Their expansion has been motivated by the fact simple in itself, that every new step of the social state originally was an intellectual factual problem, so that the social state already depended, in the planning phase, on an as well wide as deep support from the part of the intellectuals. It has however not to be underestimated, that the social state in function also produced a high number of new functions and new social roles, which had somewhat to perform the multiple services of the social state with the right mental attitude.

According to rise and decline of the social state, it is time also to address the wide problematic of the financing of the state. In the centre of our investigation, we would not put the obviously resulting context, as how this accumulation of legitimizations and the takeover related with it of the whole-social reproduction is probably to be financed with difficulties in the long term, even not to be at all financed. This acceptance would be also largely taken as basis of the argumentation for the demolition of the social state.

In all rationality, this assumption will not give us the key toward the explanation of the unlimited plausibility of the omnipotence of the redistribution. Since the social state was by no means a product of a long rational reflection about the possibility or the impossibility of the financial affordability. Behind the emergence of the social state stood the conviction, that it cannot happen, that a state or the state, a realization of multiple and complex contracts, the bearer of eternal values and the personification of sacred traditions, that this state as a state can become a common actor of the economical life and its mission can suffer the problems or even the financing impossibility.

It was this social state to be apprehended by many as an optimum, which had challenged numerous groups and actors in a critical way. It had critically challenged the representatives of the traditional elites and in general the social status quo, while it has given to new individuals and groups considerable social chances. The social state critically challenged also all the political forces which were against the politics of the redistribution, because its successes just projected in attempts a new hegemony of the redistributive politics. The new social state at least also challenged all social classes, which – still for whatever reasons – personified the attitude, that everyone must do or perform something, with what he gets from the state.

Another chapter in the life of the new classes inaugurated by the social state opens itself to us, if we put the question, how those individuals or classes behaved by the decline of the social state, which owed their existence, in the most concrete sense, to this state.

The progress, the higher quality of life, the possibility of the social success were options of the social state, which a lot had straight accepted. The same classes, as a dialectic of the welfare state, however, by the already starting decline of this state, wanted or could no longer defend this entity. Behind these moral dimension, there is still a new anthropological dimension. Since the children of the social state became in the course of their repeated ascent other people who, in a concrete sense

of the word, could no longer renounce the newly acquired social and civilization results. It's considered as typical the example of the Scottish miner, who gave up his strike in 1986, when he would have had to sell his video set.

Finally, it is about the serious conflict between the idea and the action of the social state and the so-called New Left holding an hegemonic position also at that time. While, on the one hand, the social state was all and sundry a "left", "social democratic" and, in its later critics, a "communist" idea, the New Left saw in the social state as a still more dangerous enemy than the capitalism has otherwise been.

Like during the construction of the social state, an accumulation of the miscellaneous legitimizations goes on, it was therefore necessary to bring on the scene the same entire pallet of the delegitimization. And this is the reason, why also the demolition of the social state has become as well a civilization problem, as it has been the case with the construction.

The Neoliberal Turn of Social Democracy

The Third Way is made up by neoliberalism and social democracy interwoven in a specific way. The history of Third Ways is an uncomparably exciting mine of historical examples (Giddens, 1998; Giddens, 2000).

We might just remind of a strange contrast existing between the first half and the end of the nineties. While namely in the first half of the nineties (especially in post-socialist milieu) the mere thought of a Third Way counted to be politically incorrect, it was precisely the social democracy, or mainly its Anglo-Saxon equivalent, the Labor party that had enough of political abstinence concerning the Third Way.

The neoliberalism gained its mature form mainly from the opposition and latter triumph against the late communism. Therefore, its tendency is a global organization without any own political system of institutes. One of its trend is the fact, that it is also a correction of the classical liberalism. The resulting huge tension from this conflict was neutralized by the opposition to the late communism, in a way that the neoliberal politics articulating beside the neoliberal economy was made similar to the classical liberalism through the living contrast of the communism.

The neoliberal structure actualizes the tendencies of the globalization in the structure of so-called monetarism, which is not the same as an economical school of the same name, but it denotes an implementation of the structure of the globalizing economy by the sphere of the international financial organizations, i. e. the actualization of the concrete form of the globalization.

From all this results also the fact, that the social democracy, even within the frame of the Third Way-concept, can get classical liberal critics. Emphasizing the systematic nature of the neoliberalism is especially important, also because the social democracy (Labor) was trying to find the connection with this structure perceived as a system by its Third Way-concept. This also explains a fact, which is not only difficult to explain in other ways, but even seems ambiguous, since the social democracy (Labor) was not led to the concept of a Third Way identified with the neoliberalism by new insights, but to the search for the interpretation justifying this identification approach only started after a decision implying this approach.

If namely it seems possible, on the one side, to judge the fact that the neoliberal turn of the social democracy (Labor) is a consequence of some kind of adaptation

to the hegemonial state of the neoliberal–monetarist complex, on the other side, the theoretically unidentifiable relationship of the neoliberal–monetarist complex to the society appears quite a lot in such a strong approach of this complex through a political direction, which has defined itself as a representative of all social interests.

A basic condition of such an abstraction is a total former desideologization of the politics. But a certain magnitude of desideologization endangers the basic concept of the politics.

What is astonishing in this example is the new language regulation, through the same logic, even the Wimbledon Tennis Tournament could become a historical phenomenon (“it had shaken up a lot the British society” – so Blair’s Third Way). Transforming the great defeat into a slight tackle makes literarily all arbitrary changes of the language regulation possible. The fact (and justification) of doctrinally inconceivable political interests does not change the depoliticizing effects of the great functional systems.

One of the most important elements of the reorganization of the whole political space (originally neoliberal, but also used by the social-democracy of the Third Way) is a hostile identification of the state with the temporarily hegemonic social state, i. e. the neoliberal demolition of the social state becomes equal to a critical relativization of every statehood.

But it would (have) be (en) enough to flip through our childrengarden notes to recognize some functions of the state, which have nothing to do with the social state. The total elimination of the state brought a part of the society into a critically defenseless condition.

While the ephemeral welfare state has practically swallowed up all community functions, the power complex built upon great neoliberal functional systems used its fall for rolling back all civilizational achievements, which the (social) statehood had reached up to now.

Some mature concepts of the Third Way, in the programmatic form they appear to us, are in a metaphoric or realistic sense also products of a state defined by a post-historical condition, by the “End of the History” (Fukuyama, 1992). From this, it logically follows what the empirical investigation justifies each time. The concepts of the Third Way move among the whole of ideas, events, values and interpretations of each historical era so arbitrarily, that even the de-constructivist, as well as the constructively eclectic current of the post-history could envy it. Each era of the nearly two hundred year long history of the left wing are being treated with post-modernist arbitrariness by the theoreticians of the Third Way.

Thus, the Third Way can step forward as a reformer of the welfare state. This is the point, where we might tend to forget, that the welfare state has already been destroyed by Reagan’s and Thatcher’s neoliberalism; The Third Way could only have the chance of reorganizing the remained but quite moderate wrecks of it – and also to legitimate this destruction on behalf of the Universal Social Democracy¹.

Such an eclectic treatment of the historical and objective dimensions is also sure to help the conspicuous verbalism characteristic of the Third way in general (and also

---

¹ Historically doubtful remarks are often strongly tendencious – what we should think when we read in a text e. g. that the industrial society had never been so “dominant” in the history than many think, because there had always been active small-scale manufacturers and contractors...

from several other perspectives)², which at this point should be called after all triumphant verbalism. Blair prefers to use the expression “strong family”. But if we want to see through the curtain of verbliness, we may find, that one component of a “strong family” is the “civil society” lacking any stricter definition.

One significant common characteristic of the concepts of the Third Way is the argument with the values. On this field also, several objectivations could be raised. One (this?) characteristic is defining the theory of “values” of the Third Way, considering the deepest character of the whole current, and it also defines most deeply the political goals. New values of the Third Way, value-based attacks of rival currents, an explanation of the new political situation through new values, and thus the whole value-oriented nature of the Third Way prove to be a basically incomplete approach, for they build values in functional connections of the whole of the modern society and its sub-systems so.

They talk about values in every way runs without any connections of objects or contents. But a discourse of values put this way is doomed to be almost totally arbitrary. A new concept cannot be built upon new values, but only upon new interpretations of political, economical, social processes and international politics, which of course bring changes into the system and relations of values. A re-evaluation of values without new recognitions is a superficial activity which only affects the surface, and it cannot promise any greater results.

Such a rectilinear separation of values and analyses of contents and functions brings of course some intellectual and practical benefits concerning the actual goal of the Third Way, for without any connections of functions or contents many do not realize, how the real values of the Third Way, in an unrecognizable way, look like the basic values of the neoliberalism³.

---

² In a paradoxical way, sometimes it happens that because of the blurriness of historical and objective measures, even a useful and productive thought may lose its sharper outlines. Thus for example the idea that every public expense should create perceivable reforms and apparent improvement, becomes insecurely outlined if the objective components of the concept are not clear, i. e. if possible scopes of interpretation of long- and short term, minority and majority, common and individual interest, national and supranational interest are not made clear, as the original statement (“each public expense should bring apparent improvement”) shall have completely different meanings and contents at each significant concrete distribution of these aspects. Of course, even this, on its own totally irreproachable statement means practically overshadowing less beneficial possibilities and long-term thinking in general.

³ In a programmatic writing (The Third Way), Tony Blair gives an excellent example for the way this current is treating the values. Then he names four basic values (equality, equality of chances, responsibility, community), some of which are either entirely of neo-liberal content and origin (equality, equality of chances), or they become like that in a concrete interpretation. A quite élatant example for this is the “value” of the responsibility, which is meant to describe the fact that there are socially supported people who use help without return, without “responsibility”. This is a real problem, we just do not see why it would be a task of an unemployed person to find oneself a “responsible” activity; we do not see either, why Blair connects this (with a neoliberal touch) with an attack against the old left wing. But even this is exceeded by the value of “community”, which at first sight is really not of a neo-liberal accent, what Blair is however trying to make accepted in the way he considers the state intervention as acceptable only in the case of the self-

However the Third Way's ideas about values have a side which is also relevant in a comparison with the neoliberalism. Namely, we had to state, up to now, that leading values, either directly or concerning their interpretation, are of a neoliberal kind. We also had to mention the fact that the secret gravity of the Third Way is to acquire the political control over the new nation-state and supra-national structures that are to be built upon neoliberal bases.

While the classical (political) neoliberalism in the present circumstances (standing on neoliberal economical and political bases) does not want, is not even able, to promise anything about solving or even reducing conflicts, that might emerge in the system, the "right politics" of the Third Way is still a promise after all, even if – of course – we would be aware of the new results of analyses of functions and contents behind the movement of the values, when also grounding these values⁴.

The short-term objective of the Third Way is obvious: it wants to take away the political control of the today's world from the neoliberalism (or political representatives of the neoliberalism, mainly conservatives). But at the same time they do not articulate content – and function related bases of the social operation to change (to be changed). This desired political hegemony therefore relies on a deep identity. No wonder that not a single concept of the Third Way tries hard to indicate superficial differences⁵.

The Third Way is a supra-national offer, also an integrating integration. The Third Way also makes great integration processes part of the concept of the permanent revision.

After a world-wide victory over the existing socialism, the neoliberalism emerged as a victorious complex system. The same victory of the existing socialism shocked in the same way the international social democracy and put it in front of new choices.

The Third Way is the answer of the social democracy to the new situation. An answer that offers a long-term partnership, if we want, a political marriage to the neoliberalism of an economical and political world order, which is already considered as hegemonic. In this case, there is a difference between the marriage share of each "spouse».

---

supporting operation of the local communities "is not being set back". The definitions of the state are especially sensible in the concepts of the Third Way, as the pronouncement of these functions would like to differ from the neoliberalism in a positive way, while the first concrete definitions are unmistakably already of a neoliberal kind (another example: an interpretation considering the regulation of the "competition" as a most important function of the state).

⁴ This "promising-nothing" character of the neoliberalism puts it in a new light, why its victory got interwoven with the fall of the communism. No matter how unfortunate e.g. one self-definition ("permanent revisionalism") of the Third Way might be, the neoliberalism arriving at the peak of the best worlds, cannot promise such a thing. Though the acknowledgement of other possibilities, we may mention here an element of the new rhetoric of the Third Way, according to which while taking neoliberal values, sometimes they consider the "attractivity" of the declining neoliberalism, sometimes they consider it straight as politically dead.

⁵ In Blair, the radical and doctrinal neoliberalism endangers "the unity of the nation" – an argument that the continental representatives of the Third Way could hardly include in their arguments, although its everyday political significance is quite clear.

The triumphant neoliberalism can wait historically. Its operation does not directly depend on the tone of the political system of institutions that ensures hegemony, while the social democracy is sure to get to an acting constraint by a succession of quick changes. The Third Way practically means the total acceptance of neoliberal basic values. Non-neoliberal values (we intentionally do not speak about “left-wing” values) only appear on the level of the rhetoric, of the triumphant verbalism, of the verbal victories.

Liberalism, Neoliberalism, Monetarism

The liberalism applies, in the true sense of the word, as an “endless” topic of the political and politological debate after 1989, which date is identical with a victory of the liberalism not considered in the strict sense of political party. It don't mean that the liberalism would not have remained generally valid as the common denominator and global discourse of these years (Dahrendorf, 1990a; Dahrendorf, 1990b; Kiss, 1997, pp. 33–41).

The liberalism appears in every point and as a personification of every value in the current discussions. In its environment, descriptive and normative, or value relative positions are mixing endless.

The greatest problem in the present, explicit or latent, to set the liberalism identical to the monetarist economical system. Our attempt would like to argue intensively against this fusion attempt, namely first of all, by interest of clarity of terms.

Every reduction of the classical liberalism is immediately a great problem. However, such possibilities can however all too well appear, for the liberalism, despite its apparently so simple and so transparent baselines is a bundle of numerous “freedoms”. L.T. Hobhouse judges, that all the following “freedoms” as elements of the liberalism as constitutive for a legitimate notion of the liberalism: “civil”, “fiscal”, “individual”, “social”, “economical”, “domestic”, “local”, “racial”, “national”, “international”, “political” and the “people's sovereignty” concerned freedoms (Hobhouse, 1994). The liberalism stands effectively, and indeed because of a logical necessity, constrained to represent all freedoms, or to defend them. Therefore, it is always critical when orientations and concepts presented as “liberal”, proceed as “reductive” in their freedom's understanding. Every reduction of the liberalism has a critical effect on the whole concerned vision. It appears as logical that, from this vision also the specific reduction of the liberalism / neoliberalism on the system of the monetarism is illegitimate.

Precisely the really existing socialism of the 70-s and 80-s averred as the subject against which a classical political liberalism of the human rights and a new economical liberalism, appearing against the national redistribution and essentially thinking in the strict sense “monetaristically”, could unit. The end of the real socialism created this complex of the new monetaristic worldwide complex, while through its existence it united two original concepts, which had very little to do with each other. It was precisely the real socialism, in front of a true hermeneutical horizon of the classical, economical and political discussion of a liberalism founded on the human rights, also a strongly represented “liberalism” of the monetary restriction and of a new attitude oriented against the central redistribution, could appear as both sides of a lonely medal.

The counterproof can be easily done. Only on the field of the western politics, it was rather so, that the liberals motivated by the human rights should have rather behave against the monetary restriction. No miracle that the penetration of this economic politics be implemented on this western field by extremely right and conservative politicians.

Only the system of the declining real socialism was therefore the only optimal political field, in which the “liberalism” of the criticism of the etatistic redistribution did not immediately lead in the relation of the cognitive dissonance to the classic liberalism of the human rights. Precisely in this system the criticism of the extremely strong central redistribution itself has still carried classical liberal trains of the “free game of the free forces”.

The real socialism has not “misunderstood” this new situation. It has simply not recognized it. It has not seen that its pure existence made possible a crucial and deadly regrouping of forces and ideologies and supplied, like on a running track, the precedent cases, which have always splendidly confirmed the new categorization.

The world-historical relevant post-communist liberalism united in this way the elements of the classical liberalism and of the monetary liberalism. A union of the liberal description of the political reality and social reality with the monetary description of the same is today a worldwide phenomenon and this represents the current most problematic reduction of the liberalism. The tacit comparison of the liberalism with the monetarism does not apply only as an incorrect official version; it is also simultaneously very much misleading.

Under “monetarism”, we understand an homogenous and coherent, also a political-economical system running homogeneously and coherently, which comes back to three relevant subsystems, namely to an economical system (mainly, monetary-economical), which is largely determined by the phenomenon of the inside and outside indebtedness of the states, to the political system of the liberal democracy and to an hegemony of post-modern values in the everyday life. About this complex, we formulate the thesis, that it might hardly be generally designed as “liberalism”.

It has to be considered first, that the stricter economical politics of the monetary restriction has not even once by chance been imposed by “liberal” political forces, while it forgot thoroughly, that many social classes and components of this redistribution have been motivated and implemented not by kryptoleft ideologists, but – formerly – by the necessities of the so-called consumer society.

Considered from the centre of the modern economy, there is not always antagonistic conflict between monetary restriction and state redistribution. From its perspective, these moments are two successive conceptions of the economical politics. Not less astonishing is that Reagan or Thatcher appear today with the steady necessity of the concept usage also as liberal facing the general public. In this perception of the monetary complex as “normal” is the illegitimate comparison of the monetary complex with the liberalism ignored.

The most essential argument is that the monetary complex together with its three components of the liberal basic vision is of the “free game of the free forces”. The term “liberal” must appear here as a clear imposture.

The monetary complex reduces the social space of the “free game” of many (if it just does not destroy it), introduces in a lot of points of the economical

regulation such an extreme financial centralization, that it cannot thereby any longer be considered as part of the liberal field.

Its conception of the state is once again not fundamental. While it diminishes its social functions in every sense, it evolves a bureaucracy in the sensible money-economical fields, which practically never existed in “normal” liberal democracies. With this demolishing of the social sphere, we must always keep in mind the fine difference, that the demolishing due to the indebtedness will be carried out by the monetary complex!

The essential of this act consists in the fact that the great monetary complex is willing to break numerous taboos or to encourage their elimination. The demolishing of certain social achievements can be understood also as a simple fiscal-monetary act, the concerning facts are however, on the other hand, social taboos, which were at least valid since the 2000 years of the European civilization.

According to this reflection, we can see already rather differently the term “demolishing of the social state networks”. In this breaking of taboos the exigence of description “liberalism” can also no longer be taken entirely seriously, because the liberalism understands the “free play of the free forces” always in an emancipative sense.

In this world of the monetary complex, the whole subsystem of the politics is radically depreciated. The politician is a man, who can and must certainly promise a lot before the vote, from his own force, however, has no chance to break the activities of the monetary complex and his highest and most complex duty is, to select the circle in a legitimated way which will be the victim of the next restrictive measures.

The designation “liberalism” for the great monetary complex is – apart from the horizon of the really existing socialism – on this basis an imposture.

The only really existing relation is a simple coexistence which is, however, not fateful and metaphysical. This is the true relation and it is the one of the coexistence, for this coexistence can in principle be interrupted by both sides. We take the cases, in which the strict monetary complex could also productively exist together with the conservative variants of the same democracy, but also with the conservative variants of non-democratic political systems (fascism, post-communism).

The great monetary complex has been up to now still described very incomplete, although it represents a well and adequately perceptible subject for the economy, as well as for politics, but also still for the society. It presents itself as “economical politics” of liberal colour, although it is not only not “liberal”, but in the strict sense of the word is also no “economical politics”, for it has in the strict sense only little to do with the economy.

It is an “economical politics” or “political economy”, which takes care exclusively of the financial transactions, with special attention to the “soft” organs of the national financial affairs, with which through the double indebtedness of the state always big money flows can be transferred from the state sphere to other spheres, it is not, because in these state spheres the need for these resources does not exist any more, but from the more simpler and more frappant reason, that these resources become simply transferrable under given circumstances.

For this reason, the monetary complex is, in its way, an “economical politics”; its economical component can also get a little free from the politics, like its political

component from the economical. The fact that we have here to do with a new mix of economy and politics has to be mentioned. Every monetary (economical) step is political, every monetary (political) step is economical. The monetary complex has to do with economy and society only in borderline cases.

This is the logical consequence in case of a great complex, which can also unite so inextricably politics and economy, that it deploys its own language, which is not “only” a language, but a new statement of the concepts with the contents. So the language of the great monetary complex forgets every difference between the macro and the micro level of the processes, which consequently follows from, that schoolmistresses and nurses, through their renunciation to their “request for consumption goods”, accompany the debts of armies, heavy industries or hydroelectric works. So a state of the fiscal balance appears for the monetary language as a “surplus consumption”, even if in the country in question the lower limit of a western consumption level has not even been reached.

The monetarism alleges, that it “reacts” to a new social state, which can be described metaphorically as a “social disease”. However, in fact, the monetarism is itself a social disease, it has so little to do namely with real economical processes, with social taboos and with the real objectives of the liberal basic vision, that this categorization must appear as illegitim.

The adequate perception of the great monetary complex applied long – in politics as well as in the economy – as an independent problem. This problematic of perception is so difficult, because the great monetary complex offers several faces simultaneously for the society. The destructive character of the great monetary complex appears partly always in certain steps, which are apparently not linked to each other. On the other hand, these attacks and monetary incursions always appear in the impeccable ideology of the neoliberal rationality.

This diversity of the social image of the great monetary complex becomes even greater – we think of the fact that the monetary bulldozer sometimes exterminates the social institutions, which are effectively mature for the decline and no more rational. Some legitimate strokes make of course these actions of the monetarism generally not legitimate. However, immediately on the other hand, beside the successful rationalization acts “against will”, other faces of the great monetary complex are appearing, namely the one of the brutality almost unprecedented in the peaceful decades and the one at nothing-step back, which are to be observed easily in these attacks against the (own, but also extraneous) society.

We have already shortly approached the problematic of this fracture of the taboos, due to this brutality the political context is more essential at the moment. The thought is not at all to be excluded, of how many societies shaken by crises would have survived to their fatal diseases, if they had allowed or might had allowed themselves this brutality, which the great monetary complex is practicing. At this point of the problematization of the monetary fracture of the taboos, which we already have thought about, they were no longer to be broken in the “modern” history, the idea raises, that the ideology and the background of this fracture of the taboos has just been the anticommunism (Ehrke, 2004). It remains, however, the question whether the attack directed against the dying real socialism has been effectively legitimized, to support and favor this attack ideologically. It remains, above all, the paradox that the anticommunism has effectively won, when it formulated this aim only as an ideological phenomenon

and admitted most astonishingly the effective end of the communism (Kaempfer, Neidhöfer, Ternes, 2005).

Do we have now the functional face of the monetarism in the eyes, the picture changes itself again necessarily. Appears the picture of the “everyday” monetarism (Peck, 2010). There is not namely every day a naval battle, there is also not every day any monetary attack, there is everyday life, as there has always been the every day life in front of the monetarism. The monetary incursion does not occur every day.

The great monetary complex does not define itself. It has no subject, or no subjects which bear him. The great monetary complex goes together with the supremacy of certain values; it might be understood as a direct consequence of them. It modifies all subsystems, without they would themselves stop to be. The great monetary complex presents itself such as the “normality” and, as such, as something that cannot be affirmed only from the liberal point of view, but as something that is carried by liberal principles.

The Other, the Otherness, the Interculturality

Up to this time, the perpetually broadening discourse about the Other, Otherness, and Interculturality was considered an “open way”, i. e. as part of an extension of emancipation. This orientation of the discourse prevailed with the overwhelming power of self-evidence, thus it became part of the international discussion right in this self-evident and self-fulfilling manner.

In our present time, the same discourse acquires new accents, while the former ones are still present to some extent as well. Beyond this former approach stood a fully emancipated logic of identity in a generalized form, which interpreted the Other and Otherness in a double manner of inclusion. Firstly, this approach wholly accepted the different character of the Other and the Otherness. And secondly, at the same time, it saw in them an entity genuinely identical with its original, “identical” entity. It does it in a programmatically emancipative sense.

The turn from a logic of identity to a logic of difference is anchored in the dramatic change of background dimensions. The approach of identity, which opens itself and sublates (*aufheben*) the Other and the Otherness is not founded by any kind of particular identity. The fact that this logic of identity had been based upon all-human (and not particular) values, which had been interpreted as the values of a civilization, has obviously disappeared from the consciousness of present actors. The attitude towards the Other in the light of identity therefore grounded the universality of the matter of civilizatory values.

This is the context, in which the shift from the logic of identity to the logic of difference took place. To call the present change its proper name, it is to say that the shift took place from a logic of identity to a logic of difference, which was no more built upon all-human i. e. civilizatory values.

The classical basic model of interculturality defined this way is therefore built upon difference, and arrives to an idea of identity, which is built upon civilizatory values, as the founding forces of identity. This process become crucial for our time. It's a transfiguration of the whole discourse on interculturality, which ended up in a logic of difference.

A logic of difference, which cannot be derived to an option of some common all-human values, necessarily constructs also a new reality of a new and different kind. The supposed triumph is unmasked as a huge challenge. A logic of difference is not rooted in any possible logic of identity possesses a peculiar quality. It has not yet been completely examined so far. What makes the situation even more confuse is the fact that difference – and the logic of difference even more – has been evolving for a long time in the same positive connotation as the emancipation itself. Up to this time, the semantics of difference has been an excellent and emancipative one – it was the semantics of the acceptance (Anerkennung) of the Other (s). Long decades have passed in terms of difference with a perpetually extending liberalization and emancipation, while identity, especially in context of interculturality, acquired homogenizing, if not straight totalitarian traits.

In the century of totalitarian dictatorships, the logic of identity got consequently corrupted, because the decisive difference between a logic of identity with civilizatory and all-human foundation and the same logic without civilizatory and all-human foundation has not been materialized. This provides an illuminating example of how the shadows of totalitarianism can eliminate real all-human values when the political community lacks a sufficient reflective basis.

Today, the logic of difference is actually fully represented by the leading philosophical tendencies of our time. The logic of difference becomes the instructive idea of ruling philosophical approaches of our global world. Terms like “progress”, “development”, “developing country”, “reflex-modernization”, “backwardness” keep their common sociological, economical, or historical meaning of course, without being able to offer the individuals a proper frame of social practice. The “Other” or “Otherness” gets anchored and even all-sidedly acknowledged by the logic of difference, but the Other and the Otherness shall no more function as a basis for constructive dynamical processes by generating positive and all-human values.

The developed party in the logic of difference does not consciously emphasize its civilizatory advance any more. The undeveloped party (the Other or the Different) does not intend to catch up with the civilizatory advance, while it is happy about this respectful attitude. The logic of difference don't exclude mutual respect, but it excludes real historical progression.

During this transfiguration of the problem of the Other, Otherness and Interculturality, tribalism, magic residues, or other archaisms of pre-individual attitudes still remain active.

References

1. Dahrendorf, R. (1990a). *Reflections on the Revolution in Europe: in a letter intended to have been sent to a gentleman in Warsaw*. Times Books.
2. Dahrendorf, R. (1990b). *The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty*. Berkeley: University of California Press.
3. Ehrke, M. (2004). *Das neue Europa. Ökonomie, Politik und Gesellschaft im postkommunistischen Kapitalismus*. Retrieved January 17, 2020, from <http://www.library.fes.de/pdf-files/id/01456.pdf>

4. Fukuyama, F. (1992). *The End of the History and the Last Man*. Free Press.
5. Giddens, A. (1998). *The Third Way: the renewal of social democracy*. Cambridge: Polity press.
6. Giddens, A. (2000). *The Third Way and its critics*. Cambridge: Polity press.
7. Hobhouse, L. T. (1994). *Liberalism and Other Writings* (J. Meadowcroft, Ed.). Cambridge University Press.
8. Kaempfer, W., Neidhöfer, H., & Ternes, B. (Eds.). (2005). *Die unsichtbare Macht. Neue Studien zu Liberalismus-Kapitalismus*. Berlin.
9. Kennedy, P. (1989). *Aufstieg und Fall der grossen Mächte. Ökonomischer Wandel und militärischer Konflikt von 1500 bis 2000*. Frankfurt am Main.
10. Kiss, E. (1997). Das Globale ist das Unmittelbarwerden des Absoluten? *Hegel-Jahrbuch, 1996* (pp. 33–41). Berlin.
11. Kuhnle, S. (2000). *Survival of the European Welfare State*. Rutledge.
12. Peck, J. (2010). *Constructions of Neoliberal Reason*. New York: Oxford University Press.
13. Pierson, P. (1996). The New Politics of the Welfare State. *World Politics, 48*(2), 143–179.
14. Plant, R. (1985). The very idea of a welfare state. In P. Bean, J. Eeris, & D. Whynes (Eds.), *Defence of Welfare*. London: Tavistock Publications.

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа [Формат документа]</i> . Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document [Format description]</i> . Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike</i> , 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovoј v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (2018). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization indicated in as an author)	Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».
Article	Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume</i> (issue number), page(s). doi: xx.xxxxxxxx Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Electronic resource (article)	Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i> , 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864
Electronic resource (newspaper, magazine)	Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume</i> (issue number). Retrieved from URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Electronic resource (web page, author presents)	If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets. Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL
Electronic resource (web page, no author)	<i>Webpage name</i> . (date). Retrieved from URL <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell